

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ян Цзинхун

Образ русского народа в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов

Специальность

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Криницын Александр Борисович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования «религиозного народничества» Ф.М. Достоевского	24
1.1 Категории «народ» и «народность» в российском общественно-философском дискурсе XIX века	24
1.2 Проблема народа и народности в концепции почвенничества Достоевского ..	39
1.2.1 Формирование представлений Ф.М. Достоевского о народности	39
1.2.2 Ключевые аспекты категорий «народа» и «народности» у Достоевского-почвенника.....	51
Выводы по 1 главе	65
Глава 2. «Сибирская тетрадь» как основа для дальнейших творческих открытий Ф.М. Достоевского.....	66
2.1. «Сибирская тетрадь» в контексте современных исследований	66
2.2. Образ народа через речевые реакции каторжных в «Сибирской тетради»	73
Выводы по 2 главе	85
Глава 3. Народный тип и образ в художественном мире Достоевского 1860-х годов.....	86
3.1. «Записки из Мёртвого дома»: изображение народа через призму каторжного опыта.....	86
3.2. Народ как зеркало нравственного поиска: образ русского народа в «Преступлении и наказании»	106
3.3. Дихотомия души русского народа в «Идиоте»	118
Выводы по 3 главе	125
Глава 4. Почвенничество и народность в произведениях Достоевского 1860-х годов: художественные и публицистические контрасты	127
4.1 Воплощение идей почвенничества и проблемы народности в художественных произведениях Достоевского 1860-х годов	129

4.1.1 «Записки из Мёртвого дома»	129
4.1.2 «Преступление и наказание»	138
4.1.3 «Идиот».....	143
4.2 Расхождения в изображении русского народа у Достоевского-публициста и Достоевского-художника.....	150
Выводы по 4 главе	156
Заключение	158
Библиография.....	163

Введение

1860–1870-е годы стали переломным периодом в российской истории, временем глубоких преобразований, которые затронули практически все ключевые аспекты общественной и национальной жизни. Россия столкнулась с целым рядом вызовов, обусловленных противоречивыми тенденциями в общественном сознании: с одной стороны, нарастало стремление к модернизации и заимствованию западных моделей развития, с другой – усиливались национально-консервативные настроения, выражавшиеся в обращении к традиционным духовным ценностям. В этот критический период, когда страна стояла перед судьбоносным выбором пути развития, вопрос о статусе и роли русского народа в истории и культуре страны занял центральное место в философских поисках и дискуссиях. Этот период ознаменовался активизацией политической мысли и появлением более четких очертаний различных идеологических направлений – либеральных, консервативных и радикально-демократических. В условиях острых общественных дискуссий и политических изменений, связанных с реформами 1861 года, активно развивалась политическая мысль. Увеличилось количество газет и журналов, что способствовало свободному обсуждению социальных и экономических вопросов.

В условиях острой журнальной полемики 1860-х годов почвенничество формируется как относительно целостная идеология. Его первые манифесты появились на страницах журнала братьев Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» (1861–1863), а развитие и обоснование получили в их журнале «Эпоха» (1864–1865). Теория почвенничества стала важной попыткой синтеза славянофильских и западнических идей. Она отвергала крайности как славянофильства (абсолютизация традиции и отторжение всего западного), так и западничества (отказ от национальной идентичности в пользу западной модели). В журнале «Время» впервые прозвучало понятие «русская идея», которая представляется как «синтез всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в

этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности»¹. Достоевский, как видный представитель почвенничества, считал «русскую идею» синтезом духовно-культурных ценностей, объединяющих народ на основе православия и национальной самобытности.

Произведения Достоевского 1860-х годов, такие как «Записки из Мёртвого дома» (1860–1862), «Преступление и наказание» (1866) и «Идиот» (1868), отражают его попытки осмыслить и выразить идеи почвенничества. Важную роль в этих произведениях играют народные образы и их голоса, которые не только имеют индивидуальное значение, но и несут в себе символическое и религиозно-метафорическое содержание. Народное сознание формирует уникальную картину мира, глубоко укоренённую в традиционных ценностях и принципах. Эти ценности определяют поведение и реакции народа, являясь ключевыми для понимания авторской позиции. Оценка народом действий героев основана на системе нравственных ориентиров, которые являются основополагающими для русского народа. Хотя действия народа иногда могут быть неправильными, его моральные оценки, как правило, отражают глубокую истину и важны для понимания авторского замысла.

Описание образов русского народа в произведениях Достоевского 1860-х годов требует глубокого анализа образов выразителей народной правды, идейных источников народных суждений и их трансформации. Как показывает А.Б. Криницын, «бесконечная и часто алогичная изменчивость характеров большинства персонажей и переплетение множества сюжетных мотивов, многозначных до неопределенности»² составляют главные черты поэтики Достоевского. Действительно, многих персонажей произведений Достоевского надо воспринимать не просто как конкретных личностей в реальном обществе, а скорее как носителей определенных философских доктрин, религиозных

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 18. С. 37.

² Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 139.

убеждений или моральных представлений. Эти герои, как правило, находятся на периферии общества, их жизни отражают широкий спектр социальных реалий и человеческих страданий. Достоевский мастерски изображает их психологические конфликты и моральные дилеммы, часто связанные с вопросами веры, нравственности, вины и искупления. Судьба героев представляет собой окончательный выход из ситуации столкновения и пересечения множества теорий. Когда внутренний мир героев осознается как поле битвы, начинается борьба между добром и злом, верой и неверием, христианским гуманизмом и индивидуалистическим своеволием, христианскими моральными концепциями и утилитаризмом.

Хотя, за исключением «Записок из Мёртвого дома», в «Преступлении и наказании» и «Идиоте» описание народа занимает лишь небольшое пространство, представляемые им социальные проблемы и морально-психологические состояния не только демонстрируют многообразие и сложность характеров героев Достоевского, но и углубляют понимание основных проблем романа. По наблюдению Джозефа Франка³, позитивные убеждения Достоевского выступают в основном как фон для пагубных доктрин, которые он хочет подорвать и разрушить – или изобразить как обреченные на самоуничтожение. Достоевский использовал положительные убеждения, такие как христианская вера и традиционные моральные ценности, как фон для развития сюжетов своих романов, выражая их через народные голоса и образы, воплощающие народную правду. На этом фоне возникают конфликты, спровоцированные идеологиями, такими как нигилизм, рационализм и индивидуализм, которые изображаются как разрушительные силы, противоречащие традиционным ценностям. Достоевский стремится разоблачить их, показав их внутренние противоречия и саморазрушительный характер.

Материалом исследования стали произведения Ф.М. Достоевского 1860-х годов – «Записки из Мёртвого дома» (1860–1862), «Преступление и наказание»

³ *Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871.* – Princeton: Princeton University Press, 1995. pp. 523. (Франк Дж. Достоевский: Чудесные годы, 1865-1871. – Принстон: Princeton University Press, 1995. 523 с.)

(1866) и «Идиот» (1868), а также критические статьи, письма, дневники и другие документальные источники, отражающие взгляды писателя на русский народ и народность.

Объектом исследования являются художественные воплощения образа русского народа в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов, а также эволюция взглядов писателя на народную сущность в его публицистических высказываниях указанного периода. **Предметом** исследования выступают типологические особенности, символическое и религиозно-метафорическое содержание образа русского народа в творчестве писателя указанного периода, а также идеологические и культурно-исторические предпосылки его формирования.

Цель работы – исследовать художественное отражение русского народа в творчестве Достоевского 1860-х годов, выявить его характерные черты и символические значения, а также рассмотреть философские и религиозные идеи, связанные с народной тематикой.

Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи**:

- проследить и описать эволюцию понимания Достоевским народности в контексте общественной мысли XIX века и определить становление его концепции религиозного народничества;
- обосновать важность «Сибирской тетради» как отдельного этапа в формировании народнической концепции Достоевского и выявить зафиксированные в ней основные черты русского народного характера;
- систематизировать народные образы в произведениях Достоевского 1860-х годов, определив их структуру, идейное наполнение, символическое, религиозно-метафорическое значение, сюжетную значимость и литературные ассоциации;
- рассмотреть воплощение идей почвенничества и народности в художественных и публицистических текстах Достоевского 1860-х годов, сопоставив их выразительные средства.

Актуальность исследования обусловлена возросшим вниманием гуманитарных наук к вопросам национальной идентичности и феномена

народности как ключевых категорий в осмыслении культурной и исторической самобытности. С одной стороны, анализ образа русского народа в произведениях Ф.М. Достоевского в контексте социально-политических и культурных трансформаций 1860-х годов позволяет глубже понять не только эстетические принципы и идейные установки писателя, но и его критическое отношение к актуальным общественным процессам своего времени. С другой стороны, изучение характерологических черт народа в творчестве Достоевского открывает возможности для выявления типологических параллелей и расхождений в идейно-художественном диалоге писателя с его современниками, что способствует более глубокому осмыслению литературного и философского контекста эпохи.

Методологический подход основан на комплексном анализе текстов писателя с учётом контекста эпохи и культурных влияний, а также на изучении современных исследований, посвящённых творчеству Достоевского и его пониманию народной души. Работа построена на взаимодополнении различных методов литературоведения: биографического, фидеистического, культурно-исторического, сравнительно-исторического и сравнительно-типологического.

Теоретическую основу составляют работы И.И. Виноградова «Проблемы содержания и формы литературного произведения»⁴, М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»⁵, Анджей де Лазари «В кругу Федора Достоевского»⁶ и А.В. Гулыги «Творцы русской идеи»⁷, а также исследования современных достоевсковедов В.А. Туниманова, А.П. Власкина, В.В. Борисовой, А.Б. Криницына и других.

Степень разработанности темы исследования.

⁴ Виноградов И.И. Проблемы содержания и формы литературного произведения. – М.: Изд-во МГУ, 1958. 216 с.

⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 6. – М.: Русские словари, ЯСК, 2002. С. 7-300, 466-505.

⁶ Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Интербук, 2004. 205 с.

⁷ Гулыга А.В. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. 316 с.

Проблема народа и народности стала предметом острейшей общественной полемики в конце XIX - начале XX веков и с тех пор активно обсуждается в русском литературоведении. Уже в 1841 году Белинский определил категорию народности как наиболее актуальное и влиятельное историко-культурное понятие своего времени: «"народность" сделалась высшим критерием, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы»⁸.

Категория народности как основа идеи почвенничества Достоевского проявляется на всех уровнях его творчества. Анализ роли почвенничества в творчестве Ф.М. Достоевского раскрывается через проблему «русской идеи» как общественного идеала России, который становится центральной темой в его работах. В этом вопросе значительный вклад внесли литературно-критические и научные труды конца XIX – начала XX века И.А. Бердяева, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.Я. Абрамовича, Н. Лосского, Д.С. Мережковского, К. Мочульского, В.Я. Кирпотин и других исследователей. Они раскрывают внутреннюю сущность народности Достоевского и подчеркивают органичную связь идеи богоизбранности русского народа с его творчеством. В книге «Миросозерцание Достоевского» И.А. Бердяев рассматривает Достоевского как «сознательного глашатая русской идеи и русского национального сознания»⁹. Бердяев отмечает, что Достоевский воспринимал русский народ как самый смиренный, но гордый этим смирением, а также как «народ-богоносец», единственный среди народов с этим статусом. В.В. Розанов¹⁰ рассматривает народность у Достоевского не как внешний этнографический элемент, а как глубинную духовную категорию, формирующую мировоззрение и

⁸ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. Т. 5, 1954. С. 289.

⁹ Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – М.: Издательство «Э», 2016. С. 447.

¹⁰ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. – СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 15-162, 803-820; Розанов В.В. О происхождении некоторых типов Достоевского. Литература в переплетениях с жизнью. – М.: Директ-Медиа, 2015. 95 с.

художественный мир писателя. В очерке «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» он акцентирует внимание на ключевой проблеме православной философии – бессмертии человека, проводя параллели между легендой Достоевского и рассказом Гоголя. Розанов подчёркивает, что «Легенда о Великом Инквизиторе» является центральным ядром романа «Братья Карамазовы», в котором выражены основные идеи писателя. В работе «О происхождении некоторых типов Достоевского» Розанов рассматривает не отдельных героев, а общие литературные типы. Он показывает, что персонажи писателя связаны с историческими портретами.

В трудах В.С. Соловьёва, включая «Оправдание добра», подчёркивается, что истинная народность проявляется в стремлении к добру и духовному совершенству. Он отмечает, что Достоевский рассматривал православие как сущностную стихию русского народа, через которую возможно осуществление «вселенского христианства» – идеи, призванной к примирению и объединению всего человечества ¹¹. В своей монографии «Христос Достоевского» Н.Я. Абрамович предпринимает попытку систематизировать религиозно-философские идеи Достоевского ¹². Абрамович утверждает, что все творчество писателя сосредоточено вокруг одной центральной темы: противостояния Религии человеческой и Религии Христовой. Он считает, что Достоевский развивал истину христианского сознания через её отрицание, показывая борьбу с этой истиной через героев, таких как Раскольников, Шатов, Кириллов, Ставрогин и Иван Карамазов. Через эти внутренние конфликты и сомнения, Достоевский постепенно приходит к утверждению своей истины – утвердить Христа в мире. В.Я. Кирпотин в работе «Достоевский в 60-е годы» ¹³ анализирует социально-политический контекст творчества писателя, уделяя внимание полемике с революционными и славянофильскими идеями, концепции почвенничества и

¹¹ См.: Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 290-323; Соловьёв В.С. Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.; Соловьёв В.С. Русская идея. – М.: Archive Publica, 2024. 54 с.

¹² Абрамович Н.Я. Христос Достоевского. – М.: Изд. И.А. Маевского, 1914. 164 с.

¹³ Кирпотин В.Я. Достоевский в 60-е годы. – М.: Худож. литература, 1966. 538 с.

ключевым произведениям. А в книге «Мир Достоевского. Этюды и исследования»¹⁴ он исследует философско-этические аспекты творчества, такие как диалектика скептицизма, художественное время и поэтика, с акцентом на произведения «Идиот», «Вечный муж» и «Подросток». Оба труда выполнены в рамках марксистской методологии, что ограничивает интерпретацию, но обеспечивает глубокий текстовый анализ. Аналогичные глубокие наблюдения о народно-религиозной мотивации в литературных идеях и образности Достоевского представлены в работах Н. Лосского, Д.С. Мережковского и К. Мочульского¹⁵.

В современном достоевковедении проблема народа в творчестве Достоевского продолжает активно осмысляться. В своих работах С.В. Белов¹⁶, Н.Д. Козлов¹⁷, А.А. Васильев¹⁸, К.Л. Кошемчук¹⁹, М.С. Таранов²⁰, А.Ч. Кодоева²¹ и В.Ф. Ваняшина²² уделяют особое внимание изучению национальных и культурных аспектов в произведениях Достоевского, а также его видению русской идеи.

¹⁴ *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского. Этюды и исследования. – М.: Советский писатель, 1980. 375 с.

¹⁵ См.: *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова. 1953. 406 с.; *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. – Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. 152 с.; *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-Press, 1947. 561 с.

¹⁶ *Белов С.В.* Вокруг Достоевского. Статьи, находки и встречи за тридцать пять лет. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 446 с.

¹⁷ *Козлов Н.Д.* Национальная идея и историческое сознание // Ключ: Альманах Пушкинского центра аналит. исслед. и прогнозирования. – СПб., 2009. Вып. 1. С. 40-53.

¹⁸ *Васильев А.А.* Национальная почва в мировоззрении Ф.М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова // Человек и культура. 2013. № 4. С. 16-42; *Васильев А. А.* Русский национальный характер в творчестве Ф.М. Достоевского: мировоззренческие, социально-политические и правовые аспекты. – Барнаул, Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. 186 с.

¹⁹ *Кошемчук К.Л.* Национальная идея в русском почвенничестве: На примере работ Ф.М. Достоевского // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2012. С. 119-121.

²⁰ *Таранов М.С.* Ф.М. Достоевский о национальной идее России // Социальные ценности и выбор времени. – Курган, 2011. С. 120-123.

²¹ *Кодоева А.Ч.* Особенности национального образа мира во фразеологии: (На мат-ле романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы») / РАН. Сев.-Осет. ин-т гуманитар. и социал. исслед. им. В. И. Абаева Владикавказ. науч. центра РАН и Прав-ва РСО-А. – Владикавказ, 2011. 174 с.

²² *Ваняшина В.Ф.* К проблеме народного характера в социологии Достоевского // Герценовские чтения. XXIII. Вопросы философии и социальной психологии. – Л., 1970. С. 99-103.

Почвенничество по своей сути тесно связано с православием и церковностью. Почвенники, включая Ф.М. Достоевского, видели в православной вере не только основу духовной жизни народа, но и краеугольный камень русской культуры и национальной идентичности. В связи с этим исследования религиозных и философских аспектов в творчестве Достоевского тесно связаны с проблемами народа и народности, которые исследуются в работах А.И. Венгерова²³, И.А. Кирилловой²⁴, О.В. Петровской²⁵, Т.Н. Васильчиковой²⁶, Н.Ф. Третьяков²⁷ и С. Сальвестрони²⁸.

Связь творчества писателя с религиозным измерением народной культуры исследовали такие ученые, как Г.М. Фридлендер, А.П. Власкин, В.Е. Ветловская, В.П. Владимирцев, И.Л. Волгин, В.В. Борисова, В.Н. Захаров, Б.Н. Тихомиров, Т.А. Касаткина, В.А. Михнюкевич, В.А. Викторович, О.И. Сыромятников, А.Б. Криницын и другие исследователи. В этих трудах особое внимание уделяется высказываниям Достоевского о судьбе России и русского народа, отраженным в его публицистических произведениях, переписке и публичных выступлениях.

Особенно следует отметить труды Г.М. Фридлендера, А.П. Власкина, В.В. Борисовой, В.П. Владимирцева, В.Н. Захарова и О.И. Сыромятникова, непосредственно посвященные заявленной теме. В статье «Проблемы народа и

²³ Венгеров А.И. Богоискательство Ф. Достоевского как социально-религиозная утопия // Дни аспирантуры РГГУ. – М., 2010. Вып. 4. С. 155-166.

²⁴ Кириллова И.А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. – М.: Центр книги Рудомино, 2011. 160 с.

²⁵ Петровская О.В. Евангельские мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского // Духовно-нравственное воспитание: опыт становления гражданина. – Н. Новгород, 2010. Ч. 2. С. 79-83.

²⁶ Васильчикова Т.Н. Проблема возрождения человека в позднем творчестве Ф.М. Достоевского в свете христианской антропологии // Художественная антропология: Теорет. и ист.-лит. аспекты: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 228-236.

²⁷ Третьяков Н.Ф. Проблема человека, России и русского народа в творчестве Достоевского // Очерки истории русской социальной философии XVIII– XX веков: моногр. / Омский гос. ун-т. – Омск, 1999. С. 92-120.

²⁸ Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итальянского. – СПб.: Академический проект, 2001. 187 с.

народности в творчестве Достоевского»²⁹ и монографии «Реализм Достоевского»³⁰ Г.М. Фридлендер исследует понимание национальных и социальных аспектов проблем народа и народности Достоевским, показывая их значимость для понимания реализма в произведениях писателя. В работе «Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура»³¹ А.П. Власкин анализирует, как народные религиозные традиции и верования находят отражение в произведениях Достоевского, раскрывая глубинные связи между его творчеством и духовной культурой русского народа. В своей докторской диссертации В.В. Борисова³² рассматривает проблему национального и религиозного в художественной системе Достоевского в едином комплексе и более широком контексте, учитывая как идеальное, так и реальное выражение его этноконфессиональной концепции.

В книге «Достоевский народный: Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура»³³ В.П. Владимирцев исследует многогранные творческие связи Достоевского с русской народной культурой. В книге «Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты»³⁴ В.Н. Захаров обращается к проблеме этнопоэтики Достоевского, выявляя национальный акцент в трактовке категорий исторической поэтики, а в монографии «Имя автора – Достоевский. Очерк творчества»³⁵ он представляет оригинальную концепцию творчества Достоевского как одного из высших достижений христианского

²⁹ Фридлендер Г.М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // Достоевский: Материалы и исслед. Т. 16. Юбилейный сборник / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб.: Наука, 2001. С. 390-404.

³⁰ Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. – М.-Л.: Наука, 1964. 404 с.

³¹ Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. – Магнитогорск, Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. 195 с.

³² Борисова В.В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Борисова Валентина Васильевна. – Уфа, 1997. 312 с. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000205022> (дата обращения: 29.06.2024).

³³ Владимирцев В.В. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературных исследований. – Иркутск, ИГУ, 2007. 460 с.

³⁴ Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. 264 с.

³⁵ Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – М.: Изд-во «Индрик», 2013. 456 с.

реализма в мировой литературе. В книге «Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф.М. Достоевского»³⁶ О.И. Сыромятников рассматривает русскую идею в качестве основной идеи творчества Достоевского, определяющей особенности поэтики его великого пятикнижия.

В зарубежном достоевковедении по ней или по смежным темам также было опубликовано множество работ. Особое внимание уделяется работам, анализирующим народность и религиозно-философские аспекты его произведений. Ж.-П. Сартр и А. Камю осмысливают экзистенциальное измерение произведений Достоевского, подчёркивая его внимание к внутреннему миру «маленького человека» и его духовным исканиям³⁷.

Пол Дж. Контино в исследовании «Воплощённый реализм Достоевского: Обретая Христа среди братьев Карамазовых»³⁸ предлагает теологическую интерпретацию романа «Братья Карамазовы», акцентируя внимание на концепции «воплощённого реализма» и роли народной веры в духовном возрождении героев. Сборник статей под редакцией Джорджа Паттисона и Дайан Оэннинг Томпсон «Достоевский и христианская традиция»³⁹ объединяет взгляды западных и российских исследователей на религиозные аспекты творчества Достоевского, включая его восприятие народной духовности. Малкольм Джонс в книге «Достоевский и динамика религиозного опыта»⁴⁰ исследует религиозные переживания героев Достоевского и их влияние на развитие сюжета, подчёркивая

³⁶ Сыромятников О.И. Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф.М. Достоевского: монография. – СПб.: Маматов, 2014. 366 с.

³⁷ Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. 644 с.; Камю А. Миф о Сизифе. – М.: АСТ, Астрель, 2011. 218 с.

³⁸ Contino Paul J. Dostoevsky's Incarnational Realism: Finding Christ among the Karamazovs. – Eugene: Cascade Books, 2020. pp. 334. (Контино Пол Дж. Воплощённый реализм Достоевского: Обретая Христа среди братьев Карамазовых. – Юджин: Издательство «Cascade Books», 2020. 334 с.)

³⁹ Dostoevsky and the Christian Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. pp. 281. (Достоевский и христианская традиция. – Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2001. 281 с.)

⁴⁰ Jones M. V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. – London: Anthem Press, 2005. pp. 183. (Джонс М. В. Достоевский и динамика религиозного опыта. – Лондон: Издательство «Антем Пресс», 2005. 183 с.)

важность народной религиозности. Джо Барнхарт в работе «Полифонический дар Достоевского»⁴¹ анализирует полифоническую структуру произведений Достоевского, сравнивая её с другими литературными традициями и рассматривая народные голоса как неотъемлемую часть этой структуры. Польский философ и литературовед Анджей де Лазари в монографии «В кругу Федора Достоевского. Почвенничество»⁴² детально исследует почвенническое мировоззрение и категории народности Достоевского, анализируя его взгляды на национальную идентичность, религию и государственность. Итальянский учёный Симонетта Сальвестрони в книге «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского»⁴³ исследует влияние цитат из Библии и произведений отцов церкви на творчество Достоевского, раскрывая, как эти идейные источники формируют его народное христианское мировоззрение.

Американская исследовательница Робин Фойер Миллер в монографии «Неоконченное путешествие Достоевского»⁴⁴ сосредоточивается на трудной задаче анализа изображения крестьянства в произведениях Достоевского и предлагает новые подходы к интерпретации его художественного мира, подчёркивая важность народных элементов в его творчестве. Особое место занимает вклад американского слависта Джозефа Франка, чьи труды «Достоевский: чудесные годы, 1865–1871», «Между религией и рациональностью: очерки о русской литературе и культуре» и обобщающая работа «Достоевский: писатель своего времени» представляют масштабное и глубокое осмысление религиозного сознания, народного мироощущения и исторического контекста, в

⁴¹ *Barnhart Joe E. Dostoevsky's Polyphonic Talent.* – Lanham: University Press of America, 2005. pp. 249. (*Барнхарт Джо Э. Полифонический дар Достоевского.* – Лэнхэм: Университетское издательство Америки, 2005. 249 с.)

⁴² *Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество.* – М.: Интербук, 2004. 205 с.

⁴³ *Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского.* – СПб.: Академический Проект, 2001. 187 с.

⁴⁴ *Миллер Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского.* – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.

котором формировалось творчество Достоевского⁴⁵. Эти исследования позволяют взглянуть на Достоевского как на фигуру мирового значения, чьё философское и художественное наследие глубоко связано с народными традициями и верованиями.

В дополнение к работам западных исследователей, анализировавших философские и антропологические аспекты творчества Достоевского, к изучению таких ключевых тем, как почвенничество, народность и православная культура, активно подключаются и китайские учёные – среди них Ван Хайсон, Цзи Минцзюй, Лю Кун и другие. Ван Хайсон⁴⁶ в своих работах рассматривает религиозные мотивы и их связь с образами каторжан, подчёркивая роль православной идентичности в формировании народного самосознания. Он также исследует почвенничество как альтернативу западничеству и славянофильству, отмечая его синтетический характер, и анализирует концепцию народности у Достоевского, выделяя её духовно-нравственные основы. Кроме того, учёный

⁴⁵ *Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871.* – Princeton: Princeton University Press, 1995. pp. 523. (*Франк Дж. Достоевский: Чудесные годы, 1865-1871.* – Принстон: Princeton University Press, 1995. 523 с.); *Frank J. Between religion and rationality: Essays in Rus. lit. a. culture.* – Princeton; Oxford: Princeton univ. press, 2010. pp. 299. (*Франк Дж. Между религией и рациональностью: Очерки о русской литературе и культуре.* – Принстон; Оксфорд: Издательство Принстонского университета, 2010. 299 с.); *Frank J. Dostoevsky: A Writer in His Time.* – Princeton, NJ: Princeton University Press. 2010. pp. 984. (*Франк Дж. Достоевский: Писатель своего времени.* – Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2010. 984 с.)

⁴⁶ 万海松. 《死屋手记》中“不幸的人”与东正教认同感. 外国文学研究, 2018, 40(2): 31–42 页. (Ван Хайсон. «Несчастное» и идентификация Православной Церкви в «Записках из Мёртвого дома» // Иностранное литературоведение. 2018. Т. 40, № 2. С. 31-42); 万海松. 作为“第三条道路”的俄国根基派刍议 – 以费·陀思妥耶夫斯基为中心. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018(3): 94-107. (Ван Хайсон. Суждения о русских почвенниках как о «третьем пути», ориентированные на Ф.М. Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2018. № 3. С. 94-107); 万海松. 寓于根基主义思想中的“人民性”问题 – 论陀思妥耶夫斯基的“人民性”概念的本质. 学习与探索, 2016(9): 137-141. (Ван Хайсон. Проблема «народности» в идеях почвенничества – о сущности представления Достоевского о «народности» // Обучение и исследование. 2016. № 9. С. 137-141); 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想的反理性主义根源. 江海学刊, 2017(4): 204-209. (Ван Хайсон. Об антирациональных корнях почвенничества Достоевского // Академический журнал Цзян Хай. 2017. № 4. С. 204-209); 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想萌芽期与发展期的原创性. 外国文学, 2018(1): 25-33. (Ван Хайсон. Об оригинальности идей почвенничества Достоевского в период зародыша и развития // Иностранная литература. 2018. № 1. С. 25-33).

рассматривает иррациональные аспекты почвенничества, выявляя влияние религиозного мистицизма и интуитивного познания на взгляды писателя, а также прослеживает динамику эволюции его взглядов на данное направление. Цзи Минцзюй⁴⁷ в своей статье анализирует взаимоотношения интеллигенции и народа в произведениях Достоевского, акцентируя внимание на стремлении писателя к их гармонизации. Лю Кун⁴⁸, в свою очередь, рассматривает православные культурные аспекты, заложенные в размышлениях Достоевского о «преступлении» и «наказании». Она трактует эти категории как фундаментальные христианские концепты, тесно связанные с библейской традицией, русской православной философией и национальным характером. Исследование выявляет специфическое мировоззрение, определяющее восприятие данных понятий в русской культуре, а также культурные и духовные факторы, способствовавшие их осмыслению в творчестве писателя. Особое внимание уделяется значимости Достоевского в развитии этих идей.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов и программ в вузах по литературоведению, русской литературе и культурологии. Это позволит студентам более глубоко понять особенности русской литературы XIX века и культурно-исторический контекст произведений Достоевского.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование способствует уточнению культурно-исторического контекста творчества Достоевского, выявляя влияние общественно-политических и культурных факторов на формирование его литературных образов. Результаты исследования могут быть полезны для междисциплинарных исследований, объединяющих

⁴⁷ 季明举. “文明与人民根基的和解”——陀思妥耶夫斯基的“知识分子与人民”命题. 俄罗斯东欧中亚研究, 2019(3): 100-112. (Цзи Минцзюй. «Примирение цивилизации и народной почвы» – тема «интеллигенция и народ» у Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2019. № 3. С. 100-112).

⁴⁸ 刘昆. 论陀思妥耶夫斯基“罪”与“罚”思想中的东正教文化内涵. 国外文学, 2009(3):120-126. (Лю Кун. Православная культура и размышления Достоевского о «преступлении» и «наказании» // Иностранная литература. 2009. № 3. С. 120-126).

литературоведение, культурологию, историю и философию, что способствует развитию комплексного подхода к изучению культурных феноменов.

Научная новизна работы состоит в комплексном изучении и осмыслении образа русского народа в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов и в выявлении процессов формирования его концепции «религиозного народничества». В исследовании систематизированы ключевые черты и качества, приписываемые автором русскому народу, что позволяет не только глубже понять творческий замысел писателя, но и внести вклад в осмысление и структурирование представлений о национальном характере, существовавших в русской литературе XIX века.

Рамки исследования определяются хронологически, географически и тематически. Исследование охватывает 1860-е годы, которые являются ключевым периодом для формирования идей Достоевского о русском народе. Основной корпус анализа составляют произведения и публицистические тексты писателя этого периода, что позволяет выявить наиболее значимые образы и концепты, сложившиеся в указанное время. Географические рамки ограничены пространством Российской империи, прежде всего Петербургом и Сибирью, как ключевыми моделями социального и жизненного опыта автора. В качестве вспомогательного материала привлекаются отдельные фрагменты «Дневника писателя» более поздних лет, так как они уточняют идеи, заложенные в 1860-е годы.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, заключение и список использованной литературы. Первая глава представляет теоретические основы исследования, посвященные понятию «религиозного народничества» в творчестве Ф.М. Достоевского, с подробным рассмотрением ключевых понятий «народ» и «народность» в контексте русской общественной мысли XIX века, а также развития почвеннической концепции писателя. Во второй главе анализируется «Сибирская тетрадь» как важнейший источник, оказавший влияние на мировоззрение Достоевского, в контексте его представлений о народе и

религиозной миссии. Третья глава посвящена анализу образа русского народа в произведениях Достоевского 1860-х годов, раскрывая ключевые особенности этого образа через призму его героев и сюжетов. В четвертой главе исследуются воплощение идей почвенничества и проблемы народности в произведениях писателя 1860-х годов, а также показано различие между изображением русского народа в публицистике и художественных текстах Достоевского.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В российской общественной мысли XIX века понятия «народ» и «народность» обрели религиозно-философское звучание под воздействием идей Просвещения, славянофильства и народничества. Развиваясь в диалоге и полемике с этими течениями, у Достоевского сформировалась концепция «религиозного народничества». Эта многогранная философско-культурная концепция сложилась под влиянием религиозных традиций, включая православную мифологию и народную культуру, личного духовного опыта писателя, а также его критического взаимодействия с западниками и славянофилами.

2. Концепция «религиозного народничества» Достоевского представляет собой уникальную идеологическую систему, объединяющую три ключевых элемента: духовно-мессианскую миссию русского народа, призыв к европеизированной интеллигенции вернуться к народным корням, а также утопическое противостояние утилитаризму искусства и теории «среды».

3. В XIX веке представления о «народе» были подвижны и идеологически нагружены. Для Достоевского «народ» не сводился к сословию, а имел духовно-нравственное измерение. Он отвергал как западническое пренебрежение к национальным основам, так и узкий национализм. По его мысли, «народное» связано с идеей нравственного преображения и духовного воскресения, доступных каждому независимо от происхождения. Христианская антропология писателя основывалась на убеждении, что в каждом человеке заключён образ Божий, подлежащий восстановлению («образить»). В его романах народ предстает

как духовная общность, путь и выбор, а не как социальная данность. Персонажи, будь то Соня Мармеладова, Раскольников или Дмитрий Карамазов, через страдание и веру обретают «народное лицо». Таким образом, у Достоевского образ народа воплощает нравственный идеал богоносности и «всечеловечности», определяющий историческое призвание России.

4. Записи и речевые реакции каторжан в «Сибирской тетради» представляют собой полевой материал, на основе которого Достоевский конструирует типологию народных характеров (скрытность, смелость, справедливость и др.). Систематизация фольклорных элементов в «Сибирской тетради» закладывает методологическую основу его дальнейшей художественной типологии.

5. В произведениях Достоевского 1860-х годов прослеживается постепенная эволюция народных образов: от этнографически насыщенного и фольклорно окрашенного материала в «Сибирской тетради» к осмысленному философскому и религиозному символизму в «Записках из Мёртвого дома», «Преступлении и наказании» и «Идиоте». «Сибирская тетрадь» представляет собой собрание наблюдений и фольклорных зарисовок, в которых фиксируются характерные черты простого народа – стремление к справедливости, богобоязненность, терпение, чувство собственного достоинства и т. д. Эти характеристики становятся основой для типологии народных персонажей в «Записках из Мёртвого дома», где каторжане изображаются не просто как страдающие люди, но как носители внутренней духовной силы и религиозного гуманизма. В «Преступлении и наказании» народные образы обретают философскую функцию: через символическое противопоставление двух Миколок и образы Лизаветы, Настасьи и Филиппа раскрывается дихотомия добра и зла, покаяния и греха в народной душе. В «Идиоте» Достоевский усиливает религиозно-символическую нагрузку народных персонажей, представляя их как выразителей глубинных нравственных и духовных смыслов: фигуры крестьянина-убийцы, пьяного солдата или старушки, благословляющей князя, служат фоном

для раскрытия ключевых тем романа – сострадания, веры, жертвенности. Таким образом, народ у Достоевского становится не просто социокультурной реальностью, а метафизическим началом, воплощающим его идею «почвенничества».

6. Изображение русского народа в публицистике и художественных произведениях Достоевского взаимосвязано и дополняет друг друга: публицистика Достоевского в большей степени склонна к идеализации народа, подчёркивая его высокие духовно-нравственные качества и призывая к его духовному возрождению, тогда как художественные произведения раскрывают народ через конкретные образы и личные судьбы, придавая идеям эмоциональную глубину и реалистичность. Синтез художественных и публицистических стратегий создаёт единую идеологическую концепцию, в центре которой – народ как носитель богочеловеческой перспективы. Взаимодополнение жанров позволяет Достоевскому одновременно фиксировать этнографические детали и формулировать философско-религиозные контрапункты, обосновывающие миссию русского народа.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечивается опорой на широкий круг источников, использованием современных методов анализа и опорой на авторитетные исследования в данной области.

Апробация результатов исследования проведена в форме докладов на следующих научных конференциях:

1. X Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвящённой памяти Г.И. Рихтера, с докладом «История изучения литературного творчества Достоевского в китайском литературоведении» (Донецк, Россия, 24 марта 2023 г.);

2. XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», секция «Филология», с докладом «Проблема "народности" в концепции почвенничества Достоевского» (Москва, Россия, 10-21

апреля 2023 г.);

3. V Международной конференции студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур», с докладом «Национально-религиозная проблематика в "Записках из Мёртвого дома"» (Ростов-на-Дону, Россия, 1 декабря 2023 г.);

4. XXXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025», секция «Филология», с докладом «Дуализм народной души в "Преступлении и наказании" Ф.М. Достоевского» (Москва, Россия, 15 апреля 2025 г.).

Диссертация прошла апробацию при защите НКР на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова 5 сентября 2024 года.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, определённых Положением о присуждении ученых степеней в Московском Государственном университете имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Ян Цзинхун. Проблема «народности» в концепции почвенничества Достоевского // Litera. 2023. № 10. С. 223-234. Импакт-фактор 0,203 (РИНЦ). Объем 0,636 п.л. EDN: IJDALE.

2. Ян Цзинхун. Изображение русского народа в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 404-411. Импакт-фактор 0,305 (РИНЦ). Объем 0,907 п.л. EDN: DVJAOX.

3. Ян Цзинхун. Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Litera. 2024. № 7. С. 197-207. Импакт-фактор 0,203 (РИНЦ). Объем 0,712 п.л. EDN: SUMVZB.

4. Ян Цзинхун. Идея почвенничества в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 419-422.

Импакт-фактор 0,364 (РИНЦ). Объем 0,758 п.л. EDN: GQYGAY.

Другие публикации:

1. Ян Цзинхун. История изучения литературного творчества Достоевского в китайском литературоведении // Новые горизонты русистики. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. Выпуск 20. С. 113-118. Объем 0,526 п.л.

2. Ян Цзинхун. Народ как богоносец: публицистические искания Ф. М. Достоевского // Языки и литература в поликультурном пространстве. Сборник научных статей. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2025. № 11. С. 172-176. Объем 0,281 п.л.

Глава 1. Теоретические основы исследования «религиозного народничества»

Ф.М. Достоевского

1.1 Категории «народ» и «народность» в российском общественно-философском дискурсе XIX века

XIX век в России стал временем интенсивного поиска национальной идентичности, в центре которого оказались понятия «народ» и «народность». Их осмысление формировалось под влиянием ключевых событий эпохи: Отечественной войны 1812 года, восстания декабристов, идей Европейского Просвещения и Великой французской революции. Эти концепты стали центральными для всех основных идейных течений – от консерваторов до революционеров, – определяя дискуссии о прошлом, настоящем и будущем России.

1. Эволюция понятий «народ» и «народности»

Влияние идей Французской революции и Просвещения способствовало формированию современного понимания народа как самостоятельного субъекта, обладающего своими правами, культурой и исторической миссией. Понятие «народ» того времени тесно связано с идеями освободительного движения и критикой бюрократического аппарата. В рамках либерально-демократической традиции народ стал восприниматься не только как сообщество граждан, объединённых территориальными и властными рамками, но и как коллектив, обладающий правами и обязанностями в контексте правового государства. «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года сыграла важную роль в формировании современного понимания прав и свобод. Народ перестали видеть как пассивных подданных и начали рассматривать как равных граждан. Одним из главных положений стало признание, что источник власти находится в народе, а не в монархии или церкви. Это изменило само понимание власти и заложило новый политический порядок, где именно народ является её носителем. Эти идеи оказали большое влияние на политику и общественную жизнь в России и Европе.

Идеи Просвещения, особенно концепция народного суверенитета, сильно повлияли на развитие русской общественно-политической мысли. Французские энциклопедисты предложили новую трактовку народа, акцентируя внимание на его коллективной идентичности, связанной не только с правами, но и с общими ценностями и обязанностями. Жан-Жак Руссо в трактате «Об общественном договоре» предложил концепцию «общей воли», которая должна выражать коллективные интересы народа как целого. Это понимание народа как единого гражданского тела было тесно связано с идеями о свободе, равенстве и братстве, что позже отразилось в общественной мысли России. Однако в условиях феодального общества, с его строго иерархической структурой, народ в России рассматривался скорее как часть социального порядка, нежели как самостоятельный исторический актор. Поэтому А.Н. Радищев в произведении «Беседа о том, что есть сын отечества»⁴⁹ поставил под сомнение статус крестьян как полноправных членов нации. Он указывал на то, что отсутствие у крестьян политических прав и гражданских свобод исключает их из категории «сынов отечества», что на уровне концептуального осмысления уже предполагало признание народа субъектом политического действия.

Война с Наполеоном способствовала дальнейшему развитию национального сознания в России, предоставив русским возможность сравнить свою культуру с культурами Западной Европы и глубже осознать их отличия. С этого момента категории народа и народности начинают занимать центральное место в русской социально-философской мысли, где гражданско-политическое направление, сформировавшееся под влиянием французской просветительской традиции, достигает своего апогея в восстании декабристов. Представление о народе как о носителе суверенитета было воспринято и творчески переосмыслено рядом ключевых русских мыслителей. П.Я. Чаадаев, например, в своих «Философических письмах», несмотря на свой критический взгляд на

⁴⁹ Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын отечества // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. Т. 1. С. 213-223.

историческую отсталость России, видел в народе потенциального субъекта исторического действия, чья миссия еще только должна проявиться в будущем. В. Г. Белинский в своей эволюции от гегельянства к «социальности» также пришел к идее о том, что народ является не просто объектом истории, но и ее творцом, подчеркивая необходимость освобождения его творческих сил от оков крепостничества. Однако, народ в «александровском сценарии» выступает не как активный исторический субъект, а как объект управления и эстетизации. Его восторг и преданность являются обязательной частью спектакля, призванной продемонстрировать любовь к монарху. Попытки таких авторов, как С.Н. Глинка, изобразить взаимность между царем и народом, выглядят робко и неубедительно («намек на взаимность, но не более»). Ричард С. Уортман отмечает, что после 1812 года происходит активное вытеснение народа из нарратива о победе. Заслуги приписываются сначала Божественному Провидению («Не нам, не нам, а имени Твоему»), а затем лично императору-герою. Это возвращение к модели XVIII века – прославлению монарха-завоевателя. Народная тема и религиозно-мессианский пафос замещаются индивидуальным героизмом царя и его смирением перед Богом⁵⁰.

Представители движения декабристов, такие как Павел Пестель, стремились воплотить в России принципы, основанные на идеях народного суверенитета и правовой государственности. В своей «Русской правде» Пестель разработал проект конституции, в котором народ рассматривался не как подданные, подчинённые монарху, а как сообщество граждан, обладающих равными

⁵⁰ «Включение народа в императорский сценарий угрожало образу царя как высшей силы, дарованной ее носителю извне или свыше и санкционированной иноземным влиянием, божественным соизволением или, наконец, разумом. С социальной точки зрения невозможно было представлять народ в качестве движущей силы истории в сценарии, прославлявшем власть монарха, как идеализацию правящей элиты. В течение первых месяцев после изгнания французской армии официальные заявления и панегирики перенесли за- слугу победы с «народа» на Промысл Божий, превращая национальный триумф в религиозное чудо, совершенное с помощью русской армии. Кроме того, победа привела к возрождению классической оды XVIII в., восхваляющей императора-героя за его победу. Даже поэты школы Карамзина, такие, как В. А. Жуковский и П. А. Вяземский, усвоили эту высокопарную манеру. В широко цитировавшемся четверостишии 1814 г.» (*Уортман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии рус. монархии: Материалы и исслед. – М.: ОГИ, 2002. Т. 1. С. 295.*)

политическими правами. Центральное место в этой концепции занимала идея отмены крепостного права и включения крестьянства в состав политической нации. По мысли Пестеля, народ в таком понимании обретал статус активного участника общественной и политической жизни страны. Важным элементом этой концепции стало признание народа субъектом права. Для декабристов народ представлялся не как аморфная масса, а как объединённая гражданским договором общность людей, способных к политическому самоуправлению. В этом ключе Пестель полагал, что главным условием полноценного существования народа является обеспечение его гражданских и политических прав. Значимость декабристской концепции народа заключается в том, что она способствовала осмыслению народной субъективности и национального единства.

Отказ от традиционного представления о народе как пассивной массы подданных и переход к восприятию народа как политического сообщества стал важным этапом в развитии российской общественно-политической мысли. Этот подход, вдохновлённый идеями французских просветителей, оказал значительное влияние на реформаторские движения, включая либеральные преобразования Александра II, которые предусматривали постепенное включение крестьянства в правовые и гражданские отношения. Термин «народ» стал ассоциироваться с крестьянством – основной социальной группой того времени, воспринимаемой как воплощение простоты, смирения и духовной чистоты. Это понимание народа соотносилось с просветительской идеей о «добром дикаре», который, несмотря на внешнюю примитивность, обладает скрытым моральным потенциалом и возможностью для развития.

Однако подобное понимание народа оставалось ограниченным, поскольку оно сводилось преимущественно к политико-правовой категории, часто отождествляемой с обществом или даже государством. Такой подход игнорировал историческое измерение, уникальные особенности социального и культурного развития России, а также глубину ее духовных и культурных основ. В противовес этому, историко-философское направление, сформировавшееся среди русского

предромантизма под влиянием немецкой идеалистической философии, рассматривало народ в историческом контексте, хотя и продолжало отождествлять его с государством.

Альтернативное представление о народе начало складываться в среде русских предромантиков под воздействием идей немецкой идеалистической философии. Особенно важную роль здесь сыграла немецкая классическая философия, в частности, идеи И.Г. Гердера и Ф.В.Й. Шеллинга. Гердеровская концепция «народного духа» как уникальной, органически развивающейся сущности каждого народа, определяющей его язык, культуру и исторический путь, оказала влияние на русскую мысль. Шеллинг своей натурфилософией и философией тождества, где народ представал как живой духовный организм, неразрывно связанный с мировой душой, дал мощный импульс для осмысления национальной самобытности. Именно в рамках этого подхода народ стал осмысляться с исторической точки зрения, однако всё ещё воспринимался как неотъемлемая часть государственной системы. В романтической мысли народность стала фундаментальной категорией для осмысления исторической эволюции народа, его культурной самобытности и взаимодействия с другими цивилизациями. Романтики подчеркивали ее значение как выражения уникальной духовной природы народа, рассматривая национальный характер, язык, фольклор и традиции как носителей глубинной исторической памяти. Эта концепция позволяла не только определить идентичность народа, но и осмыслить его роль в мировом историческом процессе.

Термин «народность» впервые появился в письме П. Вяземского в 1819 году, когда в Польше уже использовался аналогичный термин «narodowość», но с неоднозначным толкованием⁵¹. Вяземский, будучи тонким ценителем европейской культуры, подчёркивал связь с западноевропейским романтизмом, где народ рассматривался как целостность, а не как совокупность индивидуумов. Для него

⁵¹ Зельдович М.Г., Лившиц Л.Я. Русская литература XIX века: Хрестоматия критических материалов. – М., 1964. С. 111.

народность была, прежде всего, эстетической категорией, «местным колоритом», необходимым для подлинной литературы. В России к разработке понятия народности подключились такие мыслители, как Орест Сомов, Вильгельм Кюхельбекер и Николай Полевой, оказывая влияние на развитие идеи народности в литературе, хотя само понятие оставалось неопределённым.

В 1820-е годы русская критика, вдохновлённая идеями романтизма, активно выдвигала требование создания «истинно русской» литературы, независимой от западных традиций и оригинальной в своём выражении. В данном контексте особое внимание уделялось языку как ключевому элементу народности, что способствовало формированию теории литературной народности, представленной, в частности, в работах В. К. Кюхельбекера⁵² и А. А. Бестужева⁵³. В рамках теории литературной народности язык рассматривался не только как средство коммуникации, но и как основополагающий элемент, через который можно выразить глубинную сущность нации. Кюхельбекер и Бестужев настаивали на необходимости использования народного языка, а не заимствованных западных форм, для создания произведений, которые могли бы быть признаны «истинно русскими». Такое понимание языка связывалось с более широким взглядом на народность. Культура народа рассматривалась как живой организм, тесно связанный с языком и фольклором. Литература при этом должна была соединять высокую культуру и народные традиции в единое художественное целое. Романтики считали, что поэт не только выражает дух народа, но и поднимает его на новый уровень.

Русские поэты Золотого века, следуя античным канонам, искали способы синтеза этих традиций с народными мотивами. Этот процесс привёл к формированию уникальной поэтической практики, в которой гармонично сочетались элементы классической эстетики и национальное содержание. Таким

⁵² Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979. С. 458.

⁵³ Бестужев (Марлинский) А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда. – М.; Л., 1960. С. 17.

образом, поэты стремились не только сохранить, но и развить народные мотивы, используя их как основу для более высокого поэтического искусства, что обеспечивало литературе особую самобытность и национальную идентичность.

Одной из важнейших вех в развитии концепции «народности» в российской литературной мысли стало её использование А.С. Пушкиным в черновой статье «О народности в литературе». Пушкин, отмечая широкий интерес к этому понятию в литературных кругах, акцентировал внимание на его неопределенности. Несмотря на то что народность требовалась как обязательный элемент в литературных произведениях, а её отсутствие подвергалось осуждению, никто не предпринимал попытки дать четкое определение содержанию этого термина.

В этом контексте Пушкин рассматривал народность как ключевую категорию, выходящую за рамки исключительно литературного требования и становящуюся важным компонентом в осмыслении духовного и культурного облика нации. В своей трактовке он связывал народность не только с языковыми и историческими особенностями, но и с образом жизни, традициями и религиозными убеждениями народа. Таким образом, Пушкин воспринимал народность как многослойное явление, которое не ограничивается лишь литературной тематикой, но представляет собой глубокую духовную и культурную основу, через которую раскрывается самобытность и уникальность нации.

С 30-х годов XIX века термин «народность» всё чаще использовался в публицистике, где народность определялась как совокупность физических и духовных свойств, составляющих «физиономию» народа. С.П. Шевырёв и М.П. Погодин, лидеры «официальной народности», трактовали ее как консервативный принцип единения народа вокруг трона и алтаря, подчеркивая ее неразрывную связь с православием и самодержавием. Николай Карамзин в своей «Истории государства российского»⁵⁴ трактовал историю как историю государства, а не народа. Вершиной данного подхода стала теория «официальной народности»

⁵⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Книга, 1988.

(1832), сформулированная министром народного просвещения С.С. Уваровым. В ней идея «народности» понималась как основа «национального самосознания»⁵⁵ и рассматривалась в неразрывной связи с православием и самодержавием, что должно было обеспечить единство российского общества. Это способствовало русификации всех подданных России. Николай Полевой в своей «Истории русского народа»⁵⁶ подчеркивал отличие истории народа и государства, утверждая, что Русь как народное единство начала формироваться после монгольского ига.

Простой народ стал важной категорией для славянофилов, которые утверждали, что именно крестьянство выражает «русский дух», в отличие от европеизированной интеллигенции. Хотя понятия «народ» и «нация» в то время часто отождествлялись, это не означало, что простонародье воспринималось как нация в полном смысле слова. Простонародье скорее воспринималось как этнографическая категория, помогающая отличить русскую культуру от западной. Пушкин связывал народность с климатом, образом правления и верой, что формирует уникальную физиономию народа. Одним из важных шагов в развитии концепции народности стало введение Н. И. Надеждиным в середине XIX века этого термина в этнографию и науку. Он вывел это понятие за рамки философских и эстетических обсуждений, сделав его основополагающим для этнографической и исторической науки. Надеждин чётко разделял «народ» и «народность», подчёркивая её значение как выражения национальной и культурной идентичности⁵⁷. Он рассматривал народность как исторически сложившуюся общность, отражающую внутреннюю сущность народа, его культурную и духовную основу. Этот подход оказал значительное влияние на развитие российской этнографии, фольклористики и концепций национальной идентичности.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В. Г. Белинский уделяет особое внимание понятию народности в литературе, рассматривая её как основу

⁵⁵ Гулыга А. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 53.

⁵⁶ Полевой Н.А. История русского народа: В 6 т. – М., 1829-1833.

⁵⁷ Надеждин И.И. Литературная критика: Эстетика. – М., 1972. 588 с.

подлинного искусства. По его мнению, народность не сводится к внешним признакам, таким как использование народного языка или фольклорных образов. Она заключается в способности писателя проникнуть в сущность народной жизни, понять её внутренние законы, переживания и стремления. Белинский подчёркивает, что настоящая народность проявляется в том, как литература отражает историческую судьбу народа, его духовный и нравственный опыт. Как он отмечает: «Понятие о “народности” имело прежде исключительно литературное значение, безо всякого приложения к жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно в сфере литературы. Но разница в том, что литература-то сделалась эхом жизни»⁵⁸.

В.П. Боткин, будучи западником и тонким эстетом, первоначально понимал народность как формальный признак, «местный колорит». Однако под влиянием идей Белинского и собственных наблюдений за европейской жизнью он пришел к выводу, что истинная народность коренится в глубоком и правдивом изображении народного быта и национального характера, что и составляет мировое значение русской литературы.

Во второй половине XIX века понятие «народность» продолжило эволюционировать. В это время с развитием общественной мысли и литературы России (в частности, в произведениях Достоевского, Толстого и других писателей) идея народности получила новое осмысление. В обществе стало популярно мнение, что «народность» – это не только социальная, но и духовная категория, которая соединяет в себе национальную идентичность и культурную традицию. В этот период «народность» начала ассоциироваться с понятием «нации» и становилась более четко политизированной категорией, особенно на фоне революционных настроений и социального протестного движения. В конце XIX века понятие народности стало важным элементом национальной идеологии, в

⁵⁸ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. Т. 3, 1948. С. 656-657.

том числе в контексте обсуждения народной самостоятельности и политической независимости.

Однако к концу века народность также приобрела политическую значимость, становясь основой для социальной мобилизации, идеи национальной идентичности и самостоятельности. В условиях, когда Россия переживала социальные изменения и революционные настроения, понимание народности как важного элемента самобытности и силы народа стало основой для формирования политических и революционных идеологий. Концепция народности стала символом не только сохранения культурной традиции, но и в какой-то мере способом преодоления социального и политического кризиса, в поиске путей к модернизации и реформам. «Народность» стала не только философским понятием, но и важным инструментом для понимания как прошлого, так и будущего развития России в контексте изменения социальной и политической ситуации.

С развитием народнических идей, термин «народность» связывается с теорией «критически мыслящей личности» П. Л. Лаврова. Лавров считал, что народ – это пассивная масса, основа для развития прогресса, а критически мыслящие личности являются движущими силами изменений. Эти идеи о долге интеллигенции перед народом и его страданиями становятся важной частью народнической философии, популяризируемой Н. К. Михайловским. В концепции Лаврова и его последователей интеллигенция несет ответственность за развитие народа и прогресса, что обусловлено их критическим отношением к традиционному мышлению. Это трактование идеи «народности» в контексте социальной ответственности интеллигенции оказало глубокое влияние на дальнейшие политические и философские течения в России.

2. Основные интерпретации в идеологических течениях

В XIX столетии дискуссия о сущности и предназначении русского народа стала центральной для отечественной мысли, расколов интеллектуальную элиту на несколько лагерей. Каждое из идейных течений предлагало свою, зачастую

противоположную, трактовку ключевых понятий «народ» и «народность», что и составило главное содержание философских и политических баталий эпохи.

Первые попытки концептуализации связаны с Н.М. Карамзиным (идея самобытности России на основе самодержавия, народного духа и православия) и М.М. Сперанским («народный дух» как аналог политической культуры). Официальную политическую трактовку это понятие получило в формуле С. С. Уварова, изложенной в теории «официальной народности», которая стала консервативной государственной доктриной. Её кредо заключалось в триаде «Православие, Самодержавие, Народность» и служило идеологическим обоснованием незыблемости существующего порядка. В этой системе координат «народ» воспринимался как пассивная, богобоязненная и верноподданная масса, чьей главной добродетелью являлось смирение и безусловная преданность престолу. Его историческая роль заключалась в поддержке и одобрении действий власти. «Народность» же трактовалась как исконная и нерасторжимая связь народа с самодержавной формой правления и православной верой. Это понятие использовалось для создания идеализированного мифа о патриархальном единстве царя и народа и противопоставления «спокойной» России «мятежному» Западу. Таким образом, народность из философской категории превращалась в инструмент охранительной политики.

В противовес официальной идеологии сложилось славянофильское течение, виднейшими представителями которого были А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К. С. Аксаков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и Ф.В. Чижиков. Их взгляд на «народ» был принципиально иным. Они видели в нём не объект управления, а «народ-богоносец» – носителя высшей духовной правды и особой нравственной основы, утраченной рационалистическим Западом. Ключевой ценностью народной жизни провозглашалась «соборность» – свободное органическое единение людей на основе любви и веры, противопоставленное западному индивидуализму и юридическому формализму. Соответственно, и «народность» понималась славянофилами не как лояльность власти, а как воплощение глубинного духовно-

нравственного идеала, корнящегося в православии и общинном строе. Они критиковали реформы Петра I за раскол между «европеизированным» образованным обществом и «подлинным» народом, хранящим эти исконные начала. Славянофилы придали понятию глубокое философское звучание, сконцентрировавшись на «внутренней, духовной жизни народа», православии и соборности. Их концепция перекликалась, но не совпадала с уваровской триадой.

Западники, среди которых выделялись историки Т. Грановский и С. Соловьев, а также литературные критики В.Г. Белинский и А.И. Герцен. А.И. Герцен стремился освободить термин «народность» от «казенного» смысла, возникшего в России в 1830–1840-е гг. в рамках идеологии С.С. Уварова. По словам Герцена: «Слова “самодержавие, православие и народность” – это манёвр деспотизма, причем последние два слова стояли там только для проформы. Религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: “Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой”»⁵⁹. Он предложил альтернативную концепцию, разделяя «народность» и «народный дух» и пытаясь очистить термин от «казенного» смысла.

При этом западники предлагали принципиально иной взгляд на народ и народность, отличавшийся от позиций славянофилов. Для них «народ» был, прежде всего, объектом просвещения и прогресса – отсталой и страдающей массой, которую необходимо было освободить от оков крепостничества и невежества через усвоение правовых норм и достижений европейской цивилизации. Ценность отдельной личности (индивидуализм) ставилась ими выше ценности коллектива. В этой системе взглядов «народность» отходила на второй план, уступая место общечеловеческим ценностям – свободе, законности и прогрессу. Они считали национальную специфику второстепенной и критиковали

⁵⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 7. С. 201.

славянофилов за романтическую идеализацию народа. Для западников «народность» в культуре означала не воспевание патриархальности, а «гоголевское направление» – критическое изображение социальных язв и народных страданий.

Наиболее радикальную трактовку предложили революционные демократы – Н. Чернышевский и Н. Добролюбов. Они развили западнический взгляд на народ как на страдающую массу, но сделали из этого радикальный политический вывод. В их теории «народ» – это угнетенный класс, главная революционная сила, призванная уничтожить самодержавие и крепостной строй через крестьянскую революцию. Поэтому «народность» понималась как безоговорочное служение искусства и литературы интересам народного освобождения. Искусство должно было стать не развлечением, а орудием в социальной борьбе, обличающим пороки и пробуждающим революционное сознание в массах.

Почвенники, в свою очередь, попытались найти баланс между этими двумя подходами. Хотя они и продолжали традиции славянофилов, их позиция была более прагматичной и нейтральной. В вопросе «народности» почвенники сближались со славянофилами, но одновременно признавали важность заимствования европейского опыта в образовании и науке. Они верили, что русский народ способен учиться и адаптировать лучшие достижения зарубежных стран для укрепления своих собственных основ, сохраняя при этом верность родной культуре. В этом смысле почвенники отличались от славянофилов, которые, несмотря на своё стремление к возрождению старых русских традиций, часто пренебрегали реалиями и погружались в поверхностный формализм. Это привело к тому, что некоторые из них выступали за массовое восстановление прошлого, что, по мнению их критиков, являлось попыткой повернуть ход истории вспять. В этом смысле, как отмечает Ван Хайсон, почвенничество,

выступавшее за улучшение и сохранение национальных традиций, можно охарактеризовать как форму просвещенного консерватизма.⁶⁰

Как один из представителей почвенничества, Достоевский стремился найти баланс между западной материальной цивилизацией и сохранением духовных ценностей русского народа. Х. Ф. Штайн называет Достоевского «сыном православия и русской души»⁶¹, который, пережив период вестернизации, впоследствии отверг её, вернувшись к своей глубокой духовной и культурной идентичности, основанной на православии и русской традиции. В своей статье «Два лагеря теоретиков» писатель критиковал как идеализацию русской старины славянофилами, так и бездумное заимствование западных ценностей западниками. Достоевский утверждал, что в русской истории и культуре заложена сила противостоять эрозии западной культуры. Он не был противником западной материальной цивилизации, науки и образования, но решительно отвергал их неизбежный побочный продукт – духовное вырождение, воплощенное в атеизме. По его мнению, Россия могла извлечь пользу из западных достижений, сохраняя при этом свою духовную самобытность. Внося значительный вклад в развитие духовности, Достоевский в своих произведениях глубоко раскрывает суть общечеловеческих ценностей, в центре которых, по его мнению, находятся «любовь к Родине и народу, овладение национальной и мировой культурой, самосознание и человеческое достоинство»⁶².

Таким образом, развитие концепта «народности» в России XIX века представляло собой уникальный процесс адаптации западных идей к отечественным реалиям, результатом которого стало формирование

⁶⁰ 万海松. 作为"第三条道路"的俄国根基派刍议—以费·陀思妥耶夫斯基为中心. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018(3): 103. (Ван Хайсон. Суждения о русских почвенниках как о «третьем пути», ориентированные на Ф.М. Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2018. № 3. С. 103.)

⁶¹ Stein H.F. Russian Nationalism and the Divided Soul of the Westernizers and Slavophiles. // Ethos: Journal of the Society for Psychological Anthropology. 1976. Vol. 4, № 4. P. 430. (Штайн Х. Ф. «Русский национализм и раздвоенная душа западников и славянофилов» // Этос: Журнал Общества психологической антропологии. 1976. Т. 4. № 4. С. 430.)

⁶² Струценок С.В. Ф.М. Достоевский и Л. Н. Толстой о духовности // Образование и наука. 2014. №1 (110). С. 107.

синкретического понятия, сочетающего национальные и универсалистские черты и служившего основой для самых разных, подчас противоположных, идеологических построений.

1.2 Проблема народа и народности в концепции почвенничества

Достоевского

1.2.1 Формирование представлений Ф.М. Достоевского о народности

1. Мифология и религиозная культура в формировании взглядов Достоевского на народность

«Вторая половина XIX в., таким образом, является колыбелью ключевых понятий, конструктов и мифов, которые до сих пор оказывают серьезное влияние на идеологический ландшафт современной России»⁶³, подчеркивает А. Вдовин. Действительно, именно в этот период рождаются те духовные и культурные основания, которые и сегодня определяют наше понимание истории, народа и его предназначения. «Существует ощущаемая преемственность, а также культурное родство с отдалённым прошлым, в котором формировалось сообщество...»⁶⁴ — отмечает Энтони Д. Смит, подчеркивая важность мифов, символов и коллективной памяти в формировании национальной идентичности. По наблюдению О. Майоровой, «в России именно старые исторические мифы во многом определяли эти рамки и служили гибкой основой для формирования чувства национальной принадлежности»⁶⁵.

По мысли Н. О. Лосского, православно-религиозные темы «мощно воздействовавшие на мировоззрение Достоевского и выдвинувшие в его художественном творчестве на первый план»⁶⁶, поэтому библейские и житийные мифы, безусловно, занимает в мировоззрении Достоевского фундаментальное место. Идея «народа-богоносца» Достоевского восходит к ветхозаветной

⁶³ Вдовин А. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 14.

⁶⁴ Smith Anthony D. National Identity. Ethnonationalism in comparative perspective. — London: Penguin Books, 1991. С. 33. (Смит Энтони Д. Национальная идентичность. Этнонационализм в сравнительной перспективе. — Лондон: Penguin Books, 1991. С. 33.)

⁶⁵ Maiorova O. From the shadow of empire: defining the Russian nation through cultural mythology, 1855-1870. — Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. С. 13. (Майорова О.Е. Из тени империи: определение русской нации через культурную мифологию, 1855–1870. — Мэдисон, Висконсин: Издательство Висконсинского университета, 2010. С. 13.)

⁶⁶ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. 1953. С. 90.

концепции избранного народа, призванного нести миру духовную истину. Писатель видел в русском народе носителя особой миссии – спасти человечество через воплощение христианских идеалов соборности и жертвенной любви. А эсхатологические мотивы (апокалипсис, Страшный суд) также стали основой его представлений о кризисе современной цивилизации и грядущем преображении мира через страдание и очищение.

Миф о «золотом веке» представляет собой архетипическое представление о гармоничном и чистом прошлом, когда люди жили в безмятежности и единстве с природой. Этот мотив был широко распространён в античной и христианской традициях, включая миф о Райском саде. Он выполнял роль утопического эталона, с которым сопоставлялась современность и выражалось ощущение упадка. В русской культуре данный мотив проявился в романтической ностальгии по «золотой эпохе» дворянства и народного благочестия. Пушкин, Тютчев, Карамзин и другие романтики обращались к образам «простого» и «добродушного» прошлого как к контрасту с деспотией и социальными несчастьями их времени.

В публикациях Достоевского 1860-х годов, особенно в наброске «Социализм и христианство» (1864), он описывает три исторических периода: первобытную единую «массу» с общими религиозными чувствами, затем кризис, связанный с индивидуализацией, и наконец – сложную эпоху поиска нового духовного единства. Эта схема напоминает миф о «золотом веке» (первозданное единство), кризисе и потребности в возрождении. Хотя прямое упоминание «золотого века» в романах отсутствует, Достоевский наполняет повествование символикой утраченного единства и духовной гармонии. Он противопоставляет идеализированное прошлое (образ народа как носителя православной истины) западничским утопиям и рациональным псевдопроектам. Как отмечает О. В. Золотко, в романе «Бесы» Ставрогин и Версиков представляют «золотой век» в ассоциации с картиной Клода Лоррена «Асис и Галатея»; отсылка к этому произведению придаёт образу «золотого века» настроение хрупкости человеческого счастья и земной любви. В черновиках к «Идиоту» упоминается

монолог Дон Кихота из романа Сервантеса о «золотом веке» – по мнению О. В. Золотько, этот образ мог подчеркнуть утопичность надежд князя Мышкина на переустройство мира⁶⁷.

Между тем, жития святых предоставили Достоевскому модель идеального национального характера, сочетающего смирение, жертвенность и духовную стойкость. Это проявилось в культе страдания и идее юродства. Культ страдания у Достоевского вытекает из Мифа о грехопадении: осознание разрыва с божественным порядком неизбежно ведет к боли и мучению, которые становятся условием духовного очищения и возвращения к «почве» через смирение и сострадание. Это отражается в судьбах ключевых персонажей. Так, Раскольников совершает грехопадение через убийство, испытывая свою теорию «сверхчеловека». Его страдания становятся путём к осознанию собственной экзистенциальной ошибки и возвращению к «почве» через сострадание Сони. Соня Мармеладова и князь Мышкин становятся носителями «житийного идеала»: их жертвенность и сострадание – не слабость, а духовная сила, которая противостоит распаду общества. Через них Достоевский утверждает, что русская идентичность основана не на власти или разуме, а на способности «нести крест» вместе с другими. А феномен юродства у Достоевского проявляется в добровольном принятии унижения ради обличения мирской несправедливости, критикуя западный рационализм и буржуазный материализм и противопоставляя им «русскую правду», обладающую интуитивностью, иррациональностью и нравственной непререкаемостью.

Достоевский, обращаясь к агиографическим образцам, не ограничивался идеализированными моделями святости; его художественный поиск включал в себя и глубокий интерес к маргинальным и даже девиантным формам религиозного поиска. Писатель черпал вдохновение из многообразия народной религиозности для оформления своей «русской идеи», углубляя исследование

⁶⁷ Золотько О.В. Образ "золотого века" в творчестве Ф.М. Достоевского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 2017. С. 210.

национальной идентичности и духовно-культурных ценностей русского народа. Тщательно исследуя религиозную жизнь народа, Достоевский в своих произведениях уделял большое внимание русскому расколу и различным сектам, особенно странникам, или бегунам, а также представителям других, более радикальных мистических групп, таких как хлысты и скопцы.

Во времена Достоевского под «раскольничеством» понималось в первую очередь старообрядчество – движение, возникшее в результате церковного раскола XVII века и отказа части верующих принять реформы патриарха Никона. Раскол был не только религиозным, но и социальным явлением. В него уходили те, кто был не согласен с централизацией государства, усилением крепостного права, регламентацией всей жизни. А раскольник: это не просто инакомыслящие, а религиозные группы, которые создавали собственные цивилизационно-религиозные структуры (беспоповцы, поморцы, единоверцы и т. п.) Раскольники виделись как хранители древней, «истинной» народной веры и допетровского уклада жизни, той самой «русскости», которую искали славянофилы и почвенники. Их готовность идти на страдания и лишения ради веры, их непримиримость восхищала Достоевского как пример крайней степени иррациональной веры и духовной твердости, которую он противопоставлял рационализму интеллигенции и западным идеям. По мнению А. П. Тусичишного, интерес к хлыстам и скопцам у Достоевского проявился еще до каторги, что видно из образов «хлыстовской богородицы» Катерины и сектанта Мурина в повести «Хозяйка». Идея создания образа «князя Христа» в «Идиоте» также основывается на учении хлыстов.⁶⁸ Мотив добровольного принятия страданий, связанный с особенностями самосознания русских старообрядцев, отражен и в «Записках из Мёртвого дома», и в «Преступлении и наказании». В «Записках из Мёртвого дома» этот мотив реализуется через образ стародубского старика-старообрядца и арестанта, зачитавшегося в Библии. А в «Преступлении и наказании» – образ Миколки-

⁶⁸ Тусичишный А.П. Идеиные источники образов Ф.М. Достоевского: монография. – М.: ФЛИНТА, 2019. С. 65.

красильщика из секты бегунов, который берет на себя вину Раскольникова, чтобы «принять страдание» и искупить свои грехи.

Итак, для Достоевского культурные мифологии были способом выражения мыслей и творчества, формирующим духовную и художественную основу его произведений. Он видел основу национального единства не в этничности или государственности, а в общей вере и нравственных принципах. Библейские мифы стали основой для конструирования оппозиции между Россией и Европой. Запад ассоциировался с вавилонским грехом (культу денег, индивидуализмом и утратой веры). А Россия же рисовалась как Новый Иерусалим, хранительница подлинных христианских ценностей, способная привести человечество к духовному возрождению. Эта идея легла в основу его доктрины «русского социализма», основанного на братстве и соборности. Православие объявлялось стержнем русской идентичности, способным преодолеть сословные и социальные разрывы, что напрямую связана с житийным идеалом соборности – единства во Христе.

2. Пушкин, Гоголь и становление народности у Достоевского

Тема «маленького человека» является одной из сквозных тем русской литературы, к которой постоянно обращались писатели 19 века. Пушкин стал родоначальником темы «маленького человека», что придало его творчеству подлинную народность. В статье «О народности в литературе» Пушкин писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, – которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»⁶⁹. Его любовь к России, внимание к народным образам и религиозные поиски стали важными составляющими философского и эстетического мира Достоевского. Достоевский видел в Пушкине образец истинной народности, считая его «началом и начальником славянофилов»

⁶⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч., В 10-ти тт. – Л.: «Наука» Ленинградское отд. 1977-1979. Т. 7. С. 28-29.

(21; 269). По мнению А. С. Журовой, «апофеозом всечеловечности русской идеи Достоевского стало его выступление с “Пушкинской речью”»⁷⁰. Он воспринимал Пушкина не только как исключительное явление русского духа, но и как пример всемирной отзывчивости и глубины, что делает его пророком и выразителем русской национальной идеи. Он утверждал, что эта всемирная отзывчивость – ключевая черта русского народа, устремлённого к всечеловечности.

Н. В. Гоголь продолжает развивать тему «маленького человека», глубоко исследуя судьбу России и русского народа, следуя традициям, заложенным А. С. Пушкиным. Образ птицы-тройки в его творчестве символизирует восхищение многовековой историей России и глубокое уважение к народу, создавшему эту историю. В русском народе, по мнению Гоголя, заключена великая сила, дарованная Богом, которая проявляется не только в его богатом прошлом, но и в способности преодолевать любые трудности и двигаться вперёд. Как отмечает А. Б. Криницын, «за противопоставлением "живой" тройки "мертвой машине" Запада у Добролюбова скрывается ироническое снижение гоголевской историософской концепции»⁷¹, что дает ключ к пониманию творческого контекста Достоевского в 1860–1870-х годах. В условиях идеологической борьбы между традицией, природой и духовной сущностью с одной стороны и механистическим, рационалистическим подходом с другой, «живая тройка» становится символом народного, православного пути развития, противопоставленного западному технократическому и прогрессивистскому пути. Гоголевское восприятие русской души, сочетающее трагизм с элементами комизма, оказало огромное влияние на Достоевского, который перенял эту двойственность, стремясь через страдания и искупление показать путь к духовному просветлению. И Гоголь, и Достоевский воспринимают Россию как носителя мессианского предназначения, придавая ей особую роль в мировом историческом процессе. Для обоих писателей идея России

⁷⁰ Журова А.С. «Русская идея» в мировоззрении Ф.М. Достоевского: история и современность // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Философия. – М., 2010. № 1. С. 79-84.

⁷¹ Криницын А.Б. Образ руси-тройки в русской литературе второй половины XIX века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – М., 2024. № 2. С. 126.

как спасителя мира или как культурно-духовного центральной силы, несущей особую миссию, становится важнейшим элементом их философского и художественного мировоззрения.

Наряду с этим народные сказки, песни, пословицы и обряды отражали коллективное сознание русского народа, его верования и ценности. В своих произведениях Достоевский часто обращался к фольклорным традициям, мотивам и символам народной мифологии, используя их для передачи глубоких философских и религиозных идей. Четыре года каторжных работ дали Достоевскому возможность тесного общения с народом. Ощувив себя частью каторжного братства, народа, он увлекся народным красноречием и устной афористической фразеологией, что нашло отражение в его тетрадях. Как показывает В. П. Владимирцев, Достоевскому «пришлось по душе фольклорное крылатое слово, и он с явным удовольствием-охотой продолжал учиться у народа мыслить и говорить афористически-поговорочно»⁷². Он видел в народной культуре источник мудрости и духовной силы, веря, что в ней сосредоточена подлинная духовная сила России, способная направить её к великому будущему.

3. Личность и жизненный опыт Достоевского как фактор трансформации его взглядов на народность

Личность Достоевского, его жизненные испытания и духовные поиски играли ключевую роль в его понимании национальных и социальных аспектов проблемы народности, которое с течением времени претерпело значительные изменения: «в ходе развития писателя оно претерпело эволюцию, а вместе с тем и глубокую внутреннюю трансформацию»⁷³. Как отмечает А. Ю. Суконик, в творчестве Достоевского можно выделить два диаметрально противоположных типа мышления. Первый – это западное экзистенциальное восприятие мира, сформировавшееся под влиянием европейской философии и литературы. Второй –

⁷² Владимирцев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс ист.-лит. исслед. – Иркутск: ИГУ, 2007. С. 215.

⁷³ Фридлендер Г.М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // Достоевский: Материалы и исслед. Т. 16. Юбилейный сборник / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб.: Наука, 2001. С. 390.

это мышление, которое возникло и развилось у писателя в результате каторги⁷⁴. Столкновение с миром уголовников открыло ему иную систему ценностей, основанную на поклонении силе, что стало для него своего рода откровением. Особенно примечательно, что каторга стала не только социальным опытом, но и духовным переворотом, который кардинально изменил его восприятие реальности и человека. Это мнение также разделяет В. А. Викторovich, отмечая, что «слагалось это мирозерцание опытами самой жизни: первый приходится на деревенское детство в Даровом, другим стала каторга. Пять летних вакаций в Даровом и четыре года в омском остроге обнаруживают некую глубинную связь»⁷⁵, в ходе которого он открыл для себя величие и красоту русского народа.

Однако в книге «Неоконченное путешествие Достоевского» при анализе биографии и некоторых аспектов публицистики писателя Робин Миллер отмечает, что перемена в Достоевском произошла ещё до того, как он прибыл в Сибирь⁷⁶. Действительно, Ф.М. Достоевский всегда придавал большое значение проблеме народности. Достоевский родился в семье, глубоко приверженной православной вере. С раннего возраста он был погружен в религиозную атмосферу, где вера, молитва и церковные традиции занимали центральное место. «Я происходил из семейства русского и благочестивого, – писал Достоевский в 1873 году. – С тех пор как себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства»⁷⁷. Эти слова подчеркивают ту важность, которую семья придавала религиозному воспитанию и духовному развитию. Семейные традиции, основанные на православии, сыграли ключевую роль в формировании внутреннего мира Достоевского. В семье Достоевских строго следовали патриархальным традициям: отец ходил на службу, а мать

⁷⁴ Суконик А.Ю. Достоевский и его парадоксы. – М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 8.

⁷⁵ Викторovich В.А. Достоевский. Вопрос о народе // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – М.: IWL RAS, 2019. № 4 (8). С. 50.

⁷⁶ Миллер Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского. – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 24.

⁷⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 21. С. 134.

присматривала за детьми. Нетерпимость к строгому моральному кодексу отца привела Достоевского к предпочтению более мягкого и терпимого отношения матери к христианским обязанностям. В своих поздних произведениях он неоднократно подчеркивал важность любви и прощения для грешников, а не сурового осуждения за их грехи. Молитва в церкви с семьей стала его первым опытом общения с простым народом.

В России XIX века религиозность была прежде всего укоренена в простом народе, и зачастую именно через общение со слугами или крепостными дворянские дети постигали истоки родной культуры и религиозные основы христианства. Все детство Достоевского было пронизано духовной и культурной атмосферой традиционных русских верований, эмоционально близких к верованиям и чувствам неграмотных крестьян, еще не подвергшихся влиянию западной светской культуры. Семья Достоевских не отделяла собственных детей от детей крепостных каким-либо непреодолимым сословным барьером. В деревне Даровое Достоевский мог свободно общаться со старшими крестьянами в поле и даже помогать им в работе, которая, конечно, носила игровой характер. Близость к крестьянам повлияла на формирование идей почвенничества Достоевского. Гармония и взаимопонимание, которые он установил с крестьянами в детстве, побудили его в зрелые годы стремиться к воспроизведению такого же типа отношений между образованными классами и народом.

В то же время слухи о том, что его отец был жестоко убит собственными крепостными, неизбежно повлиял на восприятие Достоевским народа. Как показывает Робин Миллер, эти слухи могли стать импульсом и психологической основой для его постоянного интереса к бедственному положению народа⁷⁸. Если положительные образы няни Алёны с её благочестивыми религиозными чувствами и добродушного мужика Марeya формируют у Достоевского основу представлений о народе, то слухи о жестокой смерти отца бросают на эту основу

⁷⁸ Миллер Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского. – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 21.

ть ужаса. Из этого, возможно, вытекает образ разбойника Федьки, бежавшего из каторги.

В 1840-е годы русская литература активно разрабатывала проблему социального неравенства, обращаясь к изображению представителей беднейших слоев населения – шарманщиков, извозчиков, дворников, водовозов и др. Однако в отличие от предшествующих сентиментальных интерпретаций темы бедности, характерных, например, для «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина, Достоевский стремился не только вызвать эмпатию у читателя, но и выявить глубинные социальные и психологические механизмы, определяющие положение человека в обществе. Уже в своем первом романе «Бедные люди» он обращается к теме жизни и внутреннего мира представителей низших слоев, что впоследствии находит отражение в ряде его произведений, формирующих галерею народных образов. Повесть «Хозяйка», опубликованная в 1847 году, «ознаменовала начало литературного выражения идей почвенничества Достоевского»⁷⁹. В ней впервые затрагивается ключевая проблема в концепции писателя о народности – проблема взаимоотношений интеллигенции и народа, создается образ «интеллектуала-мечтателя».

Однако инсценировка смертной казни Достоевского, последующие ссылка и каторга серьезно повлияли на его представления о народности. Жизнь в Сибири с людьми из низшего сословия, включая преступников и грабителей, приводит его к более глубокому пониманию сущности русского менталитета. По мнению О. Ф. Миллера и Н. Н. Страхова, Достоевский на каторге получил уроки «народной правды», которые способствовали его духовному обновлению⁸⁰. Он нашел настоящих «бедных людей», которые возродили в нем «остаток религиозного

⁷⁹ 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想萌芽期与发展期的原创性. 外国文学, 2018(1): 28. (Ван Хайсон. Об оригинальности идей почвенничества Достоевского в период зародыша и развития // Иностранная литература. 2018. № 1. С. 28.)

⁸⁰ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. С портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 134.

чувства», воскресшего «под впечатлением смиренной и благочестивой веры каторжников»⁸¹.

Вернувшись в Петербург, писатель по-прежнему поддерживает регулярные контакты с простыми читателями, людьми из разных слоев общества. В рецензии на пьесу А. Н. Островского «Гроза» Ф.М. Достоевский критикует господствующее в литературном кружке мнение, рассматривающее «Грозу» как критику темной реальности, утверждая, что самое ценное в произведении – «народность», воплощенная в героине Катерине, и это «новое слово» в русской литературе (18; 44). После 1861 года Достоевский перестаёт рассматривать народ исключительно в социальной перспективе и начинает осмысливать его как духовный и национальный фундамент России. Народная тема приобретает у писателя философское и религиозное измерение, утверждая идею, что именно народ является носителем подлинной русской идентичности и хранителем её духовного предназначения. Как отмечает Елена Созина, «в творчестве Достоевского после 1861 г. тема “бедных людей”, “униженных и оскорблённых” – “мизеров с человеческой душой” – в прежнем виде уже не будет представлена, она станет осмысляться писателем в философском, метафизическом ключе»⁸².

Значительным результатом работы Достоевского над проблемой народности, которая занимала его на протяжении всей жизни, стала его публицистическая деятельность. Опубликовано в сентябре 1860 года «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год» является манифестом почвенничества и концентрированным выражением почвеннических идей самого Достоевского. Журналы «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864), учреждённые Достоевским, стали важными платформами для выражения его идей. В них писатель и его брат Михаил стремились осветить текущие социальные и политические проблемы, предложить пути их решения и обсудить культурные аспекты российской жизни.

⁸¹ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 298.

⁸² Созина Е. «Мизеры с человеческой душой»: модусы изображения в произведениях Ф. Достоевского, Н. Некрасова, Ф. Решетникова // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 59.

Достоевский уделял особое внимание вопросам народности, русской культуры и духовности, пытаясь найти путь к национальному возрождению и гармонии. Категория народности также нашла своё отражение в его знаменитом «Дневнике писателя», выпускавшемся с перерывами в период с 1873 по 1881 год (сначала в рамках журнала «Гражданин»). В этом произведении Достоевский в форме живого и непосредственного диалога с читателями рассматривал как внутренние (русские), так и внешние (геополитические) аспекты русской идеи.

В своих литературных произведениях Достоевский также обращается к образу простого народа, находя в нём искренность, чистоту и духовную силу, которых не хватает образованным классам. Все его творчество пронизано необходимостью возвращения к корням, к вере и традициям, которые всегда были основой русской жизни. Для Достоевского народность тесно связана с православной верой, которая, по его мнению, должна стать духовным ориентиром для всей нации. Писатель на основе философии почвенничества ярко раскрывает раскол между интеллигенцией и основной массой народа. Он критиковал интеллигенцию за её непонимание народа и принятие внешне неприглядных черт, таких как пьянство и сквернословие, за основную сущность народа, подчеркивая важность возвращения к народным корням и традициям как пути к социальному и духовному восстановлению. Помимо аргументации за возвращение интеллигенции к правде народа, неутилитарный взгляд на литературу и искусство и критика теории среды также являются неизбежными проявлениями философии почвенничества Достоевского.

1.2.2 Ключевые аспекты категорий «народа» и «народности» у Достоевского-почвенника

1. Суть концепции почвенничества Достоевского: Народ как «почва»

Проблема народа и народности составляет неотъемлемую часть почвенничества Достоевского, она оказала существенное влияние на его духовное обращение и творческую деятельность. Как подчёркивал сам Достоевский в «Дневнике писателя» (1876): «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее» (22; 44). В XIX веке представления о народе были подвижны и идеологически нагружены. Соответственно, один и тот же герой может быть «народом» в одном контексте и не быть им – в другом. Достоевский задаётся вопросом: «Почему, с какой стати народность может принадлежать только простонародью? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, “образованные”, уже не русский народ?» (19; 42). Эти слова подчёркивают, что у Достоевского «народ» – это не сословная категория, а духовно-нравственная. Он выступает против двух крайностей: с одной стороны – против западнического пренебрежения к национальным основам, а с другой – против узкого и замкнутого национализма, отвергающего всякое развитие. По наблюдению Г. М. Фридлендера, даже оторванные от народной почвы герои Достоевского «сохраняют народно-национальное лицо», отражая широту души, страстность, склонность к великодушию и «в самом падении своём не забывающие о правде»⁸³; грешники и страдальцы вроде Мармеладова и Раскольникова не теряют сознания греховности и слышат голос совести. В научной традиции подчёркивается, что антропология Достоевского имеет христианскую основу. Как отмечает В. Н. Захаров, «для Достоевского в каждом человеке заключен образ Божий, образить, обожить –

⁸³ Фридлендер Г.М. Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // Достоевский: Материалы и исслед. Т. 16. Юбилейный сборник / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб.: Наука, 2001. С. 399.

восстановить образ Божий и тем самым очеловечить человека»⁸⁴. В качестве примера В. Н. Захаров приводит авторский комментарий писателя к слову «образить», которое в народной речи означало «дать образ, восстановить в человеке человеческий облик». Выражение «образить человека» употреблялось, например, по отношению к тому, кто должен был вернуться к достойной жизни после порока или падения.

Таким образом, категория «народного» у Достоевского оказывается тесно связанной с идеей нравственного преображения и духовного воскрешения, которые возможны для любого человека – вне зависимости от его социального происхождения или текущего падения. Именно в этой способности к внутреннему преображению, к «обожению» и заключается, по Достоевскому, глубинная суть «народности». Например, в «Преступлении и наказании» Соня Мармеладова, формально принадлежа к городской бедноте и находясь на самом дне социальной лестницы, воплощает в себе именно этот нравственный идеал народа-богоносца. Её способность к самопожертвованию, всепрощению и любви является прямым следствием твёрдой веры и действенного восстановления в себе «образа Божия». С другой стороны, Раскольников, интеллигент и бывший студент, изначально далёкий от народной среды, именно через страдание и признание своей экзистенциальной ошибки приходит к возможности такого же «ображения» – обретения себя в народе через единство веры и нравственного закона.

Подобная диалектика позволяет Достоевскому показывать народ не как статичную, замкнутую сословную группу, а как духовную общность, в которую может войти каждый, кто принимает её систему христианско-нравственных координат. В этом смысле народ у Достоевского – это не данность, а заданность; не происхождение, а путь и выбор. Так, в «Братьях Карамазовых» Дмитрий Карамазов, проходя через горнило страданий и искупления вины, обретает то самое «народное лицо», о котором писал Фридлендер, в то время как некоторые

⁸⁴ Захаров В.Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 154.

персонажи из простонародья могут демонстрировать отрыв от этих нравственных основ. Следовательно, образ русского народа у Достоевского – это прежде всего образ его духовно-нравственного идеала, воплощённый в конкретных, зачастую грешных и страдающих персонажах, но всегда устремлённый к восстановлению в себе божественного начала, к той самой «всечеловечности», которая, по мысли писателя, и составляет историческое призвание России.

«Почва», о которой говорил Достоевский-почвенник, эквивалентна «народу» в славянофильском понятии «народность», то есть всему народу, кроме господствующего класса и дворянства, особенно тем крестьянам, которые сохранили православную культуру в неприкосновенности до наших дней. Другими словами, народ – это те, кто сохранил свою «народность». Достоевский отмечал, что в русском языке «христианство» и «крестьянство» не только сходны по произношению, но и имеют одно и то же культурное значение. «Русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, "крестьянством"» (26; 302).

Учение Православной церкви является общим верованием русского народа и основой общепризнанных моральных норм и представлений о добре и зле. Народ может устранить общественное зло посредством личного духовного очищения и нравственного совершенствования на основе христианского учения и затем построить справедливое общество, в котором все счастливы. Как подчеркивает С.А. Нижников, «народ в его историческом развитии и современном состоянии, в полноте его реальных сил и духовных запросов для Достоевского есть "почва", вне которой немыслимо продуктивное творчество»⁸⁵. В «Дневнике писателя» Достоевский много раз упоминает, что русский народ обязательно внесет свой вклад в решение проблем, стоящих перед славянскими и европейскими народами, пошлет голос Православной церкви человечеству.

⁸⁵ *Нижников С.А.* Ф.М. Достоевский и «Русская идея» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 107.

Писатель предугадывает, что «характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» (18; 37). Историческая миссия русского народа – следовать духу Христа, чтобы решить проблемы человеческой судьбы. Достоевский верил в духовные силы русского народа и считал, что русский народ обладает мудростью и силой для выполнения своей исторической миссии. Вл. Соловьев считал, что уверенность Достоевского в особой исторической роли русского народа основана на том, что он видел в народе «необыкновенную способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций» и «сознание своей греховности»⁸⁶. Народ в глубине души носит образ Христа и испытывает жажду очищения и подвига.

Следует отметить, что Достоевского часто критиковали и критикуют до сих пор за утопизм и идеализацию народа. Однако, возлагая на народ большие надежды, писатель не игнорировал такие негативные качества русского народа, как пьянство, бесшабашность, жестокость и др. Представление Достоевского о народе формулируется в условиях тесной близости с повседневной жизнью крестьян, на каторге перед ним раскрывается подлинное лицо простонародной массы. «Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали» (28; 169). Тем не менее Достоевский находит положительные стороны в русском народе, в письме брату Михаилу он замечает: «И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» (28; 172).

⁸⁶ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 304.

Можно сказать, что вместо того чтобы преувеличивать достоинства народа и умалять его недостатки, писатель объективно различает и разделяет их. Ф.М. Достоевский всегда отличался доброжелательностью и уважением к народу. По его мнению, дефект и испорченность части «почвы» не означает, что вся «почва» испортилась, потому что в целом «почва» осталась нетронутой, народ сохранил в неприкосновенности духовную основу православной культуры. Как отмечает Э.-М. де Вогюэ, «непостоянная душа русских плывет по воле волн сквозь все философские течения и все заблуждения... однако... в самых глубинах своего сердца, они всегда остаются теми самыми христианами... Читая самые странные их произведения, всегда ощущаешь соседство другой, путевой книги... новгородское "Остромирово Евангелие" (1056), символизирующее духовные истоки новейших произведений русской литературы»⁸⁷.

В его представлении русский народ несет в себе идеалы христианской любви, милосердия и справедливости, которые он считает фундаментальными для духовного возрождения и единства всего человечества. Эти ценности, по мнению Достоевского, выходят за пределы национальных границ и религиозных конфессий, стремясь к объединению всех людей в братской любви и общечеловеческом согласии. Мессианское сознание русского народа подразумевает его уникальную миссию в мире – нести духовные и нравственные ценности, быть примером для других народов и, в конечном счёте, стать идеалом будущего для всего человечества.

2. Отношения между интеллигенцией и русским народом в представлении Достоевского

Проблема взаимоотношения народа и интеллигенции была в русской истории петербургского периода одной из главных, не менее актуальна она была и для Ф.М. Достоевского. Реформа Петра Великого, по мнению писателя,

⁸⁷ Вогюэ Э.М. де. Предисловие к книге «Русский роман» // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. ст. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010. С. 527-528.

«раздвинула кругозор русской интеллигенции, через нее она осмыслила будущее значение свое в великой семье всех народов». С другой стороны, петровская реформа слишком дорого обошлась, так как «она разъединила интеллигенцию с народом» (18; 36). Писатель отмечает, что «реформа Петра несомненно оторвала одну часть народа от другой, главной. Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела» (20; 14). Реформы сверху затронули только русскую аристократию, но не народ, они лишь отделили интеллектуалов-аристократов от народа, не изменив традиционную русскую культуру. Русский народ ощущал только «усиленную эксплуатацию, жестокость»⁸⁸ и по-прежнему жил «отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью»⁸⁹. Помимо этого, Достоевский утверждал, что в 1812 году, более чем через полвека после петровских реформ, во время войны против наполеоновского нашествия произошло единственное великое единение интеллигенции и народа. Однако, упустив эту уникальную возможность единения во время Отечественной войны, народ становился всё более чуждым для интеллигенции.

Как указывает А. А. Васильев⁹⁰, образ почвы остаётся неизменным в памяти простого народа – крестьян и купцов, так как они меньше подверглись влиянию западноевропейской культуры. Под образом «почвы» подразумеваются коренные, национальные ценности, традиции и мировоззрение, которые формируются в течение долгого времени и передаются из поколения в поколение. Крестьянство и купечество, как социальные слои, менее подверженные влиянию западноевропейской образованности, сохраняют эти традиции и ценности в их первозданной форме. Это связано с тем, что они менее вовлечены в процессы

⁸⁸ Бочарова И.М., Волкова Е.А., Фролова Е.В. Монархизм и народность Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» // Ученые записки Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). С. 37–45.

⁸⁹ Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. с. 384.

⁹⁰ Васильев А.А. Национальная почва в мировоззрении Ф.М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова // Человек и культура. 2013. № 4. С. 16–42.

модернизации и урбанизации, которые часто сопровождаются утратой национальных особенностей.

В статье «Книжность и грамотность» Достоевский отмечает, что главная проблема заключается в том, что русская интеллигенция («образованное общество») стала «книжной». Она усвоила готовые, абстрактные теории и схемы (например, социализм), рожденные в иных исторических и культурных условиях Западной Европы, и тем самым утратила живую духовную связь с народом. Этот разрыв носит не только социальный или образовательный, но прежде всего духовный характер: интеллигенция говорит на языке отвлечённых понятий и рациональных категорий, тогда как народ выражает себя в языке веры, традиции и конкретного жизненного опыта.

В противовес «книжности» интеллигенции народ, по мнению Достоевского, хранит «правду» интуитивно, в сердце. Его нравственные устои, основанные на христианской любви, сострадании, жертвенности и соборности, не являются заимствованными из книг, но выращены всей историей России, православной традицией и жизнью «на почве». При этом народная «грамотность» понимается не как простое умение читать и писать, но прежде всего как духовная мудрость и нравственный кодекс, который зачастую оказывается глубже и вернее умствований образованных слоёв. Ф.М. Достоевский призывает интеллигенцию вернуться к народу, к почве, чтобы завершить великое общее дело человечества, потому что только русский народ сохранил великие православные идеалы. Писатель рассматривает европеизированную русскую интеллигенцию как заблудшие души, временно оторванные от народной почвы из-за реформы Петра Великого, но общие национально-культурные гены и духовная основа интеллигенции и народа определяют то, что интеллигенты лишь временно отделены от народа, но им суждено слиться с народом.

Стоит отметить, что в произведениях Достоевского нередко встречаются эпизоды покаяния интеллигенции перед народом и целования земли. Например, в «Преступлении и наказании» Раскольников, по совету Сони, вышел на площадь,

покаялся перед народом и поцеловал землю с наслаждением и счастьем. В «Братьях Карамазовых» Алеша Карамазов, по духовному завещанию старца Зосимы, поцеловал землю со слезами на глазах, обнимал ее и исступленно клялся любить ее во веки веков. Как отмечает Цзи Минцзюй, в романах Достоевского образ «земли» часто используется как метафора русской народной истины⁹¹. Глубоко раскаивающиеся герои совершают символический жест – целование земли, который выражает их трудный путь возвращения к народу и его истине. По мнению А. Б. Криницына⁹², для Достоевского спасение изолированной и эгоцентричной личности возможно лишь через связь с народом и осознание себя частью единого в Боге целого. Важным символическим шагом на этом пути становятся покаяние и искупление вины перед оскверненной Землей, а также символическое единение с ней.

В книге «Толпа, массы, политика» М. А. Хевеши также отмечает, что в русской интеллигенции преобладало чувство «вины перед своим народом», чувство покаяния, и это порождало определенное народопоклонничество⁹³. Исповедь перед народом и страдание – необходимый для русской интеллигенции путь к самоспасению и духовному совершенству. Достоевский не желал признавать, что аристократия как основная масса высокообразованной интеллигенции представляла собой отдельный класс, он считал, что вся Россия представляет собой один класс. Предпосылкой примирения классов является перерождение высших классов в народ «за счет потери своей классовости – она должна была "слезть", "исчезнуть", "раствориться", "растаять", по Достоевскому, во всерусской и, более того, всемирной общине»⁹⁴. Ф.М. Достоевский принимал

⁹¹ 季明举. “文明与人民根基的和解”——陀思妥耶夫斯基的“知识分子与人民”命题. 俄罗斯东欧中亚研究, 2019(3): 102. (Цзи Минцзюй. «Примирение цивилизации и народной почвы» – тема «интеллигенция и народ» у Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2019. № 3. С. 102).

⁹² Криницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского. Монография. – М.: Макс Пресс, 2017. С. 138.

⁹³ Хевеши М.А. Толпа, массы, политика. – М.: Издательство Института философии, 2001. С. 61.

⁹⁴ Попов В.Д. Проблема народа у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: 1980. Т. 4. С. 47.

идеал за действительность, что отражает «тон теории примирения классов»⁹⁵. Это также соответствует утопическому ожиданию писателя, что интеллигенция способна не только интегрироваться с народом, но и привнести ему высшую культуру и науку Запада.

Задача интеллигенции заключается в том, чтобы быть посредником: осмысливать европейские идеи «по-русски», пропускать их через фильтр народного духа и доносить до народа уже в преобразованном, близком ему виде. Она должна «принять народ в душу», отказаться от позиции сверху вниз. Прежде чем «просвещать» народ, образованный человек сам должен пройти духовное преображение и признать, что народ обладает собственной, подлинной правдой. Отношения между интеллигенцией и народом для Достоевского строятся не по схеме «учитель — ученик», а как диалог «проводника и источника». Интеллигенция не учит народ, а помогает ему осознать и выразить собственную, глубинную истину.

3. Утилитаризм искусства и полемика Достоевского с теорией «среды»

Всякое искусство, как показывает Анджей де Лазари⁹⁶, неизбежно содержит признаки народности, и самая существенная сила произведений искусства заключается в её связи с жизнью, с действительностью. Восприятие Достоевским «крестьянского вопроса» ярко отражается в его отрицательном отношении к художественному утилитаризму. С конца 1850-х до середины 1870-х годов Достоевский активно участвовал в полемике, отвечая на потребность в дискуссиях, и написал ряд опровержений и контраргументов. Наиболее показательным для его почвеннической идеологии является сборник статей, включающий «Введения», «Г-н —бов и вопрос об искусстве», «Книжность и грамотность. Статья первая», «Книжность и грамотность. Статья вторая» и «Последние литературные явления. Газета “День”». В этих статьях Достоевский

⁹⁵ Нижников С.А. Ф.М. Достоевский и «Русская идея» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 133.

⁹⁶ Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Интербук, 2004. С. 135.

подробно излагает свои взгляды, которые он лишь кратко обозначил в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год». Он считал, что оценка ценности искусства зависит от согласования темы искусства и формы, воплощающей эту тему. Это мнение отражает стремление Достоевского к балансу между двумя крайностями: взглядом «искусства ради искусства» и утилитарными эстетическими взглядами западников. Достоевский пытался искать средний путь, где искусство могло бы выполнять высокую нравственную и духовную миссию, не превращаясь при этом в инструмент пропаганды или политической агитации.

В статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» Достоевский формулирует свою духовно-экзистенциальную концепцию искусства, противопоставляя ее материалистически-утилитарной концепции революционных демократов. Для Добролюбова («Г-н —бова») и утилитаристов искусство выступает как инструмент улучшения социальных условий: оно должно приносить пользу, выполнять общественные функции и решать актуальные задачи. А приверженцы «чистого искусства» отстаивают свободу творчества, но порой отвергают важнейшую «обличительную» литературу — включая работы Щедрина — только потому, что она не снимается рамками эстетического «чистого» творчества. Достоевский считает, что обе позиции упускают суть искусства: утилитаристы бесконечно пренебрегают художественностью, а сторонники чистого искусства отказывают в признании действительно глубокой, смысловой литературы.

Он подчёркивает, что «без художественности идея не воспринимается». Нехудожественное произведение не передаёт смысла, а утилитарный подход без эстетики зачастую вреден. В статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» Достоевский приводит саркастический пример: по логике утилитаристов, «Шекспир» бесполезен, так как не может напрямую принести столько же пользы, сколько сапожник, шьющий сапоги. Критики-утилитаристы обвиняли Пушкина в том, что его Алеко — социально не полезный герой. Достоевский же защищает право художника исследовать сложные, противоречивые человеческие характеры, а не создавать прямолинейные «положительные примеры».

По его мнению, искусство должно освободиться от оков утилитаризма, поскольку утилитарное выражение определённых социальных или политических идей нанесёт ущерб творческой свободе художника. Критики не должны предъявлять искусству никаких политических требований, искусство выражает вечную потребность человеческого духа в красоте, поэтому невозможно четко определить границы между полезным и бесполезным, прогрессом и отсталостью в искусстве. Он утверждает: «настоящее искусство всегда современно и не может быть оторвано от действительности». Любые отклонения от актуальности — временные, преходящие, вызваны или незрелостью автора, или слишком горячим стремлением к прямой пользы. Он говорит: «Искусство всегда в высшей степени верно действительности ... оно всегда современно, насущно-полезно».

Самой яркой иллюстрацией взглядов писателя служат его комментарии к картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». В статье «По поводу выставки» Ф.М. Достоевский признается, что картина ему очень понравилась, так как художник не внёс никаких «предубеждений» в изображение бурлаков: «К радости моей, весь страх мой оказался напрасным: бурлаки, настоящие бурлаки и более ничего. Ни один из них не кричит с картины зрителю: "Посмотри, как я несчастен и до какой степени ты задолжал народу!" И уж это одно можно поставить в величайшую заслугу художнику» (21; 74).

Неутилитарный взгляд Достоевского на литературу и искусство также проявляется в кардинально противоположных взглядах Достоевского и Добролюбова на повествование «Маша» Марка Вовчка. Добролюбов считал, что чтение «Маши» изменит мнение тех, кто поддерживает крепостное право, и заставит их осознать его несправедливость. Он утверждал, что «Маша» способна пробудить в читателях сочувствие к судьбе крепостных крестьян и изменить их взгляды на крепостное право. Добролюбов верил, что сила литературы заключается в её способности воздействовать на человеческие чувства и побуждать к социальным изменениям.

Достоевский же видел в этом произведении неудачную попытку изобразить русского народа и русскую жизнь, что, по его мнению, лишь усугубляло проблему. Он критиковал повествование «Маша» за поверхностное и неубедительное изображение русских крестьян. Достоевский утверждал, что если писатель не способен искусно передать сущность своих персонажей как настоящих русских людей, то он не может достоверно выразить такие специфические чувства, как ненависть к крепостному праву, присущие обычным русским людям. Персонажи повествования «Маша» напоминали ему «одетых в русские кафтаны и сарафаны каких-то швейцарцев из балета» (18; 92), которые скорее представляли собой пейзаж и пейзажок, чем крестьян и крестьянок.

Достоевский выстраивает свою эстетическую позицию как свободную от крайностей: он отвергает как утилитарную оболочку искусства, так и «чистое», абстрактное искусство без смысла. Для Достоевского: Искусство — потребность духа, цель которого — выразить красоту и идеал, без которых человек духовно мертв. Его польза не прямолинейна, а глубинна: оно сохраняет в человеке человеческое. Искусство, выросшее из народной почвы и выражающее глубинные потребности духа, по определению не может быть бесполезным. Эта полемика стала манифестом эстетических принципов почвенничества и предвосхитила позднейшие, более сложные размышления Достоевского о спасительной роли красоты («Красота спасет мир»).

В вопросе о народности Достоевский всегда выступал против формулы «среда заела». Тема взаимоотношений между личностью и обществом, а также формула «среда заела» находят отражение как в художественных произведениях, так и в публицистических статьях Достоевского. В очерке «Среда» из «Дневника писателя» он полемизирует со сторонниками «теории среды», противопоставляя им идею нравственной ответственности личности. По его мнению, главными объективными причинами преступлений являются не только несовершенство общественных условий, но и конфликт между личностью и обществом. Согласно христианской антропологии, на человеке лежит моральная обязанность

преодолевать влияние окружающей среды, и каждый должен нести ответственность за свои поступки.

Уже в «Записках из Мёртвого дома» проявляется недоверие Достоевского к «теории среды», поскольку она может привести к оправданию самого преступника. На его взгляд, существующее социальное зло коренится не в обществе, а в самом человеке, и такого же мнения придерживается русский народ. В народе преступление обычно называют несчастьем, а преступника – несчастным, в этом названии присутствует чувство самообвинения – «если мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что наполовину и виноваты в его преступлении. Если он преступил закон, который земля ему написала, то сами мы виноваты в том, что он стоит теперь перед нами. Ведь если бы мы все были лучше, то и он бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами...» (21; 15). Человеку не должно обвинять среду, окружающая среда всецело зависит от самого человека и его постоянного покаяния и самосовершенствования, «ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять» (21; 15). Наоборот, если потакать распространению учения о «среде», в душе народа будет полное опустошение, моральная беспомощность и психологическое бессилие, люди перестанут верить в Бога, а без сдерживающего действия Бога нравственная основа общества окажется на грани краха.

В этом смысле, как показывает Ван Хайсон, «формула "среда заела" намеренно усиливает и даже в известной степени искажает рациональный дух Просвещения, игнорирует и подавляет гуманистическую заботливую сторону Просвещения»⁹⁷. В природе действительно выживают «наиболее приспособленные», но дарвинизм вообще не применяется к социальным и экономическим отношениям в обществе. Социал-дарвинизм открывает в человеке только животную природу и совершенно игнорирует его духовный мир, что

⁹⁷ 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想的反理性主义根源. 江海学刊, 2017(4): 206. (Ван Хайсон. Об антирациональных корнях почвенничества Достоевского // Академический журнал Цзян Хай. 2017. № 4. С. 206.)

противоречит духу православия. Народ нуждается в гуманитарной заботе и любви, ведь «не хлебом единым жив человек».

Выводы по 1 главе

Таким образом, понятия «народ» и «народность» в общественной мысли России XIX века были тесно связаны с процессами политической и культурной трансформации страны. Влияние идей Французской революции и Просвещения, а также стремление к осмыслению уникальности русской духовной и культурной традиции сформировали теоретические основания для дальнейших преобразований в российской мысли, повлияв на ход политических и социальных событий XIX века. Проблема народности в творчестве Ф.М. Достоевского представляет собой сложный и многогранный феномен, где религиозные, социальные и культурные элементы сливаются в единую картину. Личность писателя, его религиозное воспитание, жизненные испытания и духовные поиски глубоко влияли на его восприятие народности и отражались в его литературном наследии. Представление Достоевского о народности, как и его почвенничество, формировалось на основе аргументации и критики западников и славянофилов. Его взгляды, по существу, были ближе к воззрениям славянофилов и основывались на вере писателя в русский народ и русскую культуру.

Достоевский рассматривал русский народ как божественный источник, которому интеллектуалы должны поклоняться, чтобы черпать из него веру в Бога. Он не отрицает величия западной культуры и цивилизации, но подчеркивает «общечеловечность» православия и русского народа, призывает русский народ взять на себя миссию мессии – не только спасти русский народ, но и в дальнейшем найти путь к коллективному счастью человечества. В вопросе о народности Достоевский всегда выступал против художественного утилитаризма и формулы «среда заела». Он опасался, что распространение формулы «среда заела» приведет к пустоте внутреннего мира человека и недостатку веры. А тенденциозность и манипуляция в утилитарном выражении искусства будут препятствовать аутентичности и свободе творчества.

Глава 2. «Сибирская тетрадь» как основа для дальнейших творческих открытий Ф.М. Достоевского

2.1. «Сибирская тетрадь» в контексте современных исследований

В годы, проведённые в Сибири, обращение Достоевского к народной речи и тесное общение с представителями разных социальных слоёв стали важным этапом в формировании его художественного метода, определив как стилистические, так и философские особенности его творчества. «Сибирская тетрадь» не только зафиксировала арестантский фольклор – пословицы, поговорки, песни и анекдоты, – но и стала ключевым моментом в эволюции творческого подхода Достоевского, оказав значительное влияние на его последующее художественное осмысление образа народа. Как отмечает И.М. Юдина⁹⁸, эти записи обладают уникальной ценностью, поскольку задолго до появления этнографических исследований конца XIX века запечатлевают фольклор тюремной среды в его подлинной, живой форме. Однако из-за специфики материала и трудностей его интерпретации исследователи чаще обращаются к романам и публицистике писателя, оставляя «Сибирскую тетрадь» на периферии научного внимания.

В научной среде обсуждение «Сибирской тетради» Ф.М. Достоевского преимущественно сосредоточено на вопросах времени и места её создания. Существует несколько гипотез, каждая из которых опирается на различные источники и интерпретации. Выделяются три основные точки зрения. Первая гипотеза предполагает, что начальные записи велись в Омском остроге в период каторги (1851–1854 гг.), что подтверждается воспоминаниями современников и возможностью фиксации тюремного фольклора в условиях госпиталя (П.К. Мартьянов⁹⁹, С.В. Белов¹⁰⁰, В.А. Туниманов¹⁰¹). Вторая гипотеза утверждает, что

⁹⁸ Юдина И.М. Примечания к <Сибирской тетради> Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л., 1972. Т. 4. С. 310-322.

⁹⁹ Мартьянов П.К. Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки. – СПб., 1896. Т. 3. 304 с.

¹⁰⁰ Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя. – М., 1990. 207 с.

¹⁰¹ Туниманов В.А. Творчество Достоевского. 1854–1862. – Л., 1980. 296 с.

тетрадь была оформлена в годы ссылки в Семипалатинске (1854–1859 гг.), о чём свидетельствуют различия в почерке и чернилах (Н.И. Якушин¹⁰², П.П. Косенко¹⁰³), а также датировка РГБ (1856–1860 гг.). Согласно третьей точке зрения, работа над тетрадью велась непрерывно в течение всего сибирского периода с последующим редактированием и дополнениями вплоть до 1860 года (Н.К. Пиксанов¹⁰⁴, В.П. Владимирцев¹⁰⁵, Т.И. Орнатская¹⁰⁶). Письма Достоевского к брату Михаилу, в которых упоминаются записи «на месте», а также физические характеристики тетради – различия в бумаге, чернилах и почерке – подтверждают сложность и многослойность процесса её создания.

В статье «О методе цифровой спектрофотометрии в изучении рукописи писателя (на примере "Сибирской тетради" Ф.М. Достоевского)»¹⁰⁷ К.А. Баршт, Б.С. Райхель и Т.С. Соколова представлен метод спектрографического анализа, который позволяет не только уточнить хронологию написания «Сибирской тетради», но и подтвердить биографические факты из жизни Достоевского, связанные с его пребыванием в ссылке и службой в Сибири. Согласно спектрографическим данным, временные рамки создания некоторых частей рукописи совпадают с периодом после его выхода из острога в январе 1854 года, когда он приступил к службе солдатом в 7 Сибирском линейном батальоне.

Помимо автобиографического характера «Сибирской тетради» и реконструкции хронологии её создания, значительный научный интерес также представляет анализ фольклорных мотивов и изучение их наследственной связи с

¹⁰² Якушин Н.И. «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского // Труды Сталинского государственного педагогического института. Т. 3 (Сер. филологическая). – Сталинск, 1960. С. 25-37.

¹⁰³ Косенко П.П. Сердце остается одно. Достоевский в Казахстане. – Алма-Ата, 1969. 178 с.

¹⁰⁴ Пиксанов Н.К. Достоевский и фольклор // Советская этнография. 1934. № 1-2. С. 152-180.

¹⁰⁵ Орнатская Т.И. «Сибирская тетрадь» // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 5. С. 222-225.

¹⁰⁶ Владимирцев В.П. Каторжная тетрадка Достоевского: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут, гос. ун-та, 2009. 165 с.

¹⁰⁷ Баршт, К.А., Райхель, Б.С., Соколова, Т.С. О методе цифровой спектрофотометрии в изучении рукописи писателя (на примере «Сибирской тетради» Ф.М. Достоевского) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 4. С. 20-44.

другими произведениями писателя. Л. М. Розенблюм¹⁰⁸ трактует «Сибирскую тетрадь» исключительно как сборник народных выражений, отвергая её значение в качестве «творческого дневника». Такой подход представляется ограниченным, поскольку игнорирует многоаспектный характер записей, включающих не только фольклорные элементы, но и наблюдения над бытом каторжан, этнографические зарисовки и размышления, впоследствии нашедшие отражение в художественных произведениях писателя.

Рукопись является важным источником для дальнейшего анализа социокультурных явлений того времени, поскольку она дает возможность погрузиться в мир каторжной жизни, являвшейся для многих заключённых не только физическим, но и психоэмоциональным испытанием. Её особенность заключается в том, что в ней зафиксированы первые элементы тюремного языка и народной критики властей, что стало основой для дальнейших лексикографических и социокультурных исследований. В.П. Владимирцев называет «Сибирскую тетрадь» рубежным моментом в творчестве Достоевского, подчеркивая её значение как точки возобновления его литературной деятельности¹⁰⁹. Это утверждение представляется обоснованным, поскольку записи, сделанные писателем, демонстрируют его непосредственное погружение в народную культуру, что станет важной составляющей его последующего творчества.

В тюремном фольклоре, зафиксированном в «Сибирской тетради», сохраняются многие элементы крестьянской устной традиции, такие как поговорки, пословицы и выражения, знакомые из фольклора. Однако в условиях каторги эти элементы обретают новую окраску и смысл. Так, в «Сибирской тетради» встречаются прямые, порой жёсткие реминисценции остроговой действительности: «У меня братья в Москве в прохожем ряду ветром торгуют» или «Эх ты, подающая голова. Голову тебе в Тюмени подали» (4; 236). Эти

¹⁰⁸ Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. – М.: Наука, 1981. 368 с.

¹⁰⁹ Владимирцев В.П. Сибирская тетрадь // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь. – СПб., 2008. С. 390.

фразеологизмы служат не только свидетельством крайней нищеты, но и мощным образом бесчеловечных условий заключения. Немаловажным пластом тюремной речи становятся сатирические переделки церковных текстов, анекдоты и особая терминология, высмеивающая государственные и религиозные институты. Икона святого Иоанна Златоустого, например, упоминается под ироничным именем «Ванька-крикун», а кадило – как «махальница» (4; 238). Таким образом священные атрибуты превращаются в объект шуток и насмешки.

Поговорки вроде «Ефим без прозвища», «Точи, не зевай», «Потачивай, небось» (4; 236) отражают дистанцирование каторжан от присутствующего порядка и презрение к господствующей социальной иерархии. В них слышится сквозящая ирония по отношению к тем ролям и нормам, от которых заключённые были отчуждены, – их собственное «я» усиливает разрыв между внутренним миром арестантов и окружающей цивилизацией.

Записи Достоевского в «Сибирской тетради» не остались сухим этнографическим материалом: многие их мотивы и языковые обороты легли в основу позднейших произведений писателя. Как отмечает В. П. Владимирцев в монографии «Каторжная тетрадка Достоевского», ссылка на «Сибирскую тетрадь» сквозит в «Записках из Мёртвого дома», «Преступлении и наказании» и «Идиоте»¹¹⁰.

Особенно ярко влияние «Сибирской тетради» проявляется в «Записках из Мёртвого дома», где Достоевский использует около 50 лексических и фразеологических оборотов, заимствованных из этого источника. Образ сибирского каторжника, его мысли и речь, кажущиеся подлинными и искренними, проникают в текст «Записок», придавая произведению моральную и духовную точку зрения, близкую к христианским ценностям. Речь каторжников, несмотря на её арготизированность, воспринимается как искренняя, народная и близкая к христианским идеалам, что определяет восприятие произведений. Утверждение Л.

¹¹⁰ См.: Владимирцев В.П. Каторжная тетрадка Достоевского: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут, гос. ун-та, 2009. С. 161-162.

Н. Толстого о «искренности», «естественности» и «христианской точке зрения»¹¹¹ в «Записках из Мёртвого Дома» можно также распространить на «Сибирскую тетрадь», поскольку обе работы отражают общую философскую и духовную позицию Достоевского, что делает их внутренне связанными.

Одним из ярких примеров такой связи является глава «Акулькин муж. Рассказ», основанная на реальной истории, услышанной Достоевским в каторжной тюрьме. В «Сибирской тетради» содержится запись, относящаяся к этой истории: «Придет на час, а просидит чухонский месяц. Влюблен, как кошка. Жена говорит: режь, в солдаты берут. Стали мы дожидаться, плакал с ней, а ночью зарезал.» (4; 245). Эта запись включает ключевые элементы будущего сюжета: мотив убийства, связь жены с любовником, момент размышлений убийцы после преступления. Однако в финальном варианте главы фабула была изменена – жена не признается в измене, а муж сразу после убийства убегает.

Строки «погода того немножко» и «акулинин муж на дворе» относятся к песне «Как со вечера пороша...», которая широко известна в русской народной традиции и имеет сюжет, связанный с изменой супруги. В песне жена изменяет своему мужу, который отсутствует, и рождает ребенка в его отсутствие. Это кардинально отличает Акулину из произведения Достоевского, так как в тексте она не совершает измену и не является вероломной супругой. Тем не менее, использование этой песни в названии главы и в контексте произведения имеет глубокий символический смысл. Песня о неверной жене создает культурные и сюжетные ассоциации, на которые опирается сам рассказ. Для слушателя Черевина, знакомого с песней, имя Акулины автоматически вызывает ассоциации с изменой и неуверенностью в супруге, и, таким образом, он неправильно интерпретирует рассказ Шишкова.

Эти материалы также находят отражение в таких произведениях, как «Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»,

¹¹¹ Толстой Л.Н. Письма. 375. Н. Н. Страхову. 1880 г. Сентября 26? Ясная Поляна. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 876.

«Братья Карамазовы» и т.д. В романе «Село Степанчиково и его обитатели» через диалог между Сергеем и помещиком Бахчеевым раскрывается, что дядюшка полковника «влюблен, как сибирский кот» (2; 28). Это выражение отсылает к фразе, зафиксированной Достоевским в «Сибирской тетради», где он записал: «влюблен, как кошка» (4; 245). И запись № 468 из тетради: «Уж как разодела: журнал, просто журнал! И чего тут нет, в Питере! Отца-матери нет» (4; 248) также находит аналогичное выражение в диалоге из «Преступления и наказания»: «– И чего-чего в этом Питере нет! – с увлечением крикнул младший, – кроме отца и матери, всё есть!» (6; 133). В данном контексте, эта реплика связана с судьбой Миколки Дементьева, который оказывается одиноким в Петербурге, без поддержки семьи, что подчёркивает мотив бобыльства (жизни без семьи) простолюдина в большом городе. Аналогичным приемом Достоевский наделяет выразительной народной речью персонажей «Бесов» (Федька Каторжный), «Подростка» (Макар Долгорукий) и даже собственное публицистическое повествование («Дневник писателя»). Запись № 124 «Молодец против овец, а против молодца и сам овца» (4; 239) – распространенная пословица. В романе князя Мышкина несколько раз называют «овцой», в том числе Парфен Рогожин и Настасья Филипповна, что подчеркивает его кротость, мягкость, а также неспособность к агрессии и насилию.

Таким образом, «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского представляет собой не просто собрание фольклорных выражений и наблюдений, а уникальный документ, фиксирующий процесс глубокого погружения писателя в народную и тюремную культуру. Она служит связующим звеном между биографическим опытом Достоевского и его зрелым художественным методом, позволяя проследить истоки тех нравственно-философских и стилистических особенностей, которые впоследствии определили его крупнейшие произведения. Многоуровневый характер записей – от фольклора до этнографических зарисовок и психологических наблюдений – делает «Сибирскую тетрадь» не только важным историко-литературным источником, но и своеобразным творческим

лабораторией писателя, в которой формировалось его понимание народной души, страдания и спасения. Влияние тетради, наиболее очевидное в «Записках из Мёртвого дома», ощущается и в более поздних романах, где живая народная речь и христианские интонации становятся выразительным инструментом для выявления социального и морального облика народа в условиях угнетения и страха, что создаёт глубокую основу для дальнейшего изучения народного характера в его творчестве.

2.2. Образ народа через речевые реакции каторжных в «Сибирской тетради»

Из народных изречений, собранных в Сибирской тетради, становится ясно, какие высказывания казались Достоевскому особенно яркими. Достоевский не задавался специальной целью записывать фольклор острога. Ему было важно фиксировать отдельные меткие выражения, как будто только что сорвавшиеся с языка, передающие многоголосый и разноязычный говор тюремной толпы, волнуют живой непосредственностью реакции собеседников.

Частью это было обусловлено неожиданностью и выразительностью речевого оборота, частью острым смыслом, но всегда в них была маркирована специфика народной культуры, что неизбежно тесно взаимосвязано с отражением особенностей национального народного характера.

Произведения тюремного фольклора, возникшие на общенародной основе, отличаются только большей резкостью и остротой. Фольклор тюремной камеры – это в целом традиционный фольклор русского крестьянства с незначительными вкраплениями локальных элементов. Разумеется, специфика каторжной среды должна быть учтена, но она не отменяет единства каторжной фольклорной традиции с общенародной. Не случайно Достоевский отмечал, что каторжные – «может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего». Познавая каторжных, Достоевский познавал в принципе русский народ, о чем свидетельствует тот факт, что впоследствии изречения из Сибирской тетради Достоевский употреблял в речи самых различных героев своей прозы, никак не принадлежащих к каторге, – всегда, когда ему надо было подчеркнуть их простонародный характер и константы народного сознания.

Речевые реакции на те или иные явления жизни и повороты судьбы, восприятие окружающих и их поступков свидетельствует о ценностных приоритетах и первичных психологических реакциях, типичных для низших русских сословий.

Итак, какие черты характера демонстрируются в собранных Достоевским речевых фрагментах?

При первом приближении говорящие всячески демонстрируют **скрытность и сдержанность**. Так, в записи № 313 фиксируется: «А ты знай, помалчивай», в записи № 364 – «А он словно воды в рот набрал, молчит себе, да и только», в записи № 196 – «Здравствуй!» – «Ну, здравствуй, коли не шутишь». Стоит задача как можно меньше сказать о себе, отшутиться на прямой вопрос, увести разговор в сторону. Например, в записи № 55 зафиксировано: «Тебя как зовут?» – «Махни-драло». – «А тебя?» – «А я за ним». – «Где ты жил?» – «В лесу». – «Мать-отца помнишь?» – «Ничего не помню». – «Ну, а зимой?» – «Зимы не видал, ваше благородие». – «А тебя?» – «Топоров, ваше благородие». – «А тебя?» – «Точи не зевай». – «А тебя?» – «Потачивай небось». В записи № 150: «Здорово, ребята!» – «Курские, ваше благородие». – «Что! которой губернии?» – «Женатые, ваше благородие». – «И дети есть?» – «Есть двое, у меня трое, у меня семеро!» – «Что ж, вам небось жаль детей-то?» – «Чуден ты человек, ваше благородие! Как же своего родного детища не жаль будет».

Подобная линия поведения выработана не только опытом, но и культурными традициями. Несомненно, она считается в народном менталитете своего рода добродетелью, наиболее выверенным и проверенным опытом алгоритмом поведения. Так, в записи № 237 зафиксировано характерное выражение: «Растуманился, прпечалился».

Подобная черта придает народному характеру сдержанный, мрачный оттенок. Это обусловлено, без сомнения, каторжным опытом общения, где никому нельзя доверять, тем более имеются доносчики начальству. Откровенность допускается только с давними знакомыми и считается высшим проявлением расположения. В записи № 440 встречается характерное изречение: «Хлеб-соль ешь, а правду режь».

В случае если речевой контакт всё же состоялся, в глаза бросается преобладающий почти во всех высказываниях пафос иронии. Например, в записи № 24: «За тебя, старый хрыч, уж три года на том свете провиант получают», в

записи № 378 – «Что ты мне свою моську-то выставил; плюнуть, что ли, в нее». Этому же служит горделивая бравада и напускной цинизм.

Но с другой стороны, насмешка над окружающими у каторжных прямо соседствует с насмешкой над собой и самоиронией. «Пришлось мне пройти по зеленой улице» (запись № 35); «Я ведь, брат, взят от сохи Андреевны, лаптем щи хлебал» (№ 37); «А уж мне, известно: и первая чарка, и первая палка» (№ 383) – такие высказывания показывают иронично-философское отношение к жизни и судьбе, что можно считать важнейшей константой народного самосознания. Не случайно в записях звучат пословичные формулы: «Вали! во что кривая не вынесет!» (№ 289) или «Снявши голову, по волосам не плачут» (№ 294).

Показательно и то, что именно становится для каторжных объектом насмешек. Чаще всего это глупость – что свидетельствует об уважении к уму и приоритете гибкости мышления. Но нередко предметом иронии оказывается и бедность: «А то золотой ящик купи да медный грош положи» (№ 375). Подобные выражения отражают философское отношение к судьбе и общее спокойное, реалистическое восприятие действительности.

С ироническим восприятием жизни тесно граничит **фатализм**, который часто проявляется как отчаянность, легкое, а порой и легкомысленное отношение к судьбе. В речи каторжных эта черта обнаруживается постоянно: «Придется понюхать кнута» (№ 31); «Люди ложь, и я то ж» (№ 110); «Ты сегодня помри, а я завтра» (№ 235); «Значит: два ведра воды и одна луковица – французский суп а la santé. А по-нашему, так полтрубки табаку да графин водки – вот я и сыт» (№ 328); «Что ж делать. Не у всякого жена Марья! Попался в мешок!» (№ 339); «А мне везде рай, был бы хлеба край» (№ 393); «Прощайте, не стражайте, скоро ворочусь» (№ 406). В этих словах чувствуется привычка воспринимать судьбу как нечто неотвратимое, где лучше смеяться, чем бороться.

Фатализм нередко приводит и к преступлению. Так, в записи № 326 рассказывается о том, как заключённый убил жену: «Вот вышли мы с ней. На мне смущачья шапка, тонкого сукна кафтан, шаровары плисовые; она в новой заячьей

шубке, платочек шелковый, – т. е. я ее стою и она меня стоит, вот как идем... Ночью зарезал и всё думал, что мне с ней делать». Эти слова передают состояние крайней аффективной неустойчивости и нравственного краха: убийство совершается не из холодного расчёта, а как вспышка отчаяния, вызванная ревностью и унижением. Именно эта ситуация предвосхищает «Акулькиного мужа». Реплика жены: «Режь! его в солдаты берут, я его любовница» становится спусковым крючком к преступлению. Подобно этому, признание Акульки в чувствах к Фильке в рассказе Достоевского воспринимается Шишковым как окончательное доказательство его ненужности и слабости.

Таким образом, запись № 326 можно рассматривать как своеобразный первоисточник будущей главы «Акулькин муж», где уже обозначены ключевые элементы: мотив ревности, болезненное самолюбие, слабость воли и представление о преступлении как следствии душевной пустоты и отчаяния.

Отчаянность в любых обстоятельствах, даже при личной неправоте или безнадёжности ситуации, легко перетекает в самоуверенность. Так, один каторжный говорит: «У меня небось не украдут. Я, брат, сам боюсь, как бы чего не украсть» (№ 16); другой – «Умел людей резать, теперь ломай зеленую улицу, поверяй ряды» (№ 169). Подобная бравада выражается в поговорках: «Эх, брат! ворон ворону глаз не выклюет» (№ 246), а иногда даже перерастает в гордость: «Отец мой не кланялся да и мне не велел» (№ 292). Причиной, порождающей отчаянность, следует считать свободолюбие, выразившееся в записи № 324: «А по-нашему, хоть на час, да вскачь» (4; 244). Скорее всего, наблюдение этой черты у многих каторжников и побудили Достоевского считать ее одной из уникальных и своеобразнейших для русского национального характера, всегда испытывающего пределы возможного и во всем переходящего за «последнюю черту» того, что дозволено нормой и моралью.

Эти наблюдения должны были привести писателя к размышлениям о диалектике свободы, допускающей и даже требующей возможность своеволия, развернутой им в «Записках из подполья». Диалектика свободы в образе

подпольного человека у Достоевского строится как напряжённое противостояние осознанного волеизъявления и иррационального своеволия, за которым скрывается болезненное чувство внутренней раздвоенности. Герой из «Записок из подполья» испытывает острое желание выйти за пределы детерминированных моральных норм, утверждая свободу как право на поступок вопреки логике, чувствам, состраданию – даже вопреки себе самому. Он осознаёт разрушительность своих действий, но именно эта разрушительность становится подтверждением его воли: «Я разжал ей руку и положил в нее... со злости. Мне это пришло в голову сделать... Но вот что я наверно могу сказать: я сделал эту жестокость, хоть и нарочно, но не от сердца, а от дурной моей головы» (5; 176-177). Это и есть своеобразная реализация философии «свободы как своеволия» – как поступка, оправданного не моральным выбором, а произволом сознания, его отчаянным стремлением доказать собственную независимость. Свобода здесь оборачивается капризом, волевым порывом, где главную роль играет не сердце, а "дурная голова", то есть холодная теория воли, доведённая до предела. Подпольный человек не может, как подчёркивает Н. В. Живолупова, «поддаться оформлению», он «сохраняет в себе стихию первобытной меонической свободы»¹¹², то есть свободы до границ добра и зла, до всякой формы. В этом контексте своеволие становится не случайным и не ошибочным проявлением воли, а её внутренне необходимым элементом, без которого невозможна подлинная, пусть и разрушительная, свобода.

В этом смысле, как справедливо указывает А. П. Скафтымов¹¹³, речь идет не об апологии индивидуализма или разрушительной воли, но о парадоксальном осознании несвободы, рожденной произволом. Все поступки героя – от маниакального самоутверждения до насилия над Лизой – воспринимаются им

¹¹² Живолупова Н.В. Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф.М. Достоевского 60-х гг. // Достоевский и современность. – Новгород, 1994. С. 126.

¹¹³ Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. С. 204-205.

самим как унижительные, постыдные. Его «воля» оказывается лишь маской бессилия, неспособности к любви, к принятию другого.

Мотив саморазрушительного бунта, укоренённый в народном мироощущении и выражающийся в иррациональном поступке «назло», в «Записках из подполья» получает у Достоевского философское осмысление и углубление. Подпольный парадоксалист предстаёт не просто носителем стихийного протеста, но его радикализированным интеллектуальным воплощением, что позволяет автору раскрыть экзистенциальную и метафизическую природу этого явления: своеволие, оторванное от нравственной почвы и ведущее не к свободе, а к саморазрушению. Этот иррациональный порыв, окрашенный фаталистическим ощущением «а всё равно ничего не будет» и стремлением преодолеть предел дозволенного, на деле оборачивается не освобождением, а деградацией, то есть утратой человеческого достоинства и добровольным превращением в изгоя. Подобный тип поведения, который Достоевский наблюдал на каторге как массовое явление, становится для него свидетельством глубокой ложности свободы, понятой исключительно как своеволие. Именно поэтому в «Записках из подполья» он доводит логику «бунта назло» до крайности, чтобы обнажить её экзистенциальный тупик и нравственную несостоятельность.

С другой стороны, отчаянность может принимать и положительные коннотации – упорство и негибкость: «Пробуровил тысячу» (запись № 97); «Голодом сидят, девятый день тряпицу жуют» (№ 105); «От огня ничего не останется, а от вора всё что-нибудь да останется» (№ 140); «Научишься небось шилом молоко хлебать» (№ 262); «А ты меня и бей, да только хлебом корми» (№ 272). В этих словах звучит стойкость и готовность переносить любые испытания. То же самое относится к силе и смелости: «Молодец против овец, а против молодца и сам овца» (№ 124). В выражении «Переменял участь» (№ 53) слышится даже своеобразный поединок с судьбой. Все эти качества объединяются в общем

семантическом поле мужественности, глубоко укоренённой в русском национальном характере.

Особого внимания заслуживает запись № 124, которую Достоевский отметил в рукописи чернильным крестом – знаком особого интереса. Семантика пословицы строится на противопоставлении внешнего хвастовства и истинной доблести: герой оказывается «молодцом» лишь рядом со слабыми («овцами»), но теряет силу при встрече с равным противником. Таким образом, выражение разоблачает ложное геройство и утверждает ценность подлинной силы, проявляющейся в равном бою или нравственном испытании.

Еще одной позитивной модификацией отчаянности можно считать удаль и широту, столь любимые в народном сознании: «Деньги – голуби; прилетят и опять улетят» (№ 123); «Прогорел, – разживусь! Теперь ничего нет, а подожди, так и ничего не будет» (№ 138).

Однако из бесстрашия отчаяния может вытекать и цинический аморализм. Один из каторжных рассказывал: «Вышел на дорогу, зарезал мужика проезжего, а у него-то и всего одна луковица. – “Что ж, бать, ты меня посылал на добычу; вон я мужика зарезал и всего-то луковицу нашёл”. – “Дурак! Луковица – ан копейка, люди говорят. Сто душ, сто луковиц – вот те рубль”» (№ 7). Этот страшный эпизод перекликается с народной притчей о «луковке», помещённой Достоевским в роман «Братья Карамазовы», но там она приобретает обратный смысл – спасительный, душеспасительный, утверждающий силу любви даже в малом. Сопоставление этих двух случаев выявляет амбивалентность народного характера, столь ярко воплощённую у Достоевского: рядом с жестокостью – милосердие, рядом с разрушением – жертвенность.

Цинизм может довести и до кощунственного преступления. Один из заключённых говорил: «Как завел меня туда Господь, ах! благодать небесная! Я – ну прибирать! И махальницу, и едальницу, и хлопотницу взял. Да и дьяконов чересседельник прибрал. У Николая Угодника подбородник снял, у Богородицы кокошник снял да и Ваньку-то крикуна заодно стащил» (№ 76). Этот рассказ лёг в

основу истории Федьки Каторжного, пересказанной Достоевским в романе Бесы. Там герой с издёвкой вспоминает своё преступление: будто зашёл в церковь «помолиться», а «по сиротству моему произошло это дело», и в итоге вынес всё, что смог, оправдываясь тем, что «господь наказал за грехи». В словах Федьки слышится тот самый сплав отчаянности, цинизма и кощунства, который превращает бесстрашие в разрушительную силу.

Напротив, ослабленным вырождением отчаянности становится **хвастовство**, зачастую пустое и безудержное. Оно проявляется в гиперболизированных, театральных репликах, претендующих на демонстрацию силы, решимости или превосходства, но в действительности лишь маскирующих внутреннюю неуверенность. Так, в записи 70: «Мы с дядей Васей коровью смерть убили» (4; 238) – речь идёт не просто о бахвальстве, а о трагическом самоутверждении через участие в убийстве, продиктованном суеверными представлениями. Как отмечено в подстрочном примечании Ф.М. Достоевского, речь идёт о самосуде над крестьянами, подозреваемыми в наведении «порчи» на скот. В этом эпизоде суеверие соединяется с насилием, а жестокость обретает форму архаичной «мужской доблести». Запись 106, напротив, демонстрирует иной тип бахвальства – интеллектуальный. Высказывание: «Ты сколько знаешь, я всемеро столько забыл» (там же) – представляет собой народную форму самоутверждения, построенную на противопоставлении чужого знания якобы забытому, но существенно большему знанию говорящего. Особенно примечательно здесь использование слова «всьемеро» – оно отсылает к семеричной символике, глубоко укоренённой как в христианской, так и в фольклорной традиции (семь добродетелей, семь смертных грехов, семь дней творения и др.).

В контраст вышеотмеченным чертам многие выражения из Сибирской тетради свидетельствуют о христианской основе народного сознания. Часто речь идет о богобоязненности, что обозначает иной, спасительно-созидательный принцип жизнестроения. Так, встречаются записи: «Старовер. При конце света огненная река пойдет, грешникам – в погибель, а святым – во очищение. Все

неровности и горы изгладятся. Горы-де созданы чертями, а Бог создал ровно», «Режь хлеб со лба, перекрестившись», «Эх, старинушка! Побойся Бога, смерть у порога!», «Господи, как подумаешь, сколько греха-то на людях», «Не бери лишнего, побойся Вышнего», «Дети-то, батюшка, у меня не стоят, наказал Господь!» – и многие другие. В отличие от фаталистической отчаянности, ведущей к разрушению, религиозное чувство проявляется в покаянных восклицаниях, страхе перед Божьей карой, уважительном отношении к святыне, прежде всего к хлебу, а также в восприятии земных страданий как наказания или испытания свыше. Особенно выразительно эта идея раскрыта в записи о старовере (зап. 14): «При конце света огненная река пойдет, грешникам – в погибель, а святым – во очищение. Все неровности и горы изгладятся. Горы-де созданы чертями, Бог создал ровно» (4; 235). Здесь представлена христианская концепция воздаяния, в которой страдание становится не только карой, но и путем к очищению и духовному обновлению. Мотив «огненной реки», восходящий к духовным стихам о Страшном суде, отражает народные представления о загробном мире, где дьявольское начало ассоциируется с хаосом и изломанностью, в противовес «ровному» Божественному миру. Принадлежность этой записи староверу указывает на глубокий интерес Достоевского к религиозному расколу и связанному с ним народному мировоззрению. Эта линия впоследствии получит развитие в произведениях зрелого периода – например, в образах Алёши Карамазова и старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» или Лебедева из «Идиота», через которых автор продолжит раскрытие тем веры, ереси, духовного кризиса и религиозного подвига¹¹⁴.

¹¹⁴ А. Н. Цой отмечает, что в более поздних произведениях Достоевского, таких как «Братья Карамазовы», тема раскола продолжает развиваться в контексте размышлений о природе веры, ереси, духовного кризиса и религиозного подвига. В этих произведениях образ страдающего раскольника, сформированный в ранних работах, предвосхищает фигуры таких персонажей, как Алёша Карамазов, старец Зосима и Лебедев из «Идиота». Через этих персонажей Достоевский раскрывает сложные противоречия русской религиозности, исследуя духовные искания и моральные конфликты, которые отражают глубокие вопросы национальной и религиозной идентичности (Цой А.Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф.М. Достоевского. – Якутск, 1995. С. 66).

В секуляризованном измерении богобоязненности соответствует **справедливость**, которая зачастую заставляет принять как должное возмездие за совершенный грех, и тем более преступление. Так, в Сибирской тетради записано: «Умел людей резать, теперь ломай зеленую улицу, поверяй ряды» (запись № 169) и «Любил кататься, люби и саночки возить» (запись № 171). О справедливости речь идет в поразительно большом количестве изречений: «Честь ведут да дают, так пей» (№ 221), «Доносчпку первый кнут» (№ 247), «На чужой кусок не разевай роток, а раньше вставай да свой затевай» (№ 263), «Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом» (№ 282), «Любил медок, люби и холодок» (№ 315), «Слушай да всякое слово считай. Вот тебе свет пополам: тебе полсвета и мне полсвета (будет с нас обоих); иди да не попадайся навстречу. Слышал?» (№ 325), «Бывало, Петр через Москву прет, а нынче Петр веревки вьет» (№ 354), «Чему посмеешься, тому и поработаешь» (№ 389), «А этот смех слезами выйдет. Жирно ели, оттого и обеднели» (№ 429), «Выбрала молодца, не пеняй на отца» (№ 441) и «Посмотрим, брат, какое ты оправдание произнесешь» (№ 453). Такое обилие примеров делает справедливость не менее важной и значимой доминантой русского народного сознания, чем отчаянность.

Из справедливости естественно вытекают ответственность за свои поступки, **личное достоинство и самоуважение**. Так, ответственность проявляется в записи: «Это ведь не башмак, с ноги не сбросишь» (№ 412). Личное достоинство и самоуважение выражены в таких изречениях, как: «Не уважай, Ванюха, не уважай» – «А я, брат, такой неуважительный» (№ 26), «Старому волку везде дорога» (№ 381) и «А честь, батюшка, дороже славы» (№ 402). То, что эти черты занимают меньшее текстовое пространство, объясняется спецификой каторжной среды, однако их наличие свидетельствует о том, что в нормативной социальной среде они могут преобладать и даже главенствовать.

То же относится к такой известной черте русского народного характера, как **терпение**. Насколько казалось бы чуждой каторжникам, эта черта находит

отражение в их речи, приходя из широких народных пластов сознания. Так, записано: «Гей, скорей!» – «Скорей скорого не сделаешь. Подожди!» (№ 348).

Итак, анализ тюремного фольклора, представленного в «Сибирской тетради» Ф.М. Достоевского, позволяет выявить глубинные особенности народного характера, отражающие внутреннюю сложность и противоречивость национального мироощущения. В зафиксированных писателем изречениях, пословицах, речевых оборотах и афористических формулах проявляется богатый спектр черт – от скрытности, настороженности, житейской осторожности до удали, смелости, иронии, свободолюбия и нравственной негибкости. Эти речевые формы выступают не только как фольклорные клише, но и как выражение коллективного жизненного опыта, философии выживания и особой народной морали.

Для Достоевского тюремный фольклор становится не просто объектом наблюдения, но подлинным «языком народа», сквозь который он стремится постичь сущностные духовные основания русской жизни. Своего рода антропологическое внимание к речи позволяет ему рассматривать каторжников не как маргиналов, а как носителей архетипических черт народного характера. В «Записках из Мёртвого дома» эта концепция получает художественное воплощение: заключённые изображаются не только как изгнанники, но и как предельно обнажённые проявления национального духа – на грани между разрушением и искуплением, между преступлением и внутренней правдой. В «Преступлении и наказании» и «Идиоте» народная тема трансформируется и углубляется, сохраняя корневую связь с речевыми и поведенческими моделями, зафиксированными в каторжной среде. Через всё это проходит главная мысль Достоевского: народ – не объект внешнего описания, а живой носитель нравственного смысла русской жизни.

Мастерство Достоевского состоит в том, что он не идеализирует народ, не сводит его к абстрактной моральной категории, а стремится передать его внутреннюю диалектику – соединение смирения и своеволия, грубости и

сострадания, цинизма и духовной глубины. Через речевые практики, зафиксированные в «Сибирской тетради», писатель раскрывает подлинное – противоречивое, многослойное, живое – лицо русского народа, становящееся ключом к пониманию не только его прозы, но и философии человеческой природы в целом.

Выводы по 2 главе

Современные исследования «Сибирской тетради» подтверждают её важность не только как биографического документа, но и как ценного источника для понимания процесса формирования художественного метода Достоевского. В последние десятилетия наблюдается значительный интерес к её фольклорному и этнографическому содержанию, что позволяет углубить наше восприятие писателя как исследователя народной души.

Речевые реакции каторжников в «Сибирской тетради» играют ключевую роль в формировании образа народа в творчестве Достоевского. В зафиксированных писателем изречениях, пословицах, речевых оборотах и афористических формулах проявляется богатый спектр черт – от скрытности, настороженности, житейской осторожности до удали, смелости, иронии, свободолюбия и нравственной негибкости. Эти речевые формы выступают не только как фольклорные клише, но и как выражение коллективного жизненного опыта, философии выживания и особой народной морали. Речевые реакции каторжан становятся своеобразным «зеркалом» народного духа, отражающим не только опыт Достоевского, пережившего каторгу, но и предоставляет важный материал для осмысления народной культуры и языка в его творчестве, что делает её ценнейшим элементом в контексте современной исследовательской практики.

Глава 3. Народный тип и образ в художественном мире Достоевского 1860-х годов

3.1. «Записки из Мёртвого дома»: изображение народа через призму каторжного опыта

Будучи «настоящей энциклопедией национально-религиозной жизни России»¹¹⁵, «Записки из Мёртвого дома» представляют читателю целостную картину жизни обитателей каторги, на котором Достоевский увидел «совершенно новый мир, до сих пор неведомый» (4; 8). Во время пребывания на каторге Достоевский с большим интересом принимается изучать быт и нравы крестьян-каторжников, открывая для себя тайну характера русской души. Как писал Достоевский в письме к брату: «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ» (28; 172).

Сюжет «Записок из Мёртвого дома» разворачивается по мере того, как Горянчиков постепенно попадает в запутанный и незнакомый ему каторжный мир. В процессе этого он медленно преодолевает свои собственные предрассудки и развивает новое понимание человечности и неожиданных, парадоксальных черт натуры русского народа, который поначалу вызывал у него отвращение и разочарование. Такое изменение понимания воспроизводит мучительный процесс морально-психологической ассимиляции и переоценки, который пережил лично Достоевский. Как показывает Г. К. Щенников, «движение сюжета в "Мертвом доме" – это раскрытие под корой грубых чувств и грубых отношений настоящего народа <...> у которого <...>"золотое сердце"»¹¹⁶. По мере повествования и развития сюжета раскрываются не только панорамное изображение образа

¹¹⁵ *Борисова В.В.* Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Борисова Валентина Васильевна. – Уфа, 1997. 312 с. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000205022> (дата обращения: 29.06.2024).

¹¹⁶ *Щенников Г.К.* Достоевский и русский реализм. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. С. 88.

народной жизни, но и глубоко укоренившаяся человечность народа этого «Мёртвого» мира.

Достоевский придавал большое значение полученным в остроге знаниям о народе, народности и природных культурно выработанных чертах народного характера, которые легли в основу его мировоззрения. Хотя повесть носит автобиографический и документальный характер, но художественная интерпретация реальных событий в «Записках» явно превосходит чистое документальное описание действительности заключенного. Достоевский «не просто создавал из прототипов образы-типы, он противопоставлял их в идейном плане, дифференцируя на носителей “мертвенности”, типичных представителей “омертвляющей” среды “мёртвого дома”, с одной стороны, с другой – носителей неумирающей жизни, народного начала»¹¹⁷.

Как показано В.Г. Одиноким, Достоевский «стремится создать эпохальный “тип”, определяемый и социально-историческими условиями и особой психологической “конституцией”»¹¹⁸. Поэтому персонажи произведений Достоевского приобретают «сверхтипичность», для них часто характерны повторяемость и варьирование отдельных образов-характеров. А критериев для типологизации этих образов за историю достоевсковедения было предложено достаточно много. Впервые к типизации образов в творчестве Ф.М. Достоевского обратились литературные критики, Н.А. Добролюбов, А.А. Григорьев, затем В.Ф. Переверзев и Л.П. Гроссман. Данным вопросом занимаются также современные учёные, такие как В.З. Гассиева, Т.А. Касаткина, В.И. Габдуллина и др. При этом каждому типу оказываются свойственны те или иные доминантные черты характера.

К анализу персонажей народа в «Записках из Мёртвого дома» может быть применены типологические оппозиции, предложенные в статьях Н. Добролюбова

¹¹⁷ Теофилов М.П. «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского. Поэтика и проблематика. – Шумен, 2022. С. 67-68.

¹¹⁸ Одиноким В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение, 1981. С. 13.

(типы «кроткий» и «ожесточенный»¹¹⁹), Н. Михайловского (типы «мучители» и «мученики»¹²⁰) и В. Ф. Переверзева (типы «своевольные» и «слабые сердцем»¹²¹). Классификация Добролюбова по реакции на оскорбление их достоинства соответствует контексту «Мёртвого Дома» как хронотопа, собирающего униженных и оскорбленных, и позволяет включить в эту типологическую систему фактически все персонажи народа. К «кротким» народным персонажам Достоевского относятся Старовер, Акулька, Нурра и Сироткин, а к «ожесточенным» – Газин, Шишков (Акулькин муж) и каторжные начальники (поручик Жеребятников, Смекалов, плац-майор Кривцов). Среди них, согласно классификации Н. Михайловского, Шишков (Акулькин муж) выступает мучителем Акульки. Руководствуясь идеей Переверзева, к представителям типа «слабых сердцем» можно отнести Сушилова и Шишкова, а к типу «своевольных» – Орлова, Петрова и Лучку.

Мы видим, что возможны различные принципы оппозиций, и часто они по-разному характеризуют одних и тех же персонажей, «накладываясь» одна на другую. Бахтин справедливо утверждает, что герои Достоевского обладают поливариантностью, то есть допускают множество интерпретаций, тогда как в исследованиях его произведений по-прежнему наблюдается тенденция к их монологизации. Это «выражается в стремлении давать при анализе завершающие определения героям, непременно находить определенную монологическую авторскую идею»¹²², тогда как сам Достоевский создавал своих героев таким образом, чтобы они не поддавались однозначным оценкам.

В «Записках из Мёртвого дома» представлена разноплановая галерея каторжников, каждый из которых обладает уникальным внутренним миром.

¹¹⁹ Добролюбов Н.А. Забытые люди: Униженные и оскорбленные: Критика романа Ф.М. Достоевского. – Санкт-Петербург: Деятель, 1911. С. 36.

¹²⁰ Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого; Ф.М. Достоевский – жестокий талант. – М.: КРАСАНД, 2010. С. 158.

¹²¹ Переверзев В. Творчество Достоевского. 3-е изд. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 153.

¹²² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 6. – М.: Русские словари, ЯСК, 2002. С. 203.

Достоевский избегает навязывания окончательных суждений о своих персонажах, не сводя их к жёсткой бинарной оппозиции «положительное – отрицательное». Напротив, он раскрывает их в динамике, через столкновение различных точек зрения, что формирует эффект диалогичности. Это несомненно обусловлено тем, что образы русского народа изначально виделись Достоевскому сложными и часто состоящими из противоречивых и даже на первый взгляд несовместимых и взаимоисключающих качеств натуры. Поэтому точнее справедливее будет говорить не о законченных типах народа, а о ряде устойчивых черт русского народного национального характера, часто повторяющихся в различных причудливых комбинациях у героев из народа. Далее мы выделим основные, на наш взгляд, черты.

1. Кротость, смиренномудрие, долготерпение и милосердие

В «Записках из Мёртвого дома» добродетели, такие как кротость, смиренномудрие, долготерпение и милосердие, воплощаются в образах Старовера, Акульки и Сироткина. Эти персонажи выполняют двойную функцию: с одной стороны, они являются жертвами тяжёлых условий каторги, олицетворяя страдания и несправедливость, с которыми сталкивается русский народ; с другой стороны, они служат "лучами света" в этом мрачном мире, символизируя нравственную чистоту и духовную силу, которые сохраняются даже в самых жестоких обстоятельствах. Через этих героев Достоевский подчеркивает внутреннюю силу русского народа, его способность сохранять человеческие качества, несмотря на испытания и страдания. В этих образах автор видит не только страдальцев, но и символы великого духовного потенциала, который, по его мнению, присущ русскому народу.

Кротость и смирение в героях произведения не воспринимаются как слабость; напротив, они символизируют внутреннюю силу, позволяющую сохранять человечность даже в тяжёлых условиях каторги. Долготерпение, в свою очередь, показывает стойкость и способность к состраданию, несмотря на физические и моральные страдания. Милосердие, как важная черта, проявляется в

способности прощения и заботы о других, даже когда собственные страдания велики.

Старик старовер является первым образом типа «старца» у Достоевского, который будет продолжен странником Макаром Долгоруким, архиереем Тихоном и старцем Зосимой. О старовере в «Записках из Мёртвого дома» сказано: «Редко я встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни... Он был весел, часто смеялся – ясным, тихим смехом, в котором много было детского простодушия» (4; 34). В условиях каторги, где моральные и духовные принципы зачастую нарушаются, Старовер выделяется своей непоколебимой верой и нравственной устойчивостью. Он кроток в своем смирении, но его кротость не означает слабость; напротив, это выражение глубокой внутренней силы и веры в праведность своего пути. Однако старик-старообрядец испытывает никому неведомую боль оттого, что его вера осквернена, и плачет по ночам из-за этого. Он «с виду был спокоен», но автор по некоторым признакам полагает, «душевное состояние его было ужасное. Впрочем, у него было своё спасение, свой выход: молитва и идея о мученичестве» (4; 197). В образе старика-старообрядца не только отображаются фанатичные религиозные убеждения, превратившиеся в часть самой личности, но и показываются его глубокий и сложный характер, чистая и стойкая человечность.

Образ Акульки соотносится с народным и христианским идеалом женщины, основная черта которого – способность к самопожертвованию и всепрощению. Несмотря на свою невиновность и честность, Акулька подвергается постоянному унижению и насилию. Она становится объектом общественного осуждения и позора, что происходит в результате манипуляций и злонамеренного поведения Фильки Морозова. Муж считает её «бесчестной» из-за насмешек и слухов, хотя её чистота и достоинство очевидны.

Следует отметить, что в рассказе церковь упоминается дважды: при свадьбе Шишкова и Акульки и после первой брачной ночи, когда Шишков осознает невинность Акульки. Церковь служит своего рода рамкой для самого счастливого

момента в жизни героев, показывая контраст между их счастьем и последующими страданиями. Однако, кроме символичности церкви в самые светлые и значимые мгновения жизни героев, больше церковь в рассказе не появляется. По мнению Т. Бузиной¹²³, герои придерживаются своего рода псевдохристианских верований, которые они считают истинным христианством. Эти верования отличаются от официальных церковных учений и представляют собой смесь народных и религиозных убеждений.

Её опыт представлял собой реконструкцию крестного пути Христова: невинного человека оклеветали, избили и убили. Кажется, она представляет собой вечную жертву чужих злословий и предрассудков, страдающую без вины и умирающую жертвенно. По мнению Гэри Розеншильда¹²⁴, успех Акульки как художественно-психологического творения особого рода, он напрямую объясняется ее простотой. Чем более психологически сложными становятся женщины Достоевского, тем более недостижимым для них становится идеал прощения. Наиболее близкими Акульке по всепрощению и состраданию персонажами будущих произведений Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья», а также Соня и Лизавета в «Преступлении и наказании».

Сироткин является практически невинной жертвой «палаческих» отношений в обществе неравенства и социальной несправедливости. Он был тихий и кроткий, хорошенький мальчик, но способный в крайностях к бунту. Его поведение, напоминающее повадки «десятилетнего ребенка», и склонность к простым удовольствиям (например, калачикам и пряничкам) выявляют признаки психологической незрелости и внутренней хрупкости. Трагедия образа Сироткина, покладистого существа, неприспособленного к нечеловеческим условиям жизни,

¹²³ Бузина Т.В. «Записки из Мертвого дома» – русский народ не-богоносец // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 8 (51). С. 139.

¹²⁴ *Rosenshield G. Akul'ka: The incarnation of the ideal in Dostoevskij's Notes from the House of the Dead // The Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31, № 1. P. 10-19. <https://doi.org/10.2307/307010>* (Розеншильд Г. Акулька: Воплощение идеала в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Славянский и восточноевропейский журнал. 1987. Т. 31, № 1. С. 10-19.)

заключается не только в его наивности, безрассудной доброте и доверчивости, которые в нормальных социальных условиях вообще нельзя назвать недостатками. Это натолкнуло автора на мысль: «за что это смиренное простодушное существо явилось в острог» (4; 207).

2. Жестокость, насилие, гордость и высокомерие

В образах Газина, Фильки, Шишкова и каторжных начальников в произведении ярко проявляются ключевые черты, отражающие их моральное разложение и бездуховность. Эти персонажи представляют собой носителей «мертвенности», продавших свои души разрушительной среде «Мёртвого дома». Они отмечены чертами гордости, высокомерия, жестокости и насилия, в том числе садистскими наклонностями. Их действия и поведение подчеркивают глубокую деградацию человеческой сущности под воздействием жестоких условий и морального упадка.

В глазах повествователя Газин был «огромной, исполинской паукой, с человека величиною», оставляющий на него «страшное, мучительное» и «отвратительное» впечатление (4; 40). Он любил прежде резать маленьких детей и получал удовольствие от их боли и страха. В каторге он «ни с кем не ссорился и избегал ссор, но как будто от презрения к другим, как будто считая себя выше всех остальных... Что то высокомерно–насмешливое и жестокое было всегда в лице его и в улыбке» (4; 40). Газин является воплощением чистого зла, а насилие над детьми рассматривается как признак демонической природы (Свидригайлов и Ставрогин). Злые силы символизируются образом пауков (Версилов, Ипполит, Иван Карамазов). Однако, даже в глубине души Газина, у такого «паука, с человека величиною», есть внутреннее стремление к человеческой красоте, поэтому он инстинктивно тянется к Сироткину, у которого есть то, чего ему самому не хватает: человечность. Это подтверждает неистребимость и непобедимость его внутреннего стремления к человеческой красоте.

А в отличие от Газина, жестокость, проявленная Акулькиным мужем (Шишковым), проистекает скорее из робости и отсутствия смелости быть

великодушным и добрым. Слабый и трусливый Шишков не в состоянии противостоять травле Фильки, который насмехается над ним, что он был так пьян в брачную ночь, что не мог знать, невиновен ли Акулька. Он вымещает свои унижения на Акульке, неоднократно избивая ее и в конце концов убив свою жену за ее публичное признание Фильке. История убийства Шишковым своей жены Акульки становится ключом к пониманию языческого мира русских крестьян, лишенных свободы, воли и ответственности.

Филька Морозов изображен как деревенский парень, чьи эгоистичные поступки приводят к трагедии для Акулины, его бывшей невесты. Филька, воспользовавшись доверием семьи Акулины, после смерти своих родителей потребовал все деньги, которые были в распоряжении ее отца, Анкудима Трофимыча. Более того, он отказался от обещанного брака с Акулиной, грубо заявив, что не возьмет ее в жены, потому что уже и так с ней спал. Он не только унижает и обесценивает ее, но и откровенно рассказывает об этом другим, нанося девушке серьезный моральный ущерб. Он даже заявляет, что специально испортит ей жизнь, чтобы она не смогла выйти замуж за другого, что подчеркивает его злорадство и жестокость. Этот поступок Фильки стал причиной катастрофы для Акулины. Оскорбленный отец, в гневе и отчаянии, избил дочь и выдал ее замуж за другого – бедного, беспринципного пьянчугу Шишкова, который был другом и собутыльником Фильки. Шишков, в свою очередь, довел Акулину до гибели, за что и оказался на каторге. После убийства Шишков инстинктивно ищет убежище в бане: «Бросил я её, страх на меня напал, и лошадь бросил, а сам бежать, бежать. Домой к себе забежал по задам, да в баню. Баня у нас такая старая, не служащая стояла; под полук забился и сижу там. До ночи там просидел» (4; 172). Этот эпизод насыщен символикой. Баня в народных представлениях является не только местом очищения, но и местом, где обитают злые духи – банники. Таким образом, укрываясь там, Шишков не очищается, а, наоборот, погружается глубже в своё преступление, символически попадая в ад. Этот мотив соотносится с религиозной концепцией грехопадения: будучи на воле

(в символическом «раю»), Шишков совершает преступление и оказывается в аду – как в буквальном (тюремном), так и в духовном смысле.

«Развитие темы "маленького человека", поставленной в "Бедных людях", доходит в главе "Акушкин муж" до логического конца: от слабости, через формальное сострадание – к преступлению»¹²⁵. Образ Шихова – это трагический пример того, как «маленький человек», движимый эгоизмом и гордыней, оказывается неспособным выдержать испытание страданием. Его судьба подчёркивает ключевую мысль Достоевского: зло рождается не столько из намеренной злобы, сколько из слабости, неумения управлять своими страстями. Шихов становится орудием этого зла, его проводником, что и приводит к его духовному падению.

Стоит отметить, что подлость, коррумпированность и извращенность каторжных начальников даже намного превосходят таковую у большинства преступников в «Мертвом доме». Поручик Жеребятников, поручик Смекалов и плац-майор Кривцов представляют собой палачей-эзекуторов по должности, их наиболее заметной общей чертой является садизм. Хотя в их текущем положении они представляют собой тех, кто угнетает и издевается над народом, выступая против него, в прошлом они были частью народа, поскольку занимали низкие военные чины.

Поручик Жеребятников выделялся особой жестокостью и садистскими наклонностями, работая эзекутором, он любит с наслаждением и с «утонченностями» бить арестантов и изобретать разные противоестественные вещи в части порки арестантов. В отличие от брезгливого и презрительного отношения к Жеребятникову, про поручика Смекалова вспоминали у каторжан «с радостью и наслаждением» (4; 150). Он приобрел особенную популярность, был «человек простой, даже по-своему добрый» и его у каторжан «признавали за своего» (4; 150). Жестокость Смекалова была вызвана только должностными

¹²⁵ Долгушева Т.В., Рыбченко-Демьяненко Е.С. Фольклорная и средневековая символика в «Записках из мёртвого дома» Ф.М. Достоевского // Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы. 2018. № 1 (37). С. 94.

обязанностями, «он как-то так умел сделать, что на него не только не злобствовались, но даже <...> вспоминали о его штучках при сечении со смехом и с наслаждением» (4; 151). В изображении поручиков Жеребятникова и Смекалова в «Записках из Мёртвого дома» отчетливо проявляются гоголевские мотивы. В частности, образ офицера Жеребятникова демонстрирует явное сходство с Ноздревым из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Оба герои обладают заразительным, раскатистым смехом, грубой удалью и склонностью к насилию. Особенно ярко это проявляется в сцене с экзекуцией, где поручик сначала притворяется добродушным, а затем наслаждается жестокостью. Подобным образом ведет себя Ноздрев, когда призывает слуг избить Чичикова. А поручик Смекалов, несмотря на свою жестокость, напоминает Манилова из «Мёртвых душ», что подчеркивает сам Достоевский. Он описывает офицера как добродушного, несколько сентиментального человека, который даже во время наказания заключенных проявляет некую поэтическую экзальтацию. Его любовь к табаку, а также манера речи и размышлений роднят его с Маниловым, чье пустое мечтательство было одним из главных предметов сатиры Гоголя.

А преемник Смекалова, плац-майор Кривцов, был полной противоположностью. «Этот майор был какое-то фатальное существо для арестантов» (4; 14), всего более страшились арестанты в нём его пронизательного, рысьего взгляда, его звали восьмиглазым. Примечательно, что образ паука опять воплощается в представлении рассказчика о плаце-майоре: «багровое, угреватое и злое лицо его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» (4; 214). Паук здесь не только выражает его утрату человечности и нравственную развращенность, но и отражает страх, который он наводит на заключенных.

Достоевский также уделяет огромное внимание влиянию «униформы», отраженной в образе плаца-майора: «В мундире он был гроза, бог. В сюртуке он вдруг стал совершенно ничем и смахивал на лакея. Удивительно, как много составляет мундир у этих людей» (4; 218). Палачи, подобные плацу-майору, могут получать удовольствие от боли своих жертв, к которым у них нет абсолютно

никакой ненависти, хотя в повседневной жизни они могут быть людьми «даже добрыми, даже честными, даже уважаемыми» (4; 155). Эта трансформация из бывших представителей народа в угнетателей подчеркивает, как власть и статус могут коренным образом изменить личные качества и моральные устои. Замещаясь своими социальными ролями и униформой, эти «исполнители» мертвого дома не представляют собой человеческой личности. Достоевский отмечает, что «свойства палача находятся почти в каждом современном человеке» (4; 155). Безграничное своеволие и потребность самовластия угрожают свободе, а путь свободы – крестный путь страдания.

Следует отметить, черты гордости и высокомерия отмечаются также в образах Орлова и Лучки, о которых будет упомянуто ниже.

3. Своеволие, свободолюбие, независимость и порывистость

В «Записках из Мёртвого дома» своевольные личности своего рода носители неумирающей свободной воли и народного начала. Им были свойственны агрессивные протесты против своего ничтожного положения в жестоком обществе. Они наделены такими чертами, как физическая, внутренняя и духовная сила, негибаемая воля и бесстрашие. Их свободолюбие выражается не только в стремлении к внешней свободе, но и в глубоком желании сохранить внутренний мир и личную индивидуальность. Несмотря на физические и социальные ограничения, они продолжают бороться за сохранение своей внутренней свободы и самобытности. Способность персонажей сохранять личную целостность и автономию, несмотря на внешнее давление и ограничения, и есть проявление их независимости. Эта независимость отчетливо проявляется в их действиях против репрессивной системы, подчеркивая их стремление к личной свободе и упорное сопротивление угнетению. Следует упомянуть ещё порывистость, которая, как черта русского национального характера, может быть как источником вдохновения и силы, так и причиной ошибок и разрушений. Эта черта проявляется в способности действовать импульсивно и решительно, следуя внутреннему порыву и эмоциональному состоянию. Вышеуказанные качества

ярко отражены в образах Орлова, Петрова, Лучки и Баклушина, первых троих из которых рассказчик относит к «решительным людям». Каждый из них обладает могучей, уникальной и талантливой человеческой индивидуальностью, выражая независимость, свободолюбие и своеволие по-своему.

Фамилия Орлова выглядит вполне символическим и перекликается со вставленным эпизодом о попавшем в острог раненом орле. О нём Достоевский пишет: «Положительно могу сказать, что никогда в жизни я не встречал более сильного, более железного характером человека... Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог повелевать собою безгранично, презирая всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете» (4; 47). Орлов является воплощением человеческой силы воли и непреклонности. Он обладает гордым и безудержным духом и твёрдым мужественным характером. Его образ описывается через призму крайних моральных контрастов: с одной стороны, он холоднокровный убийца, а с другой – человек с «бесконечной энергией», способный презирать муки и стремиться к своим целям любой ценой. Достоевский подчеркивает его духовную силу и способность к самоконтролю, что делает его уникальным среди остальных арестантов. Он изо всех сил стремился к свободе и презирал физические муки и страдания. Его готовность вынести любые страдания ради достижения свободы сопоставимы с образом орла, что создает сильный параллельный ряд между этими двумя персонажами.

Орлов высокомерно издевается над Горянчиковым за попытку дойти до собственной совести и заставить себя хоть какое-то покаяние, презирая в нем «слабого человека». Для него обычная мораль – жалкое ребячество. Здесь мы можем взглянуть на морально-психологическую основу типа будущего «сверхчеловека», как Раскольников. Свидригайлов и Ставрогин. От разбойника Орлова зародился миф о человекобоге, в идеологеме которого, как показывает А. Б. Криницын, «важна не преступность сама по себе, а высшая сила духа, побеждающая слабость плоти, что и делает такую личность богоравной,

способной, при невозможности бессмертия, духовно восторжествовать над смертностью»¹²⁶.

Петров немножко похож на Орлова. Писатель даёт следующую характеристику Петрову: «...Петров, может быть, самый решительный, бесстрашный и не знающий над собою никакого принуждения человек» (4; 84). Он изображается как человек, в котором одновременно уживаются смирение и скрытая страсть. Петров выглядит для Горянчикова и других заключенных как нечто сверхъестественное, существующее вне их понимания. Его внешность и манеры показывают его как сильного и уверенного человека, но его внутренний мир остается скрытым и непонятным для окружающих.

Его вспышки насилия, такие как нападение на полковника и плац-майора, являются проявлениями его глубинных чувств, но в повседневной жизни он кажется спокойным и благоразумным. Он редко вступает в ссоры и не стремится к дружбе, однако в случае конфликта может проявить такую решительность, что вызывает страх у других. Редкое проявление гнева Петрова в сцене спора с Василием Антоновым подчеркивает его внутреннюю силу и твердость характера, но также показывает, что он остается в пределах своего внутреннего мира, который трудно понять другим. Петрова можно представить как человека, обладающего особым внутренним огнем, который временно освещает его изнутри. В нём таились сильные и жгучие страсти, но этим горячим силам суждено медленно угасать в «Мёртвом доме».

Интересно, что Петров, несмотря на свою склонность к насилию и преступлениям, проявляет привязанность к рассказчику, хотя и крадет у него Библию. Его действия часто определяются мгновенными желаниями, и он не видит ничего предосудительного в своих поступках. Например, кражу Библии он воспринимает как нечто обыденное и даже необходимое, если это связано с его потребностями, такими как желание выпить. Достоевский также отмечает, что

¹²⁶ Криницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского. Монография. – М.: Макс Пресс, 2017. С. 127.

Петров, будучи способным на побег и другие решительные действия, остается в остроге, возможно, из-за отсутствия четкой цели или желания. Это указывает на его пассивное отношение к жизни и стремление найти свое место только тогда, когда возникнет подходящая возможность.

В отличие от Орлова и Петрова, Лучка даже ближе к типу «кротких» и «слабых сердцем». Образ Луки Кузьмича, также известного как Лучка, раскрывает противоречивый характер заключенного, стремящегося к признанию и уважению через хвастовство и показное мужество.

Лучка часто рассказывает истории о своих подвигах, стремясь произвести впечатление на окружающих. В рассказе о том, как он убил майора, он старается показать себя смелым и решительным человеком. Однако его хвастливость и напускное мужество лишь подчеркивают его внутреннюю неуверенность и слабость. Лучка любит хвастаться своими «подвигами», но делает это с таким тщанием и «искусством», что становится очевидно: он пытается компенсировать недостаток уважения со стороны других заключенных. Однако его рассказы не находят должного отклика, так как арестанты инстинктивно понимают его истинную натуру. Он сам признается, что в момент, когда его били плетью, он едва не умер от страха. Этот эпизод показывает, что его мужество лишь напускное, и в действительности он не такой уж и страшный человек, как пытается казаться.

Лучка часто обращается свысока к своим сокамерникам, насмехается над ними и пытается установить свое превосходство. Однако это поведение лишь подчеркивает его изоляцию и неуважение со стороны других заключенных. Его самолюбие и заносчивость делают его непопулярным среди арестантов, и его попытки завоевать их уважение оказываются безуспешными.

О таких, как Лучка, автор пишет: «...живёт этот человек тихо и смирно. Доля горькая – терпит... Вдруг что-нибудь у него сорвалось; он не выдержал и пырнул ножом своего врага и притеснителя» (4; 87). Его бунтарство выражалось через отрицание зла и разврата врага и притеснителя. Лучка убил майора только для того, чтобы доказать неверность утверждения майора «Я царь, я и бог!» (4; 91).

В отличие от приведённых выше образов, Баклушин не принадлежит к типу решительных людей. В его персонаже выражаются иные оттенки независимости, свободолюбия и порывистости, которые существенно отличаются от тех, что присущи Орлову, Петрову и Лучке. Он является воплощением одарённой, талантливой, и артистичной личности, чьи эмоции и поступки окрашены яркими красками жизнелюбия и оптимизма.

Особое место в характеристике Баклушина занимает его артистический талант. Достоевский подчёркивает, что Баклушин – прирождённый актёр, который мог бы затмить многих профессионалов своей игрой. Его выступления на каторжных представлениях вызывают восхищение как у каторжников, так и у самого автора. Этот талант не просто иллюстрирует его артистичность, но и подчёркивает его внутреннюю свободу и стремление к самовыражению, несмотря на суровые внешние ограничения. Способность Баклушина очаровывать окружающих, приносить радость и оживление в любую компанию делает его одним из самых привлекательных и любимых героев среди каторжников. Достоевский отмечает его неумную энергию, жизнелюбие и оптимизм, благодаря которым он сохраняет свою жизнерадостность даже в самых трудных обстоятельствах. Этот «полный огня и жизни» человек умеет наделять яркостью и смыслом каждый момент своей жизни, даже находясь в условиях каторги, где его свобода крайне ограничена.

Несмотря на свою жизнерадостность, судьба Баклушина складывается трагически. Его порывистая любовь становится причиной первых бедствий: в порыве защитить свои чувства он совершает преступление. Влюблённость в женщину, «купленную» другим человеком, толкает его на убийство мещанина, что знаменует начало его долгого и мучительного пути через судебные и тюремные испытания. Порывистость Баклушина выражается в его импульсивных и решительных поступках, часто продиктованных мгновенными эмоциями и сильными чувствами. В порыве страсти и протеста против несправедливости он действует без раздумий, следуя своим внутренним импульсам. Эти поступки, с

одной стороны, возвышают его как человека с глубокими чувствами, но с другой – неизбежно ведут к трагическим последствиям.

4. Слабость сердца, мечтательность, наивность и уединенность

В творчестве Фёдора Достоевского концепция «слабого сердца» или «слабого характера» часто представляет собой важный элемент анализа персонажей. Эти персонажи отличаются внутренней неустойчивостью, подвержены внешним влияниям и часто проявляют моральную слабость. В «Записках из Мёртвого дома» к представителям типа «слабых сердцем» можно отнести Сушилова и Шишкова.

Слабость сердца Сушилова проявляется в стремлении подчиниться, раствориться и минимизировать свою личность. Характеристика такого рода человека, как Сушилов, заключается в стремлении «уничтожить свою личность всегда, везде и чуть не перед всеми, а в общих делах разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у них уж так по природе» (4; 59). Они своего рода «нищие от природы», как бы вообще лишённые своей воли. Как показывает А. П. Белик, это люди «тысячелетиями приучиваемые к безропотному исполнению чужой воли, люди-исполнители»¹²⁷. По пути в Сибирь Сушилов утяжелил свою судьбу, «поменявшись» с другим преступником. Он «был очень жалкий малый, вполне безответный и приниженный, даже забитый, хотя его никто у нас не бил, а так уж, от природы забитый» (4; 59). Он предстает перед читателем как человек слабого характера, неспособный противостоять жизненным трудностям. В условиях каторги Сушилов проявляет себя как трус и неудачник, постоянно находящийся в состоянии страха и отчаяния. Он страдает от своего положения, но не в состоянии найти силы для борьбы или сопротивления. А именно в этом совершенно непривлекательном, безличном и «забитом» человеке раскрывается глубокая и чувствительная человеческая натура. Сушилов

¹²⁷ Белик А.П. Художественные образы Ф.М. Достоевского: эстетические очерки. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 102.

добровольно и усердно служил автору не из-за денег, а из преданности в дружбе и заботы о ближнем.

В отличие от Сушилова, слабость Шишкова выражается в склонности к разрушению и агрессии. В рассказе «Акушкин муж» Шишков изображен как трусливый и жестокий человек, страдающий от глубокой неуверенности в себе и легкости, с которой он поддается внешнему влиянию. Слабость и трусость Шишкова сначала проявляются в его страхе перед угрозами Фильки Морозова, а затем приводят к его жестокости по отношению к Акушке. Его страх перед позором и стремление соответствовать ожиданиям окружающих подталкивают его к агрессивным действиям. Шишков активно использует свою власть над Акушкой, чтобы удовлетворить свои собственные комплексы и чувства обиды. Его жестокость по отношению к жене проявляется в частых побоях и моральном унижении. Это жестокое обращение можно рассматривать как способ компенсировать свои внутренние страхи и неуверенность. Слабый характер Шишкова делает его уязвимым к слухам и сплетням, что приводит к частым вспышкам ярости и ненависти, в результате чего он становится жертвой манипуляций Фильки Морозова.

Мечтательность, наивность и уединенность часто переплетаются, создавая сложные и многослойные образы персонажей. Мечтатели могут искать утешение и смысл в своих фантазиях, что придает их внутреннему миру особую глубину. Погруженные в свои мечты, они могут быть изображены как отчужденные от общества или сталкивающиеся с трудностями, вызванными разрывом между их идеалами и реальной жизнью. Достоевский отмечает: «Тут все были мечтатели, и это бросалось в глаза» (4; 196). Каждый из них, независимо от срока заключения, был погружен в свои фантазии, зачастую стремясь к целям, которые казались почти невозможными. Даже те, кто был осужден на пожизненное заключение, не могли избавиться от своих мечтаний. В остроге можно выделить несколько типов мечтателей: наивные, молчаливые (скрытые), циничные и отчаявшиеся.

Наивные мечтатели открыто выражают свои мечты и надежды, несмотря на их нереалистичность. Они часто говорят о своих мечтах и планах вслух, не понимая или игнорируя реальность своего положения. Их наивность и простота вызывают презрение у более циничных и опытных окружающих. Например, в сцене театральных постановок арестанты воображают, что их спектакли могут стать известными не только в крепости, но и в городе, несмотря на то что они остаются в рамках их ограниченного круга. Их радость от малейшего успеха и детская наивность в ожиданиях подчеркивают стремление к признанию и уважению. Несмотря на эти амбиции, арестанты осознают, что их представления могут не иметь большого значения за пределами их среды. Это осознание и чувство иллюзии не уменьшают их стремления, а, наоборот, помогают им справляться с суровой реальностью их жизни. Их мечтания о театральном успехе служат способом уйти от жестокости и однообразия их существования, создавая иллюзию великого достижения даже в ограниченных условиях.

Молчаливые мечтатели скрывают свои мечты и надежды, чтобы не выставлять их напоказ и не подвергать себя осуждению. Достоевский отмечает: «Чем необычнее были надежды и чем больше чувствовал эту несбыточность сам мечтатель, тем упорнее и целомудреннее он их таил про себя, но отказаться от них он не мог. Кто знает, может быть, иной стыдился их про себя» (4; 196). Скрытое мечтание часто приводит к уединению, поскольку, когда мечты становятся слишком далекими от реальности, мечтатель может почувствовать изоляцию от окружающего мира, ощущая, что его внутренний мир несовместим с внешними обстоятельствами. Страх осуждения и насмешек заставляет его скрывать свои желания, что приводит к эмоциональной дистанции и избеганию общения. Кроме того, скрытые мечты служат психологической защитой от разочарований, создавая внутреннее пространство, где он может хранить свои надежды в безопасности. Это двойственное существование между фантазией и реальностью усиливает чувство одиночества и отчуждения, заставляя его искать утешение в уединении.

Циничные мечтатели склонны к зависти и сплетням, могут высказывать свои мечты и надежды в саркастической или агрессивной форме, чтобы скрыть свою внутреннюю уязвимость. Их внутренние надежды могут существовать параллельно с активным выражением недовольства и агрессии. Также есть заключённые, которые потеряли последнюю надежду и ушли в крайности. Эти отчаявшиеся мечтатели могут погружаться в религиозные заблуждения или психическое безумие в поисках спасения от своего отчаяния. Их крайности являются попыткой найти смысл или утешение в условиях, которые они не могут изменить.

Итак, четыре года, проведенные на каторге, раскрыли перед Достоевским сложный и противоречивый духовный мир русского народа, насыщенный глубинными психологическими процессами. В своих наблюдениях писатель выделил ключевые черты, характеризующие народный характер: стремление к страданию как пути духовного самосовершенствования, плотскую страстность, глубоко укорененные религиозные убеждения, а также тяготение к справедливости, истине и свободе. Как отмечает А. К. Базилевская, народные образы в произведениях Достоевского приобретают характерную многослойность и полифоничность: человек предстаёт как «существо противоречивое, многомерное и потому трудноуловимое в своем психологическом, скрытом за наружностью начале»¹²⁸. Эти персонажи талантливы, одухотворены и выступают носителями православной традиции и национального самосознания. Их образы не только расширили галерею народных типов, но и заново открыли для читателей скрытые духовные силы, заключённые в народной среде, наряду с безудержными страстями и нереализованными талантами, остававшимися в забвении в «Мёртвом Доме». Эти персонажи стали своеобразными прообразами будущих героев Достоевского, что делает их значимыми для понимания эволюции его мировоззрения в каторжный период. Их контрастные черты характера

¹²⁸ Базилевская А.К. «Учиться, что есть человек и жизнь» («Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского) // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 224.

предвосхищают дальнейшие художественные открытия писателя в области изображения русского национального характера.

Хотя Достоевский и не скрывал очевидной жестокости, варварства и отсталости русской крестьянской жизни, он все же считал, что в основе крестьянской жизни сохраняются благородные христианские добродетели милосердия и самопожертвования. Он верил в духовную силу и нравственную мощь русского народа и видел путь спасения развитой личности в слиянии с народом. По его мнению, эти «несчастные» могут быть морально лучше, чем те люди из высшего сословия, которые равнодушны к религии и не поклоняются Богу. Православная вера и «общечеловечность» русского народа создали его религиозную толерантность, которая идет на пользу его исторической миссии решения проблемы человеческой судьбы. Интеллигенция должна поклоняться народной правде, внимательно учиться у народа и набираться сил от общения с ним. В народном вопросе Достоевский всегда отстаивал воспитательную и воскрешающую роль искусства. Он не отрицал разрушительного воздействия искаженной социальной среды на народную почву, но решительно выступает против использования выражений «среда заела» в качестве оправдания любого преступления.

«Записки из Мёртвого дома» базируются на личном опыте Достоевского в каторге, что придает изображению народных персонажей подлинность и достоверность. Народные образы в этом произведении изображены с суровым реализмом, демонстрируя разнообразие характеров и судеб, представляя социальные низы общества. В «Записках из Мёртвого дома» народные образы можно классифицировать на несколько типологических групп: «кроткие» и «озлобленные», «мучители» и «жертвы», «своевольные» и «слабые сердцем». Они несут глубокое символическое и религиозно-метафорическое значение и являются истоком и началом пути писателя к «почвенничеству».

3.2. Народ как зеркало нравственного поиска: образ русского народа в «Преступлении и наказании»

Хотя описание народа в романе «Преступление и наказание» занимает лишь небольшое пространство, представляемые им социальные проблемы и морально-психологические состояния не только демонстрируют многообразие и сложность характеров героев Достоевского, но и углубляют понимание основных проблем романа. Как предполагает Г. А. Мейер, в «Преступлении и наказании» Достоевского «нет второстепенных персонажей, все там значительно, все связано друг с другом изнутри, и совсем не случайно»¹²⁹. Целостное осмысление народной проблематики в романе предусматривает исследование произведения в нескольких направлениях: во-первых, выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетных линий и толкование их; во-вторых, анализ образов из русского народа с идеологической и мифологической точки зрения; в-третьих, изучение воплощения идей почвенничества Достоевского в образах русского народа.

Как следует из семантики самого имени, Раскольников «расколот» и «своеволен» в мышлении. Он обитает духовно в двух мирах: в мире образованных сословий (исповедующих позитивизм и рационализм) и мире мифологического сознания русского народа (народное христианство, приближавшееся к древним языческим верованиям Руси). Если игнорировать внутренний монолог главного героя, который доминирует в развитии сюжета, нетрудно обнаружить скрытый между строк голос русского народа. Например, Раскольников сталкивается с пьяным мужиком; он проходит мимо нищих уличных музыкантов и мелких торговцев. Он становится свидетелем попытки простой женщины покончить жизнь самоубийством. Он дает деньги молодой проститутке и получает милостыню от купчихи. Когда он наконец решается на явку с повинной, ему приходится пройти через группу крестьян, чтобы добраться до участка. Служанка

¹²⁹ Мейер Г.А. Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. — Frankfurt/Main: Посев, 1967. С. 396.

Настасья появляется во время его болезни и тяжелого бредового сна в ночь после убийства, а также во время визитов его матери, сестры и Сони. В романах Достоевского часто встречается мотив коллективного сознания, духовного хора, с которым соотносится герой. Как отмечает М. М. Бахтин, «этот чужой извне слышимый голос, организующий мою внутреннюю жизнь в лирике, есть возможный хор, согласный с хоровым голосом, чувствующий вне себя возможную хоровую поддержку»¹³⁰. Внутренний мир Раскольникова не является изолированным, а находится под воздействием внешних голосов – голосов общества и нравственных норм, которые организуют его мысли и чувства, подобно хору в музыке.

Едва слышный «народный глас» выполняет особую функцию в жанровой структуре романа, который генетически связан с хором древнегреческой трагедии. Народная мировоззрение активно вмешивается в развитие романного сюжета, поскольку десятки малозначимых персонажей оценивают действия героя, интуитивно осуждая его поступки. По наблюдению Р. Г. Назирова, «на всем протяжении действия Раскольников окружен океаном народного морального сознания. Не только Соня, но и множество случайных голосов из уличной толпы опровергают его “идею” и мощно влияют на его судьбу. Уличная толпа играет исключительную роль: она дана в действии, участвует в развитии сюжета, порою напоминая хор античной трагедии»¹³¹. Созданные Достоевским образы народа исполнены глубокого смысла, а голос народа влияет на развитие сюжета и судьбу главного героя. Раскольников изначально пытается выйти из этого хора, провозгласить свою исключительность, но потом осознаёт, что вне «дружества» невозможно существовать. Его путь – это движение от гордого индивидуализма к покаянию, к возвращению в «хор», который символизирует народную правду. Дихотомия двух Миколок и образы Лизаветы, Настасьи и Филиппа в

¹³⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 1. – М.: Русские словари, ЯСК, 2003. С. 161.

¹³¹ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 104.

«Преступлении и наказании» помогают глубже понять русскую народную душу и её сложную природу.

1. «Народные двойники» главного героя: два Миколки

Наиболее символичными народными типами в «Преступлении и наказании» являются два Миколки – Миколка из первого сна Раскольникова и Миколка-красильщик (Дементьев Николай). Они представляют собой двойников-антиподов, которые рассматриваются как проекция двойственности сознания главного героя романа. Как подчёркивает Б.Н. Тихомиров, «только взгляд на двух Миколок как на полярные проявления народного духа дает ключ к истолкованию художественной функции этого имени в романе. <...> Двойственный, двоящийся, двуединый образ Миколки в “Преступлении и наказании” – ключ к постижению “незавершенной и нерешенной” (Бахтин) души России»¹³². Действительно, полярные выражения национального характера в образах двух Миколок в определенной степени необходимы для понимания общей духовной картины русского народа.

Во сне Раскольникова о лошади пьяный мужик Миколка с садистской жестокостью забивает до смерти старую «ненужную» лошадь. Грубая жестокость и простая, ненавязчивая вера делят сон на две части. С одной стороны, Миколка и поддерживающие его пьяные мужики, а кабак – символ неверующего, грешного и развращённого мира, с другой – церковь, старик, который пытается упрекнуть Миколку, невинная и умирающая лошадь и мальчик, плачущий из-за того, как стал свидетелем злодеяний. Поведение Миколки – это психологическая проекция внутренней веры Раскольникова в сверхчеловеческую философию, верят в свое превосходство над другими существами и их объединяет одно и то же неверие (без креста). Не случайно Миколка дважды был обвинен народной толпой: «Креста на тебе нет». За словами «Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю» – стоит зеркальное отражение теории Раскольникова о «тварях дрожащих» и «право имеющих» (6; 48). Это символизирует сознательное неприятие Раскольниковым

¹³² Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. С. 111.

креста, а также подразумевает, что Раскольников позже так же жестоко зарежет старуху-процентщицу и его сестру, которых он считал бесполезными для общества. Маленький Родион во сне подразумевает, что в человеческой натуре Раскольникова всё ещё заложена доброта. А идея «сверхчеловека» и жестокая социальная среда вызвали отчуждение человечества – кто-то стал чертовски холодным Миколкой, а кто-то – несимпатичными зрителями, которые громко смеялись и присоединялись к веселью.

По мнению Т. А. Касаткиной, Раскольников «одновременно и “лошаденка”, и убийца-Миколка, требующий, чтобы запряженная в непосильную для нее телегу лошадка “вскачь пошла”. Это его дух, своевольный и дерзкий, пытается принудить его натуру, его плоть сделать то, чего она не может, что ей претит, против чего она восстает»¹³³. С ней невозможно не согласиться, именно сон о лошади заставил Раскольникова осознать, что он убьет, как Миколка, – но не в пьяной ярости, а на основании тщательно выдуманной «рациональной» теории. Можно сказать, что Миколка просветляет сознание Раскольникова. Полная утилитарной логики софистика Раскольникова уже не могла преодолеть его внутреннее нравственное сознание, поэтому он (временно) отказался от своего замысла.

А Миколку-красильщика автор представляет раскольниковом-сектантом, желающим взять на себя вину за убийство и ограбление для того, чтобы спасти «нигилиста» по фамилии Раскольников. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова – крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка – названный брат замученной праведницы, узревшей Бога. <...> Миколка, подобно Соне, проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы»¹³⁴. Неслучайно Миколка подбирает упавшую коробочку с серьгами и защищает главного героя своим

¹³³ Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 193.

¹³⁴ Мейер Г.А. Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. – Frankfurt/Main: Посев, 1967. С. 81.

неожиданным признанием от саморазоблачения перед Порфирием Петровичем. Достоевский использовал такое символическое совпадение, чтобы показать общность судеб героев, разделивших ответственность за преступление.

В решении раскольника Миколки «пострадать» Порфирий Петрович прозревает дальнейший путь покаяния и спасения Раскольникова: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру или Бога найдет» (6; 351). Как показывает Анджей де Лазари, «Родион не раскольник в прямом смысле слова, но его бунт против господствующих общественных норм и в итоге "принятие страдания", делают из него своеобразного символического старовера»¹³⁵. Невинный человек искупает чужие грехи и страдает добровольно, что является аналогом поведения и духа святых в русской христианской культуре, и это единственный путь для верующих следовать за Христом и спасти себя. Эта концепция по существу является воплощением христианского учения о первородном грехе и падшей человеческой природе. Миколке предстоит нести ответственность не только за одного Раскольникова, но и искупать общие грехи всего человечества. Мир – неделимое целое, каждый несет ответственность за зло в мире, и каждый потенциально может спастись и пережить духовное возрождение.

Как известно, имя и фамилия персонажа у Достоевского нередко служат значащим добавлением к его портрету и всегда полны глубочайшего смысла. «Семантический ореол имени может становиться частью портрета героев Достоевского», построенного «на сочетании реалистической экспрессии и зашифрованной символики»¹³⁶. Имя Миколка является народной огласовкой имени Николай, значение которого можно трактовать как «победитель народа» или «народная победа». В русском религиозном сознании оно связано с образом

¹³⁵ Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Интербук, 2004. С. 120.

¹³⁶ Назиров Р.Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 149.

Николая Чудотворца, которого в народе часто называют «лошадиным святым» и считают покровителем урожая, земледелия, защитником и помощником крестьян.

По мнению А.П. Власкина, «образ маляра Миколки обескураживающе “уравновешен” другим народным образом. <...> Это другой лик того же народа, буйного и грешного, забывшего Бога и теряющего человеческий облик»¹³⁷. Действительно, одноименность двух Миколок не случайна, они воплощают два «лика» русского народа, народной души и представляют противоположные полюса в народном характере. С одной стороны, это народ набожный, стремящийся к покаянию, жертвенный, с другой стороны, жестокий, грешный, забывший Бога. Как показывает Г. Г. Амелин, «одноименность здесь отражает единосущность, реализует ту же антиномичность “русской идеи”, два противоположных момента – “отрицания” и “восстановления” образа Христа»¹³⁸. Миколка из сна является олицетворением злой, бессмысленной жестокости, дикости и ярости, а маляр Миколка добрый, безобидный, он наивен и прост сердцем. Два Миколки имеет ощутимую близость с двумя Власами, – «жертвой» и «мучителем» из «Дневника писателя». Генезис образа маляра Миколки восходит к читающему Библию арестанту из «Записок из Мёртвого дома», который бросился с кирпичом на начальника не для того, чтобы причинить ему никакого вреда, а просто для того, чтобы «пострадать». А в изверге Миколке замечаются жестокость и зверство Газина из «Записок из Мёртвого дома».

Как показывает Г. А. Мейер, «Раскольников духовно связан с Миколкой-красильщиком и злодуховно с другим Миколкой, насмерть избивающим лошадь»¹³⁹. С одной стороны, он осознает возможность искупления и возвращения к добру через покаяние, что олицетворяет Миколка-красильщик. С другой стороны, его теория и жестокость наталкивают его на путь,

¹³⁷ Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. С. 81.

¹³⁸ Амелин Г.Г. Лекции по философии литературы: памяти Мераба Мамардашвили. – М.: Языки славянской культуры: издатель Алексей Кошелев, 2005. С. 301.

¹³⁹ Мейер Г.А. Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. – Frankfurt/Main: Посев, 1967. С. 339.

символизируемый Миколкой, избивающим лошадь. Он колеблется и выбирает между двумя Миколками, то есть между верой и надеждой на искупление у одного и бездной разврата и греха у другого.

2. Носители народной правды: Лизавета, Филипп, Настасья и мещанин из дома старухи-процентщицы

От Миколки-изверга до Миколки-красильщика символически пролегает путь Раскольникова от убийства к страданию и самопожертвованию. И этот выбор проходит также между Соней и Свидригайловым. Не случайно писатель помещает комнаты Свидригайлова и Сони рядом в одном доме.

Соня – путь к возрождению главного героя, и этот путь реализуется через соединение оторвавшейся от почвы русской интеллигенции с народным началом. Образ народа, связанного с ее образом, – юродивая Лизавета. Как крестовая сестра невинной мученицы Лизаветы, она является живым воплощением страждущей души Лизаветы и носительницей крестьянской правды. Узнав, что Раскольников убил процентщицу и Лизавету, она неожиданно спрашивает его, «есть на тебе крест», вторя упреку народной толпы в адрес Миколки во сне Раскольникова. Она передала Раскольникову крест, унаследованный от Лизаветы, что сыграло важную роль в том, что Раскольников впоследствии осознал свои грехи и раскаялся, двигаясь к самоочищению и духовному возрождению. Соня не может понять теорию Раскольникова о существовании «высших людей», обладающих правом нарушать нравственные законы, и оценивает преступления Раскольникова с точки зрения народа: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» (6; 321). А фамилия хозяев Сони – Капернаумовы – «отсылает к евангельскому Капернауму»¹⁴⁰, месту, где Христос изгнал беса из одержимого. Этот символический параллелизм подчеркивает, что разговор Раскольникова с Соней – не просто беседа, а ключевой момент, знаменующий начало его духовного исцеления.

¹⁴⁰ *Середенко И.И.* Мотив искушения в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Томского гос. пед. университета. Серия: Гуманит. науки (филология). – Томск, 2001. Вып. 1. С. 28.

Образ Сони также связан с культом Матери-Земли, который является частью русского национального самосознания и включает в себя народные поверья о силе Земли принимать покаяние и исцелять. Соня считает, что для того чтобы настоящему возродиться, Раскольников должен покаяться перед Матерью-Землей и народом: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» (6; 322). Как показывает Н.М. Чирков, «возрождение Раскольникова осуществляется не только через раскаяние перед землей, но и через восстановление органической связи с народом, в результате приобщения к “правде” Сони»¹⁴¹. Однако насмешки народной толпы означали, что Раскольникову в это время еще не удавалось воскресить.

Можно сказать, что путь Сони – это, по существу, путь Лизаветы. Она была неуклюжая, робкая, смиренная и юродивая девка, и даже почти идиотка. В сцене убийства старухи-процентщицы топор направлен лезвием на самого Раскольникова. А в сцене убийства Лизаветы, Раскольников ударит ее лезвием. «Протянутая рука» Лизаветы означает, что она прощает ему грех против нее. Поэтому впоследствии он о Лизавете почти и не думает, «точно и не убивал» (6; 212). Можно сказать, что неожиданное убийство кроткой Лизаветы сыграло большую роль в решении Раскольникова добровольно принять наказание за свои преступления. Неслучайно Соня убеждена, что Лизавета «Бога узрит». Бог посеял в убийце семена покаяния через убитую Лизавету, кротчайшую, как невинно забиваемая лошадь. Лизавета существовала для того, чтобы посвятить все всем, включая свое тело и даже свою жизнь. По мнению Т. А. Касаткиной, Лизавета является «неоформленной» личностью, «все ее описание состоит из странных, несообразных, неотделанных или “поломанных” черт»¹⁴². Наиболее близкими Лизавете по святости и безличности женскими персонажами Достоевского

¹⁴¹ Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. – М.: Наука, 1967. С. 108.

¹⁴² Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. – М.: Наследие, 1996. С. 188.

являются Лиза в «Записках из подполья» и Акулька в «Записках из Мёртвого дома».

А путь Свидригайлова ведет к отчаянию и самоубийству. По судьбе он – Раскольников, не пожелавший покаяться и принять правду своего народа, а его решимость на самоубийство означает его враждебность к Матери-Земле. Помимо собственного, Свидригайлов стал причиной как минимум двух самоубийств: четырнадцатилетней глухонемой девочки и слуги Филиппа, над верой которого Свидригайлов издевался. Народ считал, что Мать-Земля не принимает трупов самоубийц, склонных покидать могилы и причинять вред живым. Свидригайлов отмечает, что призраки его жены Марфы Петровны и его слуги Филиппа посетили его. Он рассказывает, как призрак Филиппа явился ему вскоре после смерти, может быть, чтобы отомстить ему, но он спокойно велел ему уйти, спрашивая, как он посмел предстать перед ним с продранным локтем. А по словам Дуни, Филипп был ипохондриком, домашним философом, который, как говорили, «зачитался», и предполагает, что он покончил с собой скорее в результате насмешек, чем побой Свидригайлова.

Имя Филипп также имеет глубокий замысел, который дословно можно перевести с греческого как «любящий лошадей». В православном контексте Филипп был одним из апостолов Иисуса Христа, известным глубокой верой и преданностью Божьей воле. Злопыхательство и насмешки Свидригайлова в отношении Филиппа предвещают, что для такого циника путь к народной правде и к исцелению верой закрыт. И самоубийство Филиппа также предвещает суицид Свидригайлова.

Служанка Настасья также является одним из важнейших народных образов и символов Матери сырой Земли в «Преступлении и наказании». Несмотря на свою внешнюю простоту и ограниченность, Настасья проявляет исключительное сострадание к Раскольникову, что указывает на её способность к глубокому сочувствию и сопереживанию. Её забота о герое, находящемся в апатии, когда она обеспокоена его состоянием и самочувствием, является важным моментом в

романе. Это проявление доброты и человечности служит напоминанием о том, что народная мораль, основанная на простых, но глубоких моральных установках, часто оказывается более эффективной в спасении человека, чем высокоинтеллектуальные философские концепции. Настасья переживает за Раскольникова, несмотря на его «порочный» поступок, что подчеркивает её бессознательное следование внутренним моральным принципам, присущим русскому народу. Перед преступлением присутствие Настасьи на кухне не позволяет Раскольникову сразу заполучить топор, на который он рассчитывал как на орудие убийства, почти заставляя его отказаться от своего плана. А после совершения злодеяния Раскольников, будто одержимый нечистой силой, видит сон о квартальном Илье Петровиче, который бьет хозяйку. Во сне выражается страх Раскольникова того, что его разоблачат и арестуют. «...Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его...» (6; 91). Пока Раскольников находился в таком невыносимом, безграничном отчаянии и ужасе, появилась Настасья со свечой, и яркий свет озарил его комнату. Она пристально смотрит на испуганного Раскольникова и на его вопрос: «Кто бил хозяйку?» – отвечает, что «это кровь в тебе кричит». Её слова о «крике крови», по мнению Б. Н. Тихомирова, «вполне определенно коррелируют с библейскими словами Бога, обращенными к Каину: “...голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли”, – как бы являя собой их простонародный аналог»¹⁴³. Это также близко к прямому высказыванию Сони: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» (6; 321). Слова Настасьи, героини из народа, являются репликой «народного хора» в романе, которые получают скрытый символический смысл. Настасья бессознательно изобличает убийцу, и слова её производят на убийцу поразительное впечатление, словно внезапное обличение. В то же время она заботится о Раскольникове, который пытается прервать все контакты с внешним миром, являя ему возможность возрождения, прощения и воскресения.

¹⁴³ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. С. 157.

Стоит отметить и еще одного эпизодического, но символически очень важного персонажа из народа – мещанина из дома старухи-процентщицы, почувствовавшего по поведению Раскольникова во время его прихода на квартиру к старухе после преступления, что это убийца. Вскоре мещанин приходит к нему на квартиру и говорит не узнавшему его Родиону после долгого молчания: «Убивец!», чем поражает героя немим ужасом в самое сердце. Раскольников долго не может понять, откуда взялся этот неожиданный свидетель «из-под земли». Народная огласовка («убивец», а не «убийца») придает обвинению особый психологический эффект, ибо она, с ощутимой интуитивно резкой отрицательной коннотацией, звучит безкомпромиссным осуждением, как голос всего «христианского мира», не оставляя места для самооправдания «образованному» преступнику с его «оригинальной» головной теорией. Не менее важно и второе появление мещанина перед героем: донеся на него Порфирию, мещанин сидит у него «в секрете» во время психологического «поединка» следователя с Раскольниковым, ради последнего, решающего «удара» обличения. Затем, когда задуманный следователем театральный эффект срывается из-за прихода Миколки, Раскольников уходит домой необличенным, и тут мещанин снова приходит к нему, на сей раз – с покаянием в злом умысле и кланяется низким земным поклоном. На первый взгляд, это очень странно: ведь мещанин невзлюбил Раскольникова, а после того, что он услышал у Порфирия, должен был окончательно убедиться в правоте своих подозрений. Однако мещанин пожалел убийцу, поняв меру уже испытываемых им страданий и мучений совести, которые приближают его уже к искуплению вины. Не случайно каторжников, по воспоминаниям Достоевского, называли в народе «несчастливыми». Эволюция отношения мещанина к Раскольникову знаменует собой открытую для него дорогу к спасению. Аналогично изменится отношение к нему каторжников в остроге, когда они почувствуют его раскаяние.

Итак, в «Преступлении и наказании» вопрос о противоречивом и дуалистическом характере русской души раскрывается через дихотомию двух

Миколок. И красильщик Миколка, и подобные герои из народа, как Лизавета, Настасья и Филипп, воплощают высшие критерии идеала социально-нравственной правды. А Миколка-извозчик из сна Раскольникова олицетворяет отрицательную сторону русской души – жестокость, насилие и дерзость «преступления» за «последнюю черту» Божьих законов. Реплики «народного гласа» играют важную роль в развитии романного сюжета.

Писатель раскрывает существование Бога через возрождение веры, обращение в православие и возвращение к народной правде Раскольникова в конце романа. Бог сокрыт глубоко в человеческой природе и проявляется через крещение страданию и трагедией. А русский народ – народ Богоносец. Достоевский верит, что русскому народу суждено служить делу нравственного спасения всечеловечества с широким умом, искренностью и смирением. Утверждение В. Н. Захарова о том, что «быть русским – значит стать всечеловеком, христианином»¹⁴⁴, соотносится с ключевой идеей Достоевского о русском народе как носителе универсальной христианской миссии. В противоположность западной концепции, предполагающей нивелирование национальных различий и формирование единого культурного типа («все сливается в одну форму, в один общий тип»), Достоевский рассматривал христианство как основу единства, основанного на признании и сохранении культурного и национального многообразия. В его представлении Вселенская Церковь объединяет народы на основе общих духовных ценностей, не уничтожая их этнокультурной самобытности. Благочестие и смирение русского народа как богоизбранного народа являются фундаментальной гарантией выполнения им своей священной исторической миссии осуществления гармонического соединения Востока и Запада. Русская заблудшая интеллигенция должна вернуться на почву народа и объединиться с народом, чтобы добиться духовного возрождения.

¹⁴⁴ Захаров В.Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 154.

3.3. Дихотомия души русского народа в «Идиоте»

В романе «Идиот» Достоевский через образ князя Мышкина, который олицетворяет идею «положительно прекрасного человека», передает свою мысль о том, что «красота спасет мир». Тот же взгляд отражен и в статье Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве». В этой статье он критикует утилитарные и практические подходы к искусству, утверждая, что красота представляет собой гармонию и служит основой для внутреннего покоя. Достоевский утверждает, что красота воплощает идеалы как для отдельного человека, так и для человечества в целом. В этом смысле князь Мышкин, по мнению Джозефа Франка, является «крайней степенью воплощения христианского идеала любви, которую человечество может достичь в своем нынешнем состоянии»¹⁴⁵. Эта концепция подчеркивает, что истинное искусство и красота обладают способностью вдохновлять, утешать и преобразовывать общество, способствуя улучшению человеческой жизни и моральной гармонии.

А. Е. Кунильский в статье «О христианском контексте в романе Ф.М. Достоевского “идиот”» справедливо указывает на возможную отсылку к «Книге Притчей Соломоновых», где говорится о малых, но мудрых существах, таких как муравьи, горные мыши, саранча и паук¹⁴⁶. Здесь мудрость проявляется именно в способности к выживанию, нестандартном преодолении слабости. В контексте романа это толкование приобретает новый смысл: Мышкин – слабый, странный, нелепый, но именно он несет в себе подлинную мудрость и христианское смирение. Князь Мышкин представляет собой воплощение христианских идеалов, где любовь Христа выступает в качестве центрального элемента. Его личность и поступки раскрывают ту красоту, которая не ограничивается внешними атрибутами, но проистекает из глубины его внутреннего мира.

¹⁴⁵ Frank J. Dostoevsky: A Writer in His Time. – Princeton, NJ: Princeton University Press. 2010. С. 577. (Франк Дж. Достоевский: Писатель своего времени. – Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2010. С. 577.)

¹⁴⁶ Кунильский А.Е. О христианском контексте в романе Ф.М. Достоевского "идиот" // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 399.

Для Достоевского любовь является единственным путем к красоте и мостом между человеком и Богом. Проявлением такой любви в светской жизни становятся взаимная симпатия, прощение, понимание между людьми и самопожертвование. А истинная любовь и чистая православная вера проистекают из русской народной души. Идеал положительной красоты и истинной веры он видит исключительно в русском народе, и это убеждение отражается в его произведениях. Вернувшись к корням народа и искренней православной вере, можно обрести истинную любовь к русской нации. В «Идиоте» Достоевский использует образы крестьян, солдат, молодой бабы из притчевых рассказов князя Мышкина и образ матери Рогожина для иллюстрации своей идеи о внутренней красоте и духовной чистоте народа, которые становятся основой для духовного и морального возрождения России.

«Мышкин и Рогожин – два русских человека, дополняющих друг друга, показывающих разные стороны русской широкости»¹⁴⁷. Князь Мышкин уклонился от прямого ответа на вопрос Рогожина о том, верит ли он в Бога, и вместо этого начал говорить о народе. В его притчевых рассказах ярко иллюстрируются народные образы и их отношение к вере и морали.

Первая рассказывает о встрече князя с учёным, который не верит в Бога. Он отмечает, что, несмотря на все знания и образованность ученого, его рассуждения о вере кажутся князю неполными и не отвечающими на главные вопросы. Ученый-атеист представляет рационализм и отрицание религиозных верований. Он является символом интеллектуального, но бездушного подхода к жизни. Это подчеркивает идею Достоевского о том, что научные рассуждения и логические аргументы часто не могут затронуть глубинные религиозные чувства и интуитивное понимание веры.

Вторая – о крестьянине, убившем своего друга ради часов, показывает, как религиозные обряды и вера могут сочетаться с аморальными поступками. Этот

¹⁴⁷ Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского: Событийное. Социальное. Философское. – Москва: Изд-во МГУ, 1979. 343 с.

крестьянин одновременно верующий и грешник. Он перекрестился и помолился перед убийством, прося прощения у Бога, что подчеркивает его глубокую, но искажённую религиозность. Этот контраст между религиозностью и жестокостью вызывает у Рогожина приступ смеха, подчеркивающий его циничное отношение к религии и вере. Он видит в этом нечто парадоксальное и абсурдное, что вызывает у него радость и насмешку.

Этот крестьянин является символом той части народа, которая искренне верит, но не всегда понимает или следует моральным заповедям своей веры. Его действия иллюстрируют конфликт между религиозными убеждениями и моральными поступками, характерный для некоторых представителей народа. По мнению А. Б. Криницына, писатель иллюстрирует противопоставленность первых двух притч репликой Рогожина: «Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что даже режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумашь! Нет, это лучше всего!» (8; 183). По его наблюдению, «в душе народа может скрываться такая тьма, что вера извращается до противоположности и становится хуже любого атеизма»¹⁴⁸.

В третьей притче рассказывается о пьяном крестьянском солдате, который продает свой крест, а в четвертой – о молодой бабе, возможно, жене солдата, которая сравнивает материнскую радость от своего дитя с радостью Бога при виде молящегося от чистого сердца грешника. Пьяный солдат, продающий свой крест за двугривенный, представляет собой образ народного разложения и упадка. Этот персонаж символизирует тех, кто, несмотря на символы веры (крест), утратил истинное понимание и значение религиозных ценностей.

Две последние притчи иллюстрируют светлую сторону русской народности: пьяный солдат напоминает старообрядца Миколку из «Преступления и наказания», а принятие Мышкиным креста от него и обмен с Рогожиным символизируют единение их с простым народом. А в словах верующей бабы

¹⁴⁸ Криницын А.Б. Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // *Litera*. 2023. № 10. С. 153.

заключается сущность христианства и главнейшая мысль Христова: Бог радуется покаянию грешника. Показано, что истинная вера и религиозное чувство могут быть простыми и искренними, исходящими из сердца, а не разума.

Слова князя Мышкина о радости Бога, взирающего с небес на грешника, вставшего на молитву, воплощают центральный мотив романа – идею Божьего милосердия. Достоевский воспринимал умиление как высшую форму религиозного переживания, в котором покаянное сокрушение соединяется с радостью надежды на Божию милость. Как отмечает В. Н. Захаров, «обретение умиления было желанной целью православного богослужения, молитвенного общения человека с Богом»¹⁴⁹. Для русского народа постижение христианского учения происходило не через отвлеченные богословские рассуждения, а через живое церковное предание, молитвы и богослужение. Народная вера выражалась не столько в догматах, сколько в глубоком знании молитв и житий святых, передаваемых из поколения в поколение, что делало ее не абстрактной теорией, а живым, непосредственным опытом. Неслучайно И. В. Дергачева рассматривает умиление, которое испытывает князь Мышкин, как ключевую категорию поэтики Достоевского, непосредственно связанную с православной литургической традицией¹⁵⁰. Достоевский, будучи носителем почвеннической идеи, ставил умиление выше рассудочного, рационализированного подхода к вере, противопоставляя его интеллектуализму и абстрактному богословствованию.

Через четыре притчи князя Мышкина Достоевский раскрывает необходимость и ценность для человека нравственного сознания, основанного на убеждениях, которые выходят за рамки рационального мышления и эмпирических данных. Вместе эти образы создают многогранное представление о русском народе, показывая как его слабости и падения, так и его духовные высоты и возможности для возрождения.

¹⁴⁹ Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. С. 179.

¹⁵⁰ Дергачева И.В. Мотив проклятия грешника в тексте и контексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 3. С. 146.

Следует отметить, что по мнению А. Б. Криницына, «притчевые рассказы князя о непостижимости народной веры также проецируются на образы двух главных героев»¹⁵¹. Крестьянин, режущий по молитве, ассоциируется с Рогожиным. Это указывает на жестокость и крайности, к которым способен Рогожин, несмотря на свою веру. Рогожин представляет собой «хищный» тип в народе, демонстрируя агрессивность и силу. А солдат с «пьяным и слабым сердцем» ассоциируется с князем Мышкиным. Этот образ указывает на уязвимость и кротость Мышкина, его неспособность к агрессии. Мотив «слабого сердца» важен для Достоевского и часто присутствует в его произведениях. Он обычно связан с внутренними переживаниями героев, их моральными и духовными слабостями, а также с идеей внутреннего конфликта и подлинной человеческой уязвимости.

Мать Рогожина изображена как пожилая женщина, которая почти полностью утратила рассудок и находится в состоянии, близком к детству. В её комнате царит контрастирующая с внешним миром обстановка: белые тона символизируют чистоту и невинность, а её одежда – черное платье и белый чепец – подчеркивают её внутреннее состояние и личный характер.

Несмотря на умственное увядание, мать Рогожина излучает искреннюю доброту и тепло. Её улыбка и благословение князя Мышкина являют собой проявление её внутренней чистоты и духовной простоты. Этот жест свидетельствует о том, что она сохраняет глубокую духовную связь с окружающим миром, несмотря на физическое и умственное увядание. Эти качества подчеркивают мысль о том, что истинная духовная чистота и доброта не зависят от рационального осмысления, а исходят из глубины человеческой души. В христианской традиции это может быть связано с понятием «чистого сердца», которое способно воспринимать и выражать любовь и сострадание.

Образ матери Рогожина является воплощением христианской морали, к которой Достоевский относится с особым вниманием. Её невинность и доброта

¹⁵¹ Там же.

создают контраст с тёмным и сложным окружающим миром, отражая идеалы христианской морали и духовной чистоты. Её простота и невинность иллюстрируют идею о том, что истинное человеческое благородство и доброта не зависят от умственных способностей или социального положения, а исходят из глубины души.

Таким образом, в романе «Идиот» Достоевский через образы крестьянина-убийцы, пьяного солдата, молодой женщины и старушки, благословляющей князя (матери Рогожина), иллюстрирует сложное и многогранное отношение народа к вере и религии. Эти образы отражают противоречия, присущие народному сознанию: сочетание искренней веры с аморальными поступками, утрату духовных ценностей в условиях бедности и алкоголизма, а также интуитивную и глубокую религиозную мудрость простого народа. Через эти персонажи Достоевский подчеркивает, что истинная вера не всегда поддается логическим рассуждениям и остается глубоко укорененной в народном сознании.

Достоевский выделяет образы молодой бабы и матери Рогожина как ключевые символы духовного и нравственного возрождения России. Эти персонажи воплощают идею о том, что подлинная вера и нравственное очищение исходят из простого народа, из его искреннего религиозного чувства, не зависящего от уровня образования или социального положения. Вера, раскрываемая через эти образы, не является результатом философских размышлений или рационального поиска истины. Она живёт в сердце, укоренена в душе и проявляется в повседневной жизни. В этом свете религиозность Достоевского обращена не к абстрактным догматам или институтам церкви, а к народу как носителю подлинной, глубинной духовности. Как справедливо замечает К. В. Зенин, «его можно назвать христианином, но нельзя — православным или католиком, потому что он, как мы увидим позже, вышел за рамки церковных догм, законов и ограничений»¹⁵². Достоевский считал, что

¹⁵² Зенин К.В. Идеал любви в творчестве Ф.М. Достоевского // Вест. РГГУ. М., 2010. № 13. С. 210.

подлинная духовная сила, способная вдохновить и преобразить общество, заключена именно в народе и его глубинной религиозности. Образы молодой бабы и матери Рогожина олицетворяют идеалы христианской морали и духовности, показывая, что искренняя вера и нравственное очищение возможны только через простого человека и его глубинные, не всегда доступные рациональному пониманию, религиозные чувства. Подлинное духовное и моральное возрождение России возможно только благодаря искренней вере и нравственному очищению, исходящему из простого народа.

Выводы по 3 главе

Достоевский создал уникальные и многослойные образы народа в своих произведениях 1860-х годов, которые эволюционируют и трансформируются в зависимости от контекста и тематических акцентов каждого романа. В «Записках из Мёртвого дома», «Преступлении и наказании» и «Идиоте» Достоевский обращает особое внимание на жизнь простого народа, используя народные образы для исследования более глубоких философских и моральных вопросов.

В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский создает типологию народных характеров, опираясь на фольклорный материал из «Сибирской тетради», что выявляет преемственность народных черт. Черты, такие как стремление к справедливости, чувство собственного достоинства, терпение, богобоязненность и склонность к хвастовству, становятся ключевыми в характеристике народных типов. Справедливость выделяется как центральная черта, а терпение трактуется как внутренняя сила, позволяющая выживать в тяжелых условиях. Богобоязненность и самоуважение подчеркивают религиозную основу народной морали. В отличие от этнографического характера «Сибирской тетради», где представлены необработанные фольклорные фрагменты, «Записки» предлагают осмысленную концепцию народного бытия. Достоевский использует фольклорные элементы для создания образов каторжан, акцентируя внимание на их религиозном гуманизме и солидарности как основе русского народного духа. «Сибирская тетрадь» служит источником для «Записок», но в последнем произведении фольклорный материал подвергается авторской обработке, превращаясь в основу идеологической концепции «почвеннического» бытия.

В романе «Преступление и наказание» народные образы остаются важными, но их функция становится более символической и философской. Созданные Достоевским образы народа исполнены глубокого смысла, а голос народа влияет на развитие сюжета и судьбу главного героя. Дихотомия русского народного характера раскрывается через противопоставление двух Миколок: с одной стороны, благочестие, стремление к покаянию и жертвенности, с другой –

жестокость, грех и забвение Бога. Красильщик Миколка и такие персонажи, как Лизавета, Настасья и Филипп, представляют сильнейшие корни русской православной культуры.

В «Идиоте» народные образы приобретают новую глубину и символизм. Здесь Достоевский исследует более сложные и философские темы, используя народные персонажи для контраста и усиления основных идей романа. Через образы крестьянина-убийцы, пьяного солдата, молодой бабы и старушки, благословляющей князя, Достоевский раскрывает сложные и многогранные отношения народа к вере и религии.

Таким образом, народные образы в произведениях Достоевского 1860-х годов претерпевают эволюцию: от фольклорного материала в «Сибирской тетради» к философским и символическим изображениям в «Записках из Мёртвого дома», «Преступлении и наказании» и «Идиоте». Эта трансформация отражает глубокие изменения в восприятии и осмыслении народного бытия писателем.

Глава 4. Почвенничество и народность в произведениях Достоевского 1860-х годов: художественные и публицистические контрасты

Как путь к правильному пониманию Достоевского изучение общественных и философских идей в его произведениях приобрело в настоящее время особую остроту и актуальность. Будучи ярким представителем русского почвенничества, Достоевский призывал русскую интеллигенцию вернуться к «почве» народа, добиться примирения с ним перед лицом народной правды, искать третий путь за пределами западничества и славянофильства, осуществить возрождение национальной культуры. Идея почвенничества и категория народности как ее основа обнаруживаются на всех уровнях литературного творчества Ф.М. Достоевского.

В отличие от западной религиозной жизни, в которой доминирует человекобог, русское православие, по мнению писателя, характеризуется Церковью и Богочеловеком (Иисусом). В этом контексте особое значение приобретает исцеление человеческой воли как центральный аспект искупительного подвига Христа. Как отмечает О. В. Пичугина, «в личности Богочеловека писатель выделяет в первую очередь неповреждённую грехом волю, иначе говоря, важнейшая черта искупительного подвига Христа заключается для него в исцелении человеческой воли, которая была источником первородного греха»¹⁵³. Для Достоевского спасение человека заключается не только в его нравственном очищении, но и в трансформации сущности через процесс обожения. Эта идея тесно связана с его концепцией почвенничества, которая носит глубоко церковный и православный характер. Он подчеркивает абсолютное значение Православия для русского народа: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нём и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие всё. Православие есть Церковь, а Церковь — увенчание здания и уже навеки...» (27; 64). В письме А. Н. Майкову писатель ясно выражает свое

¹⁵³ Пичугина О.В. Православная антропология Достоевского: (Концепция личности) // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. — Кемерово, 2007. № 2. С. 148.

отношение к православной силе, сохранившейся в почве народа: «И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. Ну, если хотите знать, – вот эта-то и есть тема моего романа» (29, 1; 145).

Истинная народность в понимании Достоевского обобщает многосоставное явление русской духовности. В отличие от славянофильского благоустройства и поклонения русскому народу, изображение народа у Достоевского более объективно и объемно. Как показывает Ван Хайсон, «Достоевский отстаивал различие между вечной красотой и случайным уродством в народе и призывал всегда иметь симпатию и уважение к народу»¹⁵⁴. Несмотря на двойственность национального самосознания, писатель видел в православии и в русском народе движущую социальную силу российского общества. Как богоизбранный, русский народ берет на себя миссию спасения мира от зла и несправедливости.

¹⁵⁴ 万海松. 寓于根基主义思想中的“人民性”问题——论陀思妥耶夫斯基的“人民性”概念的本质. 学习与探索, 2016(9): 139. (Ван Хайсон. Проблема «народности» в идеях почвенничества – о сущности представления Достоевского о «народности». Обучение и исследование. 2016; № 9: 139.)

4.1 Воплощение идей почвенничества и проблемы народности в художественных произведениях Достоевского 1860-х годов

4.1.1 «Записки из Мёртвого дома»

1. Достоевский об идеале и исторической миссии народа

На каторге Достоевский знакомился с представителями различных этносов и конфессий России, в том числе с мусульманином Алеем, евреем Исаем Фомичем, старичком-старообрядцем и другими. По его мнению, духовная сила русского народа проявляется в его толерантности и уважении к другим этносам, народностям и верованиям: упреки в происхождении, в вере, в образе мыслей инородцев «встречаются в нашем простонародье... очень редко» (4; 210).

У мусульман Нурры и Алея были прекрасные, чистые души, и страницы, посвященные им в книге, – самые светлые и идеальные. В их характерах замечается сочетание наивности и доброты, услужливости и заботливости, душевной мягкости и мужества. Нурра не относился к Горянчикову равнодушно или враждебно потому, что тот был аристократом. Он хлопал Горянчикова по плечу и старался воодушевить и поддержать его собственными жестами. Нурра был чрезвычайно богомолен. В посты перед магометанскими праздниками он целые ночи усердно выстаивал на молитве. Все любили его и верили в его честность. Алей автору показался чрезвычайно умным мальчиком, чрезвычайно скромным и деликатным. Он с особенным чувством проговаривает слова из проповеди Христа: «прощай, люби, не обижай и врагов люби» (4; 54), которые и говорил Иса святой пророк в Коране. Восклицание мусульманина о Христе: «Ах, как хорошо он говорит» (4; 54) знаменательно и чрезвычайно важно, что доказывает общность ислама и православия.

Образ еврея Исаа Фомича тесно связан с комплексом национально-религиозных представлений автора о еврействе. С одной стороны, рассказчик характеризует его как хитрого и лицемерного шута, но с другой стороны, он подтверждает его терпение, твердую веру и верность национальной религиозной традиции. В сцене молитвы бедного иудея ирония автора исчезает, персонаж

приобретает глубину, не замеченную в оригинальном портрете. Как показывает П. Берлин, Достоевскому «начал просвечивать еврей, как носитель древнего иудаизма с его пророками, с его многострадальным Иовом»¹⁵⁵.

Но наиболее напряженно показаны в «Записках» духовные искания русских заключенных. Самой впечатляющей является сцена молитвы старика-старовера, плачущего по ночам, испытывающего неведомую боль из-за профанации его веры. Хотя старик выглядел спокойным, его душевное состояние было ужасное. «Впрочем, у него было своё спасение, свой выход: молитва и идея о мученичестве» (4; 197). Во всем остроге старик-старовер пользовался у заключенных уважением за его набожность и строгие правила. Арестанты называли его дедушкой, никогда не обижали его и оставляли ему на хранение свои деньги.

В категорию «принявших страдания» входит и арестант, читавший Библию и бросившийся с кирпичом на майора. «Арестанта, читавшего Библию» в «Записках» прямо не причисляют к раскольникам, но впоследствии, в романе «Преступление и наказание», Достоевский выведет фигуру Миколки-красильщика, из староверов, сознательно возьмёт на себя вину Раскольникова, чтобы «страдание принять». Его поступок Порфирий прокомментирует тем же сюжетом, который был использован в «Записках из Мёртвого дома»: «Знаете ли, Родион Романыч, что значит у иных из них "пострадать?" Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто "пострадать надо"; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче. Сидел в мое время один смиреннейший арестант целый год в остроге, на печи по ночам всё Библию читал, ну и зачитался, да зачитался, знаете, совсем, да так, что ни с того ни с сего сгреб кирпич и кинул в начальника, безо всякой обиды с его стороны. Да и как кинул-то: нарочно на аршин мимо взял, чтобы какого вреда не произвести! Ну, известно, какой конец арестанту, который с оружием кидается на начальство: и "принял, значит, страдание". Так вот, я и подозреваю теперь, что Миколка хочет "страдание принять" или вроде того. Это я наверно,

¹⁵⁵ Берлин П. Русская литература и евреи // Новый журнал. 1963. № 71. С. 81.

даже по фактам, знаю-с» (6; 348). Способность на религиозно осмысленное самопожертвование является духовным ядром, общим как для православия, так и для старообрядчества.

Следует упомянуть, что при описании двух великих праздников – Рождества Христова и Пасхи – автор установил, что христианская вера является силой, объединяющей людей, основой и условием братства. Во время праздника заключенные начали устраивать всеобщий пьяный кутеж, здесь показана реакция иноверцев на христианский праздник. И старообрядцу, и Нурре тяжело было смотреть на всеобщую гулянку арестантов. Однако они осуждали не сам религиозный праздник, а его производное – пьянство. На взгляд профессора Борисовой, «за осуждающими словами "ух, яман! Аллах сердит будет" стоит признание единого Бога, заветы которого христиане, на взгляд благочестивого мусульманина, нарушают»¹⁵⁶.

В «Дневнике писателя» Достоевский много раз упоминает, что русский народ обязательно внесет свой вклад в решение духовных проблем, стоящих перед славянскими и европейскими народами, пошлет голос православной церкви человечеству. Писатель предугадывает, что «характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» (18; 37).

По мнению Достоевского, идеал русского народа имеет религиозный характер, он выражен не только в православии, но и в других религиях, родственных христианству. Русский народ не любит предателей своей веры, но не враждебен к иноверцам. Писатель убедился, что евреи, христиане и мусульмане молятся одному Богу. Он обнаружил, что и религиозные инородцы уважаемы в

¹⁵⁶ Борисова В. В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Борисова Валентина Васильевна. Уфа, 1997. С. 36.

русской народной среде. Историческая миссия русского народа – это следовать духу Христа, чтобы решить проблемы человеческой судьбы. Он подчеркивает «общечеловечность» православия и русского народа, призывает русский народ взять на себя миссию мессии – не только спасти русский народ, но и в дальнейшем найти путь к коллективному счастью человечества.

2. Взаимоотношение интеллигенции и народа

Тема интеллигенции и народа является одной из центральных в почвенничестве Достоевского, фундаментальный призыв которого – призвать русской интеллигенции выйти из идеологического тумана Запада и вернуться к народной правде (почве). Однако за время пребывания в каторге Достоевский на собственном опыте ощутил огромную пропасть между народом и аристократической интеллигенцией.

Он заметил, что «всякий из новоприбывающих в остроге через два часа по прибытии становится таким же, как и все другие, становится у себя дома, таким же равноправным хозяином в острожной артели, как и всякий другой» (4; 198). Но для аристократов это совсем другое дело: «как ни будь он справедлив, добр, умен, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное - не поверят ему» (4; 198). Каторжники обращались к дворянам с прозвищами «железные носы» и «муходавы», а подобного себе народа называли «товарищам» по общей судьбе.

Сцена претензии арестантов является весьма характерной иллюстрацией глубокого разрыва между простым народом и интеллигенцией и причин, по которым народ не доверяет интеллигенции и оторвался от них. Иногда отчуждение народа от дворян происходит не по злему умыслу, а бессознательно. Это вытекает из глубоко укоренившегося в народном сердце представления о том, что дворяне есть дворяне, а народ есть народ: «просто не товарищ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дела, а у нас свои» (4; 207). Это обусловлено еще и совершенно разным отношением всего общества к дворянству и народу. Наиболее очевидным проявлением является то, что каторжному

начальству всегда приходится относиться к аристократам умеренно, в то время как оно боится быть недостаточно суровым в обращении с простыми арестантами.

Достоевский надеялся восполнить этот разрыв с помощью православия. Эти чувства и мысли и являются конкретным воплощением почвенничества Достоевского в «Записках из Мёртвого дома». Он считал, что бедность, невежество и даже грубость и варварство народа не являются виной самого народа, а потому, что он не получил хорошего образования. Интеллигенция и дворяне должны изменить свои привычки, потому что изменить недостатки в природе народа трудно, только изменения в отношениях самих дворян могут косвенно повлиять на народ. Они должны отказаться от своих предрассудков, изменить свое враждебное отношение к народу, искренне контактировать и понимать народ. Образованные классы в России не могут презирать народ, а тем более винить его. Ведь народ издревле хранит свою простую нравственность и благочестивые убеждения и в глубине души защищает «духовные корни» всех россиян.

Как показывает Вл. Соловьев, «и худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди интеллигенции: веру в Бога и сознание своей греховности»¹⁵⁷. Интеллектуалы должны учиться у неукротимого духа народа, идущего от русской земли, у его веры в Бога, его необычайной приспособляемости и самопожертвования. Духовная сила Православной Церкви может постепенно преодолеть духовный разрыв между народом и интеллигенцией. Для Достоевского спасение интеллигенции, отъединенной от «народной почвы» осуществимо только через приобщение к народу, осознание православной веры, покаяние и искупление вины перед оскверненной им Землей.

Кроме того, Достоевский помещал в повести надежду дворян и интеллигентов стать вождями народа. Это видно из сцены выполнения казенных

¹⁵⁷ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 297-298.

работ по проламыванию старых казенных барок: пока народ хорошо организован и сплочен, его потенциал можно раскрыть в максимальной степени. Однако, такие народные представители, подобные Петрову, не подходят для того, чтобы играть ведущую роль. По мнению Достоевского, они являются главными исполнителями и первопроходцами дела, потому что у них есть только твердая решимость и храбрый дух, а этого недостаточно. Лидерам необходимо иметь четкие цели, планы и стратегии для выполнения общего дела, и в этом заключается миссия интеллигенции. Ввиду этого автор призывает народ и интеллигенцию объединиться, работать вместе и использовать свои силы для служения общему делу.

3. Достоевский об искусстве и формуле «среда заела»

«Записки из Мёртвого дома» дают возможность понять идеи Достоевского об искусстве, сформировавшимся в 1850-х – начале 1860-х годов. Вопреки утилитарной эстетике Добролюбова и Чернышевского, Достоевский утверждал искусство как автономную и высочайшую духовную ценность, чья цель – не поучение или социальная реформа, а откровение о человеке. В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский явно сопротивляется попыткам реконструировать моральные нормы, основанные на утилитарных нормах. В отличие от пропаганды Чернышевским «разумного эгоизма» как высшего состояния человеческой мудрости, Достоевский своими глазами видел, что заключенные жертвовали всеми частными интересами в обычном понимании ради того, чтобы проявить свою индивидуальную свободу, но лишь на время создавали иллюзию иррациональной духовной автономии.

Поведение многих каторжников отражает тягу к искусству для искусства: использование языковых средств во время ссоры (особенно пословиц и выразительных оскорблений), занятие контрабандой «по страсти, по призванию» (4; 18) и т. д. Сцена покупки Гнедка не только демонстрирует дух коллективизма и чувство собственности каторжников, но также отражает их выдающиеся профессиональные навыки и мотивацию «искусства ради искусства». Как

«настоящие знатоки» по подбору новой лошади для острога, Елкин и Куликов вступили в «благородный поединок» (4; 186). Хотя Гнедка куплена казною и не требует от них никаких собственных денег, заключенные все равно тщательно её отбирали и торговались о цене.

Кроме того, в сцене представления в каторжном театре Достоевский видел в народе выдающийся художественный талант, с которым не могли сравниться даже профессиональные актеры. Он отметил, что временные «актеры» в исполнении заключенных и оригинальные сценарии, написанные народом, являются бесценными сокровищами, спрятанными среди народа. Затем писатель предположил, что «очень бы и очень хорошо было, если б кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный» (4; 119).

Достоевский также выступил с критикой формулы «среда заела» в «Записках из Мёртвого дома». Хотя писатель не отрицал разъедающего действия социальной среды на народную почву, но решительно выступил против оправдания любого преступления средой. Он полагал, что существующее социальное зло коренится не только в обществе, но и в самом человеке, а распространение учения о среде неизбежно приводит к отрицанию свободы воли, снимает с человека нравственную ответственность за свои поступки.

Такие идеи также скрыты среди русского народа: «Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей» (21; 17).

Народ заменил слово «преступник» словом «несчастный», в котором заключено христианское представление о первородном грехе человеческой

природы. Согласно Н. О. Лосскому, «народ считает преступление виною, которая заслуживает наказания, тем не менее, стремится облегчить участь наказанного человеческим отношением к нему»¹⁵⁸. Называя преступников «несчастливыми», на самом деле это проявление гуманитарного духа разделения ответственности за преступление – каждый несет ответственность за общественное зло, и каждый может спастись и пережить духовное возрождение. Лю Кун также интерпретирует понятие «несчастливых» в контексте русской народной мысли, объясняя его происхождение фактором сострадания, характерным для православного мировоззрения¹⁵⁹. Согласно данной концепции, преступление рассматривается как акт, противоречащий изначальной природе человека. В православной традиции человек воспринимается как существо, происходящее от Бога, обладающее чистой и божественной сущностью. Совершая преступление, он тем самым попирает и оскверняет присущие ему божественные начала и моральную основу. В результате его душа, исполненная любви к Богу и стремления к возвращению в Его царство, оказывается отвергнутой. В этом смысле преступник осмысливается как «несчастный человек», заслуживающий искреннего сострадания, что обуславливает использование данного обозначения в народной культуре. По мнению Ван Хайсона¹⁶⁰, подавляющее большинство «несчастливых» может стремиться к чувству социальной идентичности под вдохновением православного христианства, которое также можно охарактеризовать как особый опыт «соборности» в узком смысле. Принятие благотворительной любви от других и в то же время предоставление благотворительной любви другим – это процесс передачи чувства идентичности. Будучи заключенными, возможность принимать милостыню от других – это своего рода счастье. А когда они отдают часть

¹⁵⁸ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. 1953. С. 369.

¹⁵⁹ 刘锟. 论陀思妥耶夫斯基“罪”与“罚”思想中的东正教文化内涵. 国外文学, 2009(3):121. (Лю Кун. Православная культура и размышления Достоевского о «преступлении» и «наказании» // Иностранная литература. 2009. № 3. С. 121.)

¹⁶⁰ 万海松, 《死屋手记》中“不幸的人”与东正教认同感. 外国文学研究, 2018, 40(2): 31-42 页. (Ван Хайсон. «Несчастное» и идентификация Православной Церкви в «Записках из Мёртвого дома» // Иностранное литературоведение. 2018. Т. 40, № 2. С. 31-42).

получаемой ими скудной милостыни в церковь, они получают своего рода очищение и сублимация духа.

4.1.2 «Преступление и наказание»

В отличие от автобиографичности и документальности «Записок из Мёртвого дома», в двух последних романах Достоевского 1860-х годов больше внимания уделялось художественной выразительности. Писатель продолжает акцентировать внимание на дуализме национального духа и его православных корнях, которые выражены на символическом уровне.

Анализ народных образов в «Преступлении и наказании» дает возможность понять идеи почвенничества Достоевского 1860-х годов. Возвращаясь, по словам Мережковского, «от Христа вселенского к Мессии народному»¹⁶¹, Достоевский убеждён, что огромную роль играют такие типы из народа, как некрасовский Влас, занимающиеся «делом божьим». Писатель выступал за то, чтобы по-разному относиться к добродетелям (милосивость, жертвенность и сила покаяния) и недостаткам (насилие, жестокость и алкоголизм) народа. По его мнению, дефекты и загнивание части почвы не означают порчу ее в целом, поскольку вся почва никогда не была затронута и народ сохранил в неприкосновенности духовную основу православной культуры. Писатель верит, что «ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные «Власы», кающиеся и не кающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Не Петербург же разрешит окончательно судьбу русскую» (21; 34).

Достоевский считал русский народ единственным «народом-богоносцем». Православие является основой веры и символом традиционного культурного духа русского народа, оказывает решающее влияние на формирование культурного характера и нравственной личности русского народа. Русское православие не пострадало от Возрождения, промышленной революции и движения Просвещения, напротив, оно было интегрировано с общинным коллективизмом и политеистическими идеями, сохраняя большую часть аутентичности и чистоты

¹⁶¹ Мережковский Д.С. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. – Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 24.

христианства. В условиях усиления концепции утилитаризма и общего упадка христианства Достоевский твердо верил, что православие является той «панацеей», которая может спасти Россию, Европу и даже все человечество от всех бед и катастроф. В этом заключалась историческая миссия русского народа. Как показывает Н. И. Пруцков, «все это разные типы, но именно они выражают единую великую нравственную силу русского народа, являются “эмблемой” всей народной России, хранителями красоты лика Христа, а поэтому именно они примером своей самоотверженной жизни, заполненной деятельной любовью, состраданием и самопожертвованием, и могут указать путь в грядущее»¹⁶². Чтобы спасти свои души и обрести возрождение, русские заблудшие интеллектуалы, такие как Раскольников, должны выбрать путь народа, принять страдания и вернуть утраченную веру.

Писатель раскрывает истинную глубину и таинственность души русского народа и многообразие народной духовной жизни, используя двух Миколок как полярные выражения национального характера. Как показывает Б. Н. Тихомиров, «два Миколки в романе как бы воплощают два “лика” русского народа, народной души»¹⁶³. Они противоположны друг другу и демонстрируют дихотомию национального самосознания: с одной стороны, благочестие, стремление к жертвенности и искание Бога, с другой – насилие, жестокость и забвение Бога. Имена двух Миколок в романе могут вызвать определенные ассоциации со святителем Николаем, о котором Достоевский упоминает в письме А. Н. Майкову: «Пишете Вы мне много про Николая-Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай-Чудотворец есть русский дух и русское единство»¹⁶⁴.

¹⁶² Пруцков Н.И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. – Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 68.

¹⁶³ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. С. 111.

¹⁶⁴ Достоевский Ф.М. Письма. 150. А. Н. Майкову. 9 (21) октября 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990. Т. 29. кн. 1. С. 144-145.

Не подлежит сомнению, что амбивалентность фигуры Николая Чудотворца тесно связана с замыслом писателя о двух Миколках как народных двойниках главного героя. Маляр Миколка, желающий брать на себя чужие грехи, представляет светлую сторону русской народности. Подобно Лизавете, Софье и Настасье, он является носителем народной правды и фундаментом русской «почвы». А Миколка-изверг – темная сторона русской народности, это психологическая проекция Раскольникова, которым управляет теория сверхчеловека. Финал романа, где Раскольников наконец вступает на путь маляра Миколки, показывает уверенность автора в том, что глубоко укоренившиеся религиозные убеждения и нравственное сознание русского человека смогут противостоять яду утилитаризма.

Стоит подчеркнуть, что Соня Мармеладова, как носительница народной правды, становится центральной фигурой одной из кульминационных сцен романа – сцены чтения Евангелия. Данный эпизод имеет значение не только для внутренней трансформации Раскольникова, но и соотносится с более широкой интеллектуальной полемикой XIX века, в рамках которой активно обсуждался вопрос о достоверности евангельских чудес. Контекст 1864–1865 годов, когда в России и Европе велась бурная полемика вокруг работ Штрауса и Ренана о жизни Христа, играет важную роль в контексте романа. Штраус утверждал, что чудеса, такие как воскрешение дочери Иаира и Лазаря, можно рассматривать как доказательства грядущих чудес, что стало предметом общественного обсуждения. Роман «Преступление и наказание» отражает это беспокойство, хотя имена Штрауса и Ренана прямо не упоминаются. Однако дискуссии о чудесах, исторической достоверности Евангелий и, в частности, воскрешении Лазаря, непосредственно входят в сюжет романа, как через чтение Евангелия, так и через вопросы, которые Порфирий Петрович задает Раскольникову о вере и воскресении Лазаря.

Сцена чтения Евангелия от Иоанна в романе не только выражает глубокую веру Сони, но и становится своеобразным полемическим ответом на западную

критическую традицию, рассматривающую евангельские чудеса как мифологические конструкции. Как отмечает Г. Ф. Коган, акцент на фразах «четыре дня» и ссылки на «четвёртое Евангелие» подчеркивают стремление автора усилить доказательную силу данного повествования¹⁶⁵. Вопрос, который Порфирий Петрович задает Раскольникову: «И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую <...> И-и в воскресение Лазаря веруете?» (6; 201), ставит в центр романа проблему веры и безверия, превращая её в важнейший элемент духовного противостояния между героями.

В «Преступлении и наказании» глубочайшая пропасть между интеллигенцией и народом отражается в оторванности Раскольникова от народной почвы. Для писателя символ «земли» и «почвы» есть самовыражение духа русского народа, который в религиозном плане тесно связан с подлинным смыслом православия и православной святости. Имя Родион Романович Раскольников, по мнению А.А. Васильева, «не случайно и объединяет в себе родину и раскол, разъединенность – разрыв со своей родной почвой»¹⁶⁶. Того же мнения придерживается и С.В. Белов. Он связывает имя центрального героя с идеей родины и матери-земли и указывает на возможность прямой интерпретации полного имени героя: «раскол родины Романовых (отчество: Романович)»¹⁶⁷. С ними невозможно не согласиться, и голоса народа в романе также неоднократно подтверждают это. Неслучайно пьяный мужик крикнул Раскольникову: «Эй ты, немецкий шляпник» (6; 7). Этой фразой писатель намекает на разрыв героя с народной православной почвой. Раскольников выбрасывает в реку монетку, поданную ему маленькой девочкой во имя Христа, – это значит, что он отверг христианские законы и ему ещё многое предстоит вынести, чтобы найти путь к

¹⁶⁵ Коган Г.Ф. Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура: Альманах / Гл. ред. К. А. Степанян. – М.: Б.И., 1994. С. 30.

¹⁶⁶ Васильев А.А. Русский национальный характер в творчестве Ф.М. Достоевского: мировоззренческие, социально-политические и правовые аспекты. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. С. 118.

¹⁶⁷ Белов С.В. Вокруг Достоевского. Статьи, находки и встречи за тридцать пять лет. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 192.

народной правде. Вот почему Соня, как носительница народной правды, советует Раскольникову поцеловать землю и исповедоваться в своих грехах перед землей и народом, чтобы получить самоспасение и возрождение. По мнению Дж. Гибиан, «кланяясь земле, целуя ее, Раскольников совершает нерациональный, но сугубо символический акт; рационалист в нем с этого момента начинает перерождаться в цельного, органичного, живого человека, в полноправного члена сообщества людей. Своим преступлением, теориями он отторгнул себя от друзей, от семьи, от народа, другими словами, он отрубил нити, связующие его с Матерью-землей. И теперь, целуя землю, он делает шаг к восстановлению утраченных связей»¹⁶⁸.

Как отмечает Р.Г. Назиров, «роком личной драмы героя становятся муки совести, бунтующей против разума. Моральный суд народа незримо проникает в душу героя»¹⁶⁹. Конфликт между традиционным моральным сознанием и новыми моральными нормами, основанными на утилитарной рациональности, приводит героев произведений Достоевского к страданиям. Раскольников представляет русских интеллектуалов, находящихся под влиянием Запада и основывающих моральные нормы на утилитарно-рациональных ценностях исходя из собственного эгоизма. Он совершает жестокие убийства не только из-за человеческих страданий и социальной несправедливости, но в большей степени из-за пагубного влияния утилитарной этики, которая, по мнению Достоевского, является источником идеологической неразберихи и социальных волнений, вводя в заблуждение полного идеалов и сострадания молодого человека. А возвращение к православию и правде народной – единственный путь достижения духовного возрождения для заблудившейся русской интеллигенции, символизируемой Раскольниковым.

¹⁶⁸ Гибиан Дж. Традиционная символика в «Преступлении и наказании» // Достоевский: Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 237.

¹⁶⁹ Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 103.

4.1.3 «Идиот»

Стойкость Достоевского в вере и глубокая забота о народе легли в основу его почвеннических идей, что особенно ярко проявляется в монологе князя Мышкина о католицизме, православии, вере и атеизме в романе «Идиот». Князь Мышкин утверждает, что католицизм – это нехристианская вера, подчеркивая, что католицизм искажает образ Христа. Он видит в католицизме не религию, а политическую систему, продолжение Западной Римской империи. Это выражается в том, что папа претендует на земную власть и использует меч, ложь и обман для достижения своих целей. Мышкин считает, что католицизм приводит к атеизму, потому что люди начинают ненавидеть церковь и терять веру в Бога из-за ее лицемерия и духовного бессилия.

Для Мышкина католицизм хуже атеизма, поскольку атеизм просто отрицает Бога, тогда как католицизм извращает его образ, проповедуя Антихриста. Он утверждает, что атеизм зародился внутри самого католицизма из-за его лжи и лицемерия. Католицизм и атеизм – это две стороны одной медали, обе они ведут к духовной пустоте и отчаянию. А социализм также является следствием католицизма. Он видит в социализме попытку заменить утраченную моральную власть религии на насилие и принуждение. Социализм, по его мнению, стремится к свободе через насилие и объединению через кровь, что также является искажением истинных христианских ценностей.

Мышкин утверждает, что православие сохраняет истинного Христа, которого Запад не знал. Он видит спасение в возвращении к православной вере и русской духовности. Князь призывает к пробуждению русской цивилизации, которая должна нести свет Христов и противостоять западному влиянию.

Он также говорит о духовной жажде русского народа, который в поисках истины часто впадает в крайности – становится либо атеистом, либо фанатиком. По мнению А. С. Глинки¹⁷⁰, жажда нравственного бытия для Достоевского

¹⁷⁰ Глинка А.С. Собрание сочинений в трех книгах. Книга II: 1906. – М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2005. С. 102.

представляет собой мощный внутренний импульс, способный поддерживать человека в самых трудных ситуациях, преодолевать искушения материальных и чувственных наслаждений и двигать к самосовершенствованию. Он видит в этом стремлении поиск крепкой почвы, родины, которой люди не знали или в которую перестали верить. Этим объясняется страсть и исступление, с которыми русские люди принимают новые идеи.

Князь критикует нигилизм, иезуитизм и атеизм как проявления духовной тоски и жажды. Он утверждает, что эти движения являются попыткой заполнить духовную пустоту, но они не могут дать настоящего утешения и удовлетворения. Он видит спасение в духовном возрождении, в открытии русского Света, который приведет к обновлению человечества. Он верит, что русская мысль и вера в Христа могут привести к духовному просветлению и стать примером для всего мира.

Роман «Идиот» снова выдвигает кардинальную проблему Достоевского – проблему интеллигенции и народа. В нём выразителем почвеннической идеи писатель сделал своего главного героя, князя Мышкина, а представителем интеллигенции, контролируемым западными идеями, вывел Ипполита. Подобный Раскольникову своим неверием и нигилизмом, Ипполит, по мнению Л. Мюллера, «представляет радикальное просветительство, господствовавшее в духовной жизни России 60-х годов прошлого столетия»¹⁷¹. «Смирение» князя Мышкина как носителя народной правды выступает противоположностью «бунта» Ипполита. Конфликт между их идеями наиболее ярко выражен в разной реакции героев на картину Гольбейна-младшего «Мертвый Христос», которая, по мнению В.Н. Захарова, является одним из символов «внутренней темы» романа¹⁷². В романе Достоевский несколько раз упоминает эту картину, изображающую Христа после снятия с креста, и её реализм и натурализм могут производить сильное,

¹⁷¹ Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // «Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков». Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. С. 378.

¹⁷² Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – М.: Изд-во «Индрик», 2013. С. 293.

отталкивающее впечатление. Как подчеркивает Джефферсон Дж. А. Гаттралл, что в изображении Гольбейна страдания невинных выносят на поверхность «самые невыносимые вопросы» о реальности и смысле существования. Это не просто картина, отражающая страдания, а произведение, которое ставит вопросы о самой природе реальности, её жестокости и несправедливости¹⁷³. «Мертвый Христос» становится точкой отсчёта для размышлений о том, как художник через невероятно точное изображение страдания может разрушить иллюзии и заставить зрителя столкнуться с тяжелейшими философскими и метафизическими вопросами о жизни и смерти, правде и лжи, добре и зле.

Князь Мышкин считал, что картина приведет к утрате веры, поскольку разлагающееся тело Христа изолировало бы его человеческую природу от божественности. Изображение мёртвого Христа, лишённого какой-либо божественности, резко контрастирует с традиционными представлениями о Спасителе. Мышкин, будучи человеком глубокой веры и тонкого душевного склада, видит в этом произведении символические угрозы для духовности и веры. Реализм картины подчёркивает физические страдания и смерть Христа, не оставляя места для намёков на воскресение или божественное спасение. А вера может быть испытана, и даже пошатнуться, при столкновении с жестокой реальностью смерти.

Как показывает С. Л. Шараков, образ Спасителя, только что снятого с креста, нарисованный художником-ренессансистом, стал для Достоевского «символом западной ренессансной духовности как искажения духовности христианской»¹⁷⁴. Картина «Мертвый Христос» символически изображает тех, кто отклоняется от истинного христианского пути спасения.

¹⁷³ *Jefferson J. A. Gatrall. The Icon in the Picture: Reframing the Question of Dostoevsky's Modernist Iconography // The Slavic and East European Journal. 2004. Vol. 48, № 1. P. 1-25. (Джефферсон Дж. А. Гаттралл. Икона в картине: переосмысление вопроса о модернистской иконографии Достоевского // Славянский и восточноевропейский журнал. 2004. Т. 48, № 1. С. 1-25.)*

¹⁷⁴ *Шараков С.Л. Символическое мирозерцание Ф.М. Достоевского: истоки и развитие (На правах рукописи). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Пермь, 2021. С. 354.*

Для князя Мышкина эта картина противоречит его собственному пониманию христианства и духовности, поскольку она олицетворяет концепции, чуждые его вероисповеданию и моральным устоям. В глазах Мышкина изображение мёртвого Христа, лишённого признаков воскресения и божественного спасения, представляет собой угрозу традиционному восприятию христианской веры, в котором страдание и смерть Христа должны завершаться воскресением и искуплением. По мнению А. А. Юдахина, «картина, выступающая в романе в качестве метафизической провокации, концептуально смыкается с антикатолическим нарративом князя Мышкина»¹⁷⁵. Мышкин воспринимает светский католицизм как политическую идеологию, скрывающуюся под маской христианства. В его представлении, католицизм не только искажен в своей истинной сущности, но и стал причиной распространения атеизма и социализма. Картина Гольбейна, изображающая Христа после снятия с креста, в таком контексте носит антихристианский характер. Здесь образ Христа опорочен и искажен, что усиливает восприятие картины как символа антикатолицизма и критики светского подхода к христианству.

В экфразе Ипполита картина Гольбейна воспринимается как страшная и суровая визуализация страданий, где природа представлена как «машина последней модели», бессмысленно разрушающая величайшее существо, которое «само стоит за всю природу и её законы». Это изображение не только передаёт физическое страдание Христа, но и становится метафорой разрушения и искажения самой реальности. Ипполит относится к картине Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» с глубоким отвращением и ужасом. Эта картина изображает только что снятого с креста Иисуса Христа в крайне натуралистичной манере, что вызывает у Ипполита чувство абсолютного отчаяния и бессмысленности. По его мнению, если бы первые ученики Христа были

¹⁷⁵ Юдахин А.А. «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурсы. Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2023. № 6. С. 102-111. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mertvyi-hristos-golbeyna-v-romane-f-m-dostoevskogo-idiot-hristologicheskii-i-antikatolicheskii-diskursy> (дата обращения: 23.08.2024).

свидетелями сцены, изображенной на картине, наяву, они не смогли бы продолжать верить в воскресение Христа. А если есть смерть, естественный закон, который даже Иисус не может нарушить, тогда «все позволено» и нравственность перестает существовать. Вот почему Ипполит отказывается принять веру, а отсутствие веры и чрезмерная гордость не позволили ему принять сочувствие и любовь, которых он отчаянно жаждал.

Для Ипполита, который находится в стадии крайнего отчаяния и приближается к самоубийству, изображение на картине символизирует окончательную пустоту и бесперспективность существования. Картина Гольбейна становится мощным катализатором для его глубоких размышлений и саморазрушительных мыслей, усиливая его уже существующую депрессию и пессимизм. Он не смог сделать то, что сказал князь: «пройдите мимо нас и простите нам наше счастье» (8; 433). Под влиянием утилитаризма Ипполит не может избавиться от зависти и обиды на беззаботную жизнь других, его неспособность найти смысл и искупление в жизни приводит к тому, что он мучает живых своей приближающейся смертью. Он не может покаяться перед Богом и принять Его волю с безусловной любовью, а значит, не может получить опыт очищения души на пути к смерти.

Раскольников и Ипполит представляют собой две противоположные судьбы, отражающие два возможных пути русской интеллигенции: принятие веры, ведущее к спасению, и отказ от веры, приводящее к мукам обиды и отчаяния. Раскольников символизирует путь интеллектуала, который, несмотря на свои внутренние противоречия и болезненные размышления, в конечном итоге находит спасение через принятие православной веры. Его мучения и внутренний конфликт приводят его к осознанию необходимости духовного очищения и искупления, которое становится возможным только через искреннее покаяние и веру в Бога. Крестный путь душевных страданий Раскольникова перекликается с представлением о страдании, выраженным в образе князя Мышкина. Для Мышкина страдающий «божественно красив, ибо у него в силу страдания

обнажена душа»¹⁷⁶. Ипполит, с другой стороны, является воплощением трагического исхода для интеллигенции, которая отвергает веру и погружается в отчаяние и саморазрушение. Он становится символом интеллектуальной и духовной изоляции, результатом которой становятся муки обиды и глубокое внутреннее разрушение.

Достоевский надеялся, что православие сможет служить мостом для преодоления разрыва между интеллигенцией и народом. Он считал, что бедность, невежество и грубость нельзя приписывать народу, а следует связывать с отсутствием качественного образования и слабыми социальными институтами. Писатель был уверен, что образованные классы в России не могут позволить себе презирать народ или обвинять его в недостатках. Вместо этого, интеллигенция должна преодолеть свои предвзятые отношения, отказаться от предрассудков и наладить искренний контакт с народом. Достоевский подчеркивает, что народ, несмотря на свою бедность и невысокий уровень образования, хранит в себе простую нравственность и глубинные духовные убеждения. Эти качества, по мнению писателя, являются основой подлинной духовности и внутренней силы. Интеллигенция, по его мнению, должна смиренно учиться у народа, стремясь перенять его крепкий дух, искреннюю веру и глубокое чувство самопожертвования.

Итак, Достоевский через монолог князя Мышкина критикует западное христианство за его лицемерие и политизацию, противопоставляя ему чистоту православия и духовную жажду русского народа. Реакции Мышкина и Ипполита на картину Гольбейна иллюстрируют различные отношения к вере и духовности. Образы Раскольникова и Ипполита служат иллюстрацией двух возможных путей для русской интеллигенции: принятие веры – спасение, отказ от веры – муки обиды и отчаяния. Несмотря на свою бедность и невежество, народ сохраняет глубокие нравственные и духовные ценности. Интеллигенция, согласно мнению

¹⁷⁶ Ф.М. Достоевский: proetcontra, антология. Т. 1. 2-е изд. / Сост., вступ. статья, коммент. И. И. Евлампиева. – СПб.: РХГА, 2022. С. 438.

Достоевского, должна относиться к народу с уважением и смирением, извлекая уроки из его стойкости, искренней веры в Бога и способности к самопожертвованию. Эти качества, по мнению писателя, являются основой для преодоления разрыва между интеллигенцией и народом.

4.2 Расхождения в изображении русского народа у Достоевского-публициста и Достоевского-художника

Достоевский оставил глубокий след в литературе не только своими художественными произведениями, но и публицистикой. В публицистике Достоевский активно участвовал в интеллектуальных и общественных дискуссиях своего времени. Одним из центральных вопросов статей является положение народа и его роль в общественной жизни. Он сосредоточен на изменениях, произошедших в результате крестьянской реформы, и их воздействии на общественные структуры. Достоевский рассматривает народ как ключевой элемент исторических преобразований, подчеркивая его значимость для русского прогресса. В его работах акцентируется внимание на необходимости честного и верного осмысления роли народа, а также его способности играть центральную роль в общественной жизни и духовном возрождении страны.

Публицистика Достоевского часто отражала его стремление к национальному возрождению и созданию идеализированного образа народа. В статьях 1860-х годов, таких как «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год», «Ряд статей о русской литературе», «Два лагеря теоретиков (По поводу “Дня” и кое-чего другого)» и других, Достоевский часто высказывал свои идеи о миссии России и русского народа в мировой истории, подчеркивая необходимость духовного возрождения и национального единства. Он видел в русском народе носителя особого духовного начала, которое, по его мнению, должно было стать основой для будущего процветания страны. Достоевский рассматривал народ как ключевой элемент в процессе исторических преобразований и верил, что его духовные и моральные ценности могут сыграть решающую роль в обеспечении национального прогресса и укреплении российской идентичности. Он неоднократно подчеркивал черты русского народа, такие как смирение, религиозность, способность к самопожертвованию и чувство справедливости. Критиковал западное влияние и идеализировал традиционные русские ценности.

В 1870-е годы Достоевский продолжил развивать свои идеи о русском народе, начавшие формироваться еще в 1860-е. Для иллюстрации особенностей изображения русского народа в публицистике Достоевского этого периода стоит выделить три ключевых народных образа: Няня Алена Фроловна, мужик Марей и гипотетический крестьянин Влас.

Няня Достоевского, фигурирующая в «Бедных людях», «Бесах» и «Дневнике писателя», воплощает в себе ритуально-обрядовую, укорененную в традиции святость. Ее жизнь, подчиненная строгим моральным и религиозным принципам (она называла себя «Христовой невестой»), демонстрирует порой наивный формализм и суеверие. Однако в ключевой момент испытания – пожар в имении – эта внешняя обрядность трансформируется в акт абсолютного самоотречения, когда она готова отдать все свои сбережения. Этот поступок раскрывает для Достоевского главное: даже при поверхностном понимании веры в народе хранится готовность к Хриstopодобной жертве, что свидетельствует о его глубинном нравственном ядре. Алена Фроловна становится символом народной мудрости, стойкости и бескорыстной любви. А образ крестьянина Марей из детского воспоминания писателя – это олицетворение спонтанной, немотивированной доброты. Эпизод, где грубый с виду мужик с нежностью успокаивает испуганного ребенка, становится для Достоевского мощным символом врожденной, непознанной разумом духовности, скрытой в народной толще. Нежный жест «запачканного в земле пальца», которым Марей крестит ребенка, и его материнская улыбка имеют мифологическое измерение: его имя, созвучное с Марией, связывает его с культом Богородицы, что усиливает архетип защитника и хранителя. Позже, на каторге, этот образ помог Достоевскому увидеть за внешней жестокостью каторжников «сокровища Христова братства». Как показывает В. В. Борисова, образ Марей «представлен как эмблема русского народа-богоносца (т. е. как наглядное выражение заветной идеи Д. в 1870-х гг.), а

портрет наглядно характерен»¹⁷⁷. Эти образы можно рассматривать в контексте других подобных персонажей в художественном творчестве Достоевского, таких как Лизавета, Настасья и Филипп в «Преступлении и наказании» и молодая баба и мать Рогожина в «Идиоте», которые также олицетворяют самые крепкие корни в русской православной почве. Эти персонажи олицетворяют стойкость, доброту и народную мудрость, которые можно увидеть только при внимательном и беспристрастном взгляде на народ. Они являются носителями традиционных ценностей и жизненного уклада, которые поддерживаются верой и моральными принципами, укоренёнными в русской православной культуре.

Наиболее сложный и диалектический образ – гипотетический крестьянин Влас. Его путь олицетворяет идею духовной трансформации через крайность греха и крайность покаяния. Пройдя через пьянство и разврат, он переживает духовное пробуждение после видения ада и добровольно избирает путь странничества и нищенства для искупления своих грехов. Влас символизирует ключевую для Достоевского мысль: «свет и спасение воссияют снизу» (21; 41). Как отмечает А.П. Власкин, Влас представляет собой более широкий, интегрирующий образ, в который могут быть вписаны многие из тех, кто ранее встречался в произведениях Достоевского. Это своего рода "посредник" между разнообразными народными персонажами, такими как Миколка, Соня Мармеладова, Настасья, каторжники и другие, которых связывает общая психология и идейное основание. Его история доказывает, что в основе народного характера лежит не столько врожденная святость, сколько «потребность в страдании» и «глубокое сердечное знание Христа» как путь к нравственному восстановлению.

Однако, пропасть между голосами Достоевского-публициста и Достоевского-романиста существовала всегда, что порождает интересный феномен расхождения между публицистическим и художественным образом

¹⁷⁷ Борисова В.В. Мужик Марей // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб., 2008. С. 129.

русского народа. В зависимости от жанра (публицистика или художественная литература) и времени создания своих работ Достоевский меняет акценты в изображении крестьян, их внутреннего мира и отношения к вине и раскаянию.

В художественных произведениях Достоевский представил более сложный и многогранный образ русского народа. Несмотря на то, что изображения русского народа в художественных произведениях Достоевского, за исключением «Записок из Мёртвого дома», могут занимать относительно небольшое место, они обладают глубоким символическим значением и существенно влияют на судьбы главных героев и развитие сюжета. Герои его романов часто воплощают противоречивые черты и судьбы. В романах, таких как «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы», Достоевский исследует внутренний мир своих персонажей, показывая их борьбу с собственными пороками, искушениями и моральными дилеммами.

Художественный образ русского народа у Достоевского многолик и не идеализирован, что создает более мрачный и реалистичный портрет. В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский изображает крестьян-каторжан без чувства вины или раскаяния, подчеркивая их отчужденность и разобщенность с «европеизированным» обществом. Он пишет: «Я сказал уже, что в продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении и что большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми» (4; 15). В христианском контексте чувство вины является важным элементом христианской морали, необходимым для искреннего покаяния и духовного возрождения. Отсутствие этого чувства у заключенных вызывало у Достоевского сомнения в возможности их нравственного исправления и духовного роста. В своих работах он размышлял о том, что может привести человека к такому состоянию, и как общество должно реагировать на подобные явления. Например, в повести он рассказывает о заключенном, который совершил жестокое убийство, но не проявляет никакого раскаяния и даже гордится своим поступком. А в «Дневнике

писателя», напротив, Достоевский утверждает, что крестьяне осознают свою вину и испытывают внутреннее раскаяние, несмотря на внешнее поведение. «Я был в каторге и видал преступников, «решенных» преступников. Повторяю, это была долгая школа. Ни один из них не переставал себя считать преступником. <...> О преступлениях своих даже и нельзя было вслух говорить. <...> Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего. Я видал их одиноко задумчивых, я видал их в церкви молящихся перед исповедью; прислушивался к отдельным внезапным словам их, к их восклицаниям; помню их лица, — о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей» (21; 18-19).

Подобные противоречия отражены и в изображении религиозного опыта крестьян. В «Записках из Мёртвого дома» религиозные переживания крестьян изображены как нечто внешнее и не всегда осознанное. А в «Дневнике писателя» эти переживания описываются как глубокие и искренние, свидетельствующие о внутреннем раскаянии и стремлении к духовному совершенствованию.

В художественных произведениях Достоевский использует символику и метафоры для передачи своих идей о русском народе, что позволяет ему более тонко и эффективно выражать свои мысли. А в публицистике же Достоевский нередко прибегает к прямым заявлениям, что иногда ведет к потере глубины и многозначности его мыслей. Например, в «Дневнике писателя» он говорит о крестьянском раскаянии в более догматичном и проповедническом тоне.

Расхождение между публицистическим и художественным изображением русского народа у Достоевского можно объяснить несколькими причинами. С одной стороны, публицистика Достоевского служила платформой для выражения его идеологических и философских взглядов, часто окрашенных утопическими надеждами и идеализмом. В своих статьях он стремился вдохновить читателей и предложить модель для национального самосознания. С другой стороны, в художественных произведениях Достоевский стремился к правдивому изображению жизни, с её сложностями и противоречиями. Его романы были

местом для глубинного исследования человеческой природы и социальных реалий, что требовало более реалистичного и критического подхода. Художественные образы позволяли ему выразить многослойность и неоднозначность человеческих судеб и характеров.

Выводы по 4 главе

Идея почвенничества, как внутренняя идея творчества Ф.М. Достоевского, в большей степени определяет тему, проблему, конфликт и композицию сочинений писателя 1860-х годов. Выступая как конструктивный принцип поэтики, она реализуется через систему образов и авторскую позицию как в художественных, так и в публицистических произведениях писателя. Достоевский видел в русском народе православную культурную и духовную основу и движущую силу дальнейшего развития общества. Поэтому голос народа, олицетворяющий истину православия, выступает в его романах определяющим фактором развития сюжетных линий и выбора судьбы главного героя.

По мнению Достоевского, православная вера является краеугольным камнем религиозно-нравственных национальных начал, придавая русскому народу особую историческую миссию. Несмотря на дуализм национального характера, русскому народу суждено с глубоким смирением и кротостью раскрыть перед всем миром объятия божественной любви и принять на себя миссию спасения человечества. Духовная сила православной церкви может постепенно преодолеть духовный разрыв между народом и интеллигенцией. Для Достоевского спасение интеллигенции, отъединенной от «народной почвы» возможно только через приобщение к народным истокам, осознание православной веры и покаяние. Достоевский призывает народ и интеллигенцию объединиться, работать вместе и использовать свои силы для служения общему делу.

Публицистика и художественные произведения Достоевского представляют собой две стороны одного медали. Через свои публицистические статьи он выражает свои взгляды и убеждения, которые затем воплощает в художественной форме. Народные образы в публицистике Достоевского, такие как Марей, Алена Фроловна, демонстрируют глубокую веру писателя в доброту и моральную силу русского народа. Двойственность русского менталитета Достоевский раскрывает через образ Власа, который отражает глубину и сложность русской души, постоянно ищущей баланс между грехом и искуплением, верой и сомнением,

принятием страдания и саморазрушением. Эти образы находят свое отражение и в художественном творчестве Достоевского.

А расхождение между изображением русского народа в публицистике и в художественных произведениях Достоевского отражает два разных подхода писателя к осмыслению проблемы судьбы России и русского народа. В публицистике он стремился к идеализации и предложению утопической модели, в то время как в художественных произведениях он показывал более сложный и реалистичный образ, отражающий противоречия и многообразие человеческой природы.

Заключение

В результате проведённой работы сделаны выводы, которые и будут изложены далее.

1. Представления Ф.М. Достоевского о народности формировались под влиянием времени, религиозных и культурных традиций, а также личных жизненных испытаний. Достоевский считал, что интеллектуалы должны вернуться к корням народа, чтобы найти духовную и нравственную опору. Он видел в народе источник мудрости и силы, который может помочь интеллигенции преодолеть отчуждение и найти истинный путь к духовному возрождению России и всего мира. По его мнению, «европеизированные» русские интеллигенты – это морально заблудшие души, временно оторванные от корней народа в результате реформ Петра Великого, которым суждено было слиться с народом. Русская культура, в основе которой лежит православие, обладает особой миссией – привести человечество к истинному духовному просветлению. Достоевский выступал против упрощенного утилитарного подхода к искусству, полагая, что искусство должно отражать глубинные духовные и моральные ценности, а не служить сиюминутным социальным или политическим целям. Кроме того, Достоевский выражал опасения, что распространение теории «среды» может привести к росту преступности. Он верил, что если люди будут считать себя полностью обусловленными внешними обстоятельствами, они могут утратить чувство личной ответственности и моральные ориентиры.

2. В «Сибирской тетради» Достоевский фиксирует народные черты, присущие русским каторжанам, через устные изречения, пословицы, анекдоты и диалектизмы. Эти речевые формы отражают широкий спектр народных особенностей, таких как скрытность, настороженность, житейская осторожность, смелость, ирония, свободолюбие и нравственная стойкость. В отличие от фрагментарного и необработанного материала «Сибирской тетради», в «Записках из Мёртвого дома» Достоевский создает осмысленную типологию народных характеров, превращая фольклорные элементы в философски насыщенные и

морально значимые концепты. Черты, такие как стремление к справедливости, чувство собственного достоинства, терпение, богобоязненность и склонность к хвастовству, преобразуются, переходя от простого отражения народной речи к более глубоким размышлениям о народной душе. Таким образом, материал из «Сибирской тетради» подвергается переработке и систематизации в «Записках», а затем в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», что позволяет Достоевскому создавать более сложные и многослойные образы народа. Эти черты в его поздних произведениях выполняют не только описательную, но и философскую функцию, раскрывая глубину народной психологии и моральных дилемм.

3. В произведениях Достоевского 1860-х годов народные образы играют значительную роль, неся в себе богатое символическое и религиозно-метафорическое значение. Они отражают его веру в духовную силу народа, его способность к страданию и искуплению, а также критическое отношение к утилитаризму и теории среды. В «Записках из Мёртвого дома», «Преступлении и наказании» и «Идиоте» народные образы эволюционируют от реалистических и конкретных типажей к более сложным и символическим фигурам, которые служат не только художественными элементами, но и средствами выражения философских и религиозных идей Достоевского.

В «Записках из Мёртвого дома» народные образы представляют суровую реальность жизни заключенных. На основе анализа народных образов в «Записках из Мёртвого дома» можно выделить следующие основные типологические группы: «кроткие» и «ожесточенные», «мучители» и «жертвы», «своевольные» и «слабые сердцем». В «Преступлении и наказании» и «Идиоте» они становятся более символическими, иллюстрируя моральные и философские вопросы. Народные персонажи и сцены используются для контраста и усиления основных идей романа, подчеркивая духовные и социальные противоречия. В «Преступлении и наказании» противопоставление двух Миколок показывает дихотомию русского народного характера. Красильщик Миколка и такие персонажи, как Лизавета, Настасья и Филипп, олицетворяют высшие идеалы

социально-нравственной правды. Достоевский отмечает, что испорченность и развращенность части народной почвы не могут отменить основы православной культуры, заложенные в народном сознании. В романе «Идиот» Достоевский через образы крестьянина-убийцы, пьяного солдата, молодой женщины и старушки, благословляющей князя (матери Рогожина), иллюстрирует сложное и многогранное отношение народа к вере и религии. Вера в представлении народа имеет свои противоречия и сложности, часто не поддающиеся логическому анализу. Эти образы показывают, что религиозные чувства и убеждения могут существовать одновременно с моральными и социальными проблемами, и что истинная вера остаётся глубоко укоренённой в сознании народа, несмотря на внешние трудности.

4. Анализ народных образов в произведениях Достоевского 1860-х годов позволяет выявить их ассоциативные связи с основными сюжетами и понять, как они влияют на развитие тем и персонажей. Для понимания сложности его героев и сюжетов важно учитывать, что Достоевский создавал своих персонажей не просто как представителей определенных социальных классов или психологических типов, но как символические фигуры, несущие в себе философские и духовные поиски самого автора. Народные образы у Достоевского служат проводниками глубоких моральных и духовных вопросов, которые ассоциируются с Христовой любовью и милосердием, подчеркивая идею, что истинная духовность и святость могут быть найдены в самых простых народах. Достоевский всегда показывает своих героев в состоянии морального поиска, борьбы с внутренними демонами и стремления к духовному очищению. А народные голоса и образы выразителей народной правды становятся моральным ориентиром для главного героя, ведущим его по пути искупления и духовного возрождения. Через эти образы Достоевский излагает свою почвенническую идею и стремится показать путь к духовному очищению и возрождению через понимание и принятие народных ценностей и веры.

5. Идея почвенничества, как основа литературной и публицистической деятельности Достоевского, в значительной степени определяет темы, проблемы, конфликты и композицию его произведений 1860-х годов. Важными средствами выражения народного мирозерцания писателя служат народные голоса и образы выразителей народной правды. Через них писатель указывает на двойственность русского национального характера и вместе с тем передает твердую веру в то, что большинство из народа сохраняет духовную основу православной культуры, которая обуславливает необходимость исполнять русскому народу великую историческую миссию спасения человечества. Заблудшая русская интеллигенция может обрести спасение и самоочищение только путем интеграции с народом на основе православия.

6. Изображение русского народа в публицистике и художественных произведениях Достоевского взаимосвязано и дополняет друг друга. И в публицистике, и в художественных произведениях Достоевский подчёркивает высокие духовные и моральные качества русского народа. Он верит в его способность к духовному возрождению и нравственному совершенствованию. В обеих формах выражения Достоевский критикует интеллигенцию за её оторванность от народа и неспособность понять его нужды. Он призывает к диалогу и взаимопониманию между различными слоями общества. В художественных произведениях эти идеи воплощаются в конкретных образах и сюжетах, придавая им эмоциональную и духовную глубину. Публицистические работы Достоевского часто служат ключом к пониманию его художественных произведений, где народные образы выступают как носители его философских и религиозных идей.

Однако, разница между Достоевским-публицистом и Достоевским-романистом заметна и существовала всегда. В публицистике Достоевский склонен к идеализации народа, акцентируя внимание на его духовных и нравственных достоинствах. В художественных произведениях он показывает народ в более реалистичном свете, фокусируясь на индивидуальных судьбах и личностных

конфликтах. В публицистике народ часто представлен как единый коллективный субъект, в то время как в художественных произведениях Достоевский создаёт индивидуальные образы с уникальными личностными чертами и судьбами. Эти различия делают творчество Достоевского многогранным и глубоко исследующим как общественные, так и личностные аспекты жизни русского народа.

Библиография

Источники

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959.
2. *Герцен А.И.* Собрание сочинений в тридцати томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 7. 469 с.
3. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 439 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч., в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990.

Литература

5. *Абрамович Н.Я.* Христос Достоевского. – М.: Изд. И.А. Маевского, 1914. 164 с.
6. *Амелин Г.Г.* Лекции по философии литературы: памяти Мераба Мамардашвили. – М.: Языки славянской культуры: издатель Алексей Кошелев, 2005. 416 с.
7. *Анджей де Лазари.* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Интербук, 2004. 205 с.
8. *Базилевская А. К.* «Учиться, что есть человек и жизнь» («Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского) // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 216-229.
9. *Барит, К.А., Райхель, Б.С., Соколова, Т.С.* О методе цифровой спектрофотометрии в изучении рукописи писателя (на примере «Сибирской тетради» Ф.М. Достоевского) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 4. С. 20-44.
10. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 1. – М.: Русские словари, ЯСК, 2003. С. 69-263.
11. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 6. – М.: Русские словари, ЯСК, 2002. С. 7-300, 466-505.
12. *Белик А.П.* Художественные образы Ф.М. Достоевского: эстетические очерки. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021. 224 с.

13. Белов С.В. Вокруг Достоевского. Статьи, находки и встречи за тридцать пять лет. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 446 с.
14. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя. – М., 1990. 207 с.
15. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – М.: Издательство «Э», 2016. 512 с.
16. Берлин П. Русская литература и евреи // Новый журнал. 1963. № 71. С. 78-98.
17. Бестужев (Марлинский) А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда. – М.; Л., 1960. С. 11-29.
18. Борисова В.В. Мужик Марей // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб., 2008. С. 128-129.
19. Борисова В.В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Борисова Валентина Васильевна. Уфа, 1997. 312 с. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000205022> (дата обращения: 29.06.2024).
20. Бочарова И.М., Волкова Е.А., Фролова Е.В. Монархизм и народность Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» // Ученые записки Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). С. 37-45.
21. Бузина Т.В. «Записки из Мёртвого дома» – русский народ не-богоносец // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 8 (51). С. 134-143.
22. Ваняшина В.Ф. К проблеме народного характера в социологии Достоевского // Герценовские чтения. XXIII. Вопросы философии и социальной психологии. Л., 1970. С. 99-103.
23. Васильев А.А. Национальная почва в мировоззрении Ф.М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова // Человек и культура. 2013. № 4. С. 16-42.
24. Васильев А.А. Русский национальный характер в творчестве Ф.М. Достоевского: мировоззренческие, социально-политические и правовые аспекты. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. 186 с.

25. *Васильчикова Т.Н.* Проблема возрождения человека в позднем творчестве Ф.М. Достоевского в свете христианской антропологии // Художественная антропология: Теорет. и ист.-лит. аспекты: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 228-236.
26. *Вдовин А.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. 560 с.
27. *Венгеров А.И.* Богоискательство Ф. Достоевского как социально-религиозная утопия // Дни аспирантуры РГГУ. М., 2010. Вып. 4. С. 155-166.
28. *Ветловская В.Е.* Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф.М. Достоевский // Христианство и русская литература / Отв. ред. Котельников В. А. СПб., 1994. С. 224-269.
29. *Викторович В.А.* Достоевский. Вопрос о народе // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – М.: IWL RAS, 2019. № 4 (8). С. 50-67.
30. *Виноградов И.И.* Проблемы содержания и формы литературного произведения. – М.: Изд-во МГУ, 1958. 216 с.
31. *Владимирцев В. П.* Каторжная тетрадка Достоевского: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 165 с.
32. *Владимирцев В.П.* «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского: христианский – культурный и речевой – слой // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 337-345.
33. *Владимирцев В.П.* Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс ист.-лит. исслед. – Иркутск, ИГУ, 2007. 459 с.
34. *Владимирцев В.П.* Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 74-89.
35. *Владимирцев В.П.* Сибирская тетрадь // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь. – СПб., 2008. 470 с.

36. Власкин А.П. Народная религиозная культура в творчестве Достоевского // Христианство и русская литература / РАН. ИРЛИ. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 290-309.
37. Власкин А.П. От "Власа" к "Подростку": развитие народного образа у Ф.М. Достоевского // Вестник ЧелГУ. 1996. №1. С. 45-54.
38. Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. – Магнитогорск, Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. 195 с.
39. Вогюэ Э.М. де. Предисловие к книге «Русский роман» // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. ст. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010. С. 499-534.
40. Гибиан Дж. Традиционная символика в «Преступлении и наказании» // Достоевский: Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 228-240.
41. Глинка А.С. Собрание сочинений в трех книгах. Книга II: 1906. – М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2005. 928 с.
42. Гроссман Л.П. Достоевский. – М.: Астрель, 2012. 541 с.
43. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. 316 с.
44. Дергачева И.В. Мотив проклятия грешника в тексте и контексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 3. С. 134–148.
45. Добролюбов Н.А. Забитые люди: Униженные и оскорбленные: Критика романа Ф.М. Достоевского. – Санкт-Петербург: Деятель, 1911. 77 с.
46. Долгушева Т.В., Рыбченко-Демьяненко Е.С. Фольклорная и средневековая символика в «Записках из мёртвого дома» Ф.М. Достоевского // Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы. 2018. № 1 (37). С. 91–95.
47. Живолупова Н.В. Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф.М. Достоевского 60-х гг. // Достоевский и современность. – Новгород, 1994. С. 121-130.

48. *Животягина С.А.* Лик – Лицо – Маска. О личности и ее облике в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Эйхенбаумовские чтения. – Воронеж, 2007. Вып. 6. С. 54-59.
49. *Журова А.С.* «Русская идея» в мировоззрении Ф.М. Достоевского: история и современность // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Философия. – М., 2010. № 1. С. 79-84.
50. *Захаров В.Н.* Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – М.: Изд-во «Индрик», 2013. 456 с.
51. *Захаров В.Н.* О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // Достоевский в конце XX века: Сб статей / Сост. К. А. Степанян. – М.: Классика плюс, 1996. С. 137-146.
52. *Захаров В.Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. 264 с.
53. *Захаров В.Н.* Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 150-164.
54. *Зельдович М.Г., Лившиц Л.Я.* Русская литература XIX века: Хрестоматия критических материалов. – М., 1964. 551 с.
55. *Зенин К.В.* Идеал любви в творчестве Ф.М. Достоевского // Вест. РГГУ. М., 2010. № 13. С. 209-219.
56. *Золотко О.В.* Образ "золотого века" в творчестве Ф.М. Достоевского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 2017. 226 с.
57. *Иванова С.И.* Религиозная концепция русской идеи в публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского // Духовные истоки русской философской мысли. – Саратов, 2011. С. 73-78.
58. *Инговатов В.Ю.* Русский традиционализм Достоевского и безрелигиозный гуманизм нового времени // Жизненные силы славянства на рубеже веков и мировоззрений. – Барнаул, 2001. Ч.1. С.110-117.
59. *Камю А.* Миф о Сизифе. – М.: АСТ, Астрель, 2011. 218 с.

60. *Касаткина Т.А.* «Мы будем – лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. – М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
61. *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
62. *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. – М.: Наследие, 1996. 336 с.
63. *Кашиурников Н.А.* О совести в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. – СПб., 2010. № 27. С. 74-78.
64. *Кириллова И.А.* Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. – М.: Центр книги Рудомино, 2011. 160 с.
65. *Кирпотин В.Я.* Достоевский в 60-е годы. – М.: Худож. литература, 1966. 538 с.
66. *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского. Этюды и исследования. – М.: Советский писатель, 1980. 375 с.
67. *Кирпотин В.Я.* Ф.М. Достоевский. Творческий путь. – М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
68. *Коган Г.Ф.* Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура: Альманах / Гл. ред. К. А. Степанян. – М.: Б.и., 1994. С. 27-42.
69. *Кодоева А.Ч.* Особенности национального образа мира во фразеологии: (На мат-ле романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы») / РАН. Сев.-Осет. ин-т гуманит. и социал. исслед. им. В. И. Абаева Владикавк. науч. центра РАН и Прав-ва РСО-А.Владикавказ, 2011. 174 с.
70. *Козлов Н.Д.* Национальная идея и историческое сознание // Ключ: Альманах Пушкинского центра аналит. исслед. и прогнозирования. – СПб., 2009. Вып. 1. С. 40-53.
71. *Косенко П.П.* Сердце остается одно. Достоевский в Казахстане. – Алма-Ата, 1969. 178 с.
72. *Кошемчук К.Л.* Национальная идея в русском почвенничестве: На примере работ Ф.М. Достоевского // Исторические документы и актуальные проблемы

археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2012. С. 119-121.

73. Кошемчук Т.А. Человек самосознающий в романах Ф.М. Достоевского (Раскольников и князь Мышкин) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – Петрозаводск, 2008. № 4(97). С. 84-93.

74. Кошечко А.Н. Традиции русской литературы и культуры в пространственной поэтике романов пятикнижия Ф.М. Достоевского // Развитие русского национального миробраза в пространстве межкультурного диалога. – Томск, 2008. С. 64-67.

75. Криницын А.Б. Бинарные структуры в романе Ф.М. Достоевского Идиот // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 129-135.

76. Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128-142.

77. Криницын А.Б. Образ руси-тройки в русской литературе второй половины XIX века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – М., 2024. № 2. С. 121–133.

78. Криницын А.Б. Притча о народной вере и мотив крестового братания в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Litera. 2023. № 10. С. 148-159.

79. Криницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского. – М.: Макс Пресс, 2017. 456 с.

80. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. 2-е изд., доп. – М.: Изд-во МГУ, 1991. 400 с.

81. Кузнецова Е.В. Аксиологическое «поле битвы» в сердцах героев романа «Идиот» // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., 2009. Вып. 1 (23). С. 315-323.

82. Кузьминых Э.С. Мотив красоты в контексте религиозных исканий Ф.М. Достоевского // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2010. С. 18-23.

83. *Кунильский А.Е.* О христианском контексте в романе Ф.М. Достоевского "Идиот" // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 391-408.
84. *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979. С. 453-458.
85. *Лесевицкий А.* Русская идея Ф.М. Достоевского в этнополитическом преломлении // Общество и этнополитика. – Новосибирск, 2011. С. 126-133.
86. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова. 1953. 406 с.
87. *Мартьянов П.К.* Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки. – СПб., 1896. Т. 3. 304 с.
88. *Мейер Г.А.* Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. – Frankfurt/Main: Посев, 1967. 517 с.
89. *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. – Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. 152 с.
90. *Миллер Р.Ф.* Неоконченное путешествие Достоевского. – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.
91. *Митюшева И.Ф.* Ф.М. Достоевский как выразитель и пропагандист русской идеи в публицистике конца 1870-х – начала 1880-х годов // Terra Cultura. – Курск, 2010. С. 57-61.
92. *Михайловский Н.К.* Десница и шуйца Льва Толстого; Ф.М. Достоевский – жестокий талант. – М.: КРАСАНД, 2010. 202 с.
93. *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-Press, 1947. 561 с.
94. *Мюллер Л.* Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // «Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков». Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. С. 374-384.
95. *Надеждин И.И.* Литературная критика: Эстетика. – М., 1972. 588 с.

96. *Назирова Р.Г.* Проблема художественности Ф.М. Достоевского // *Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 125-156.
97. *Назирова Р.Г.* Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. 160 с.
98. *Нижников С.А.* Ф.М. Достоевский и «Русская идея» // *Вестник Калмыцкого университета.* 2016. № 1 (29). С. 104-111.
99. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли / Сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. – М.: Книга, 1990. 432 с.
100. *Одинокое В.Г.* Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск, Наука, Сиб. Отделение, 1981. 145 с.
101. *Орнатская Т.И.* «Сибирская тетрадь» // *Достоевский. Материалы и исследования.* Вып. 5. С. 222-225.
102. *Отливанчик А.Б.* Образ русского народа в этнопсихологическом очерке Достоевского «Влас» // *Достоевский и современность: материалы XVIII Междунар. Старорус. чтений 2003 г.* – В. Новгород, 2004. С. 138-148.
103. *Переверзев В.* Творчество Достоевского. 3-е изд. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. 233 с.
104. *Петровская О.В.* Евангельские мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского // *Духовно-нравственное воспитание: опыт становления гражданина.* – Н. Новгород, 2010. Ч. 2. С. 79-83.
105. *Пиксанов Н.К.* Достоевский и фольклор // *Советская этнография.* 1934. № 1-2. С. 152-180.
106. *Пичугина О.В.* Православная антропология Достоевского: (Концепция личности) // *Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – Кемерово, 2007. № 2. С. 146-155.
107. *Полевой Н.А.* История русского народа: В 6 т. – М., 1829-1833.
108. *Попов В.Д.* Проблема народа у Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования.* – Л., 1980. Т. 4. С. 41-54.

109. *Пруцков Н.И.* Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. – Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 58-82.
110. *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын отечества // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. Т. 1. С. 213-223.
111. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. – СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 15-162, 803-820.
112. *Розанов В.В.* О происхождении некоторых типов Достоевского. Литература в переплетениях с жизнью. – М.: Директ-Медиа, 2015. 95 с.
113. *Розенблюм Л.М.* Творческие дневники Достоевского. – М.: Наука, 1981. 368 с.
114. *Сайченко В.В.* Теодицея или антроподицея: постановка проблемы у Ф.М. Достоевского // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста. – Краснодар, 2011. С. 123-131.
115. *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итальянского. – СПб.: Академический проект, 2001. 187 с.
116. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. 644 с.
117. *Середенко И.И.* Мотив искушения в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Томского гос. пед. университета. Серия: Гуманит. науки (филология). – Томск, 2001. Вып. 1. С. 26-29.
118. *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. – М.: Худ. литература, 1972. 543 с.
119. *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
120. *Созина Е.* «Мизеры с человеческой душой»: модусы изображения в произведениях Ф. Достоевского, Н. Некрасова, Ф. Решетникова // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 52-72.

121. *Соколова Е.А.* К вопросу о «христианском социализме» Ф.М. Достоевского // Альм. соврем. науки и образования. – Тамбов, 2010. № 1(32), ч. 1. С. 135-138.
122. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
123. *Соловьев В.С.* Русская идея. – М.: Archive Publica, 2024. 54 с.
124. *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 290-323.
125. *Соловьев С.М.* Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского: Очерки. – М.: Советский писатель, 1979. 352 с.
126. *Степанян К.А.* К пониманию «реализма в высшем смысле» // Достоевский и мировая культура. Альманах, № 9. – М.: Классика плюс, 1997. С. 28-36.
127. *Струценко С.В.* Ф.М. Достоевский и Л. Н. Толстой о духовности // Образование и наука. 2014. №1 (110). С. 103-115.
128. *Суконик А.Ю.* Достоевский и его парадоксы. – М.: Языки славянской культуры, 2015. 256 с.
129. *Сыромятников О.И.* Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф.М. Достоевского: монография. – СПб.: Маматов, 2014. 366 с.
130. *Таранов М.С.* Ф.М. Достоевский о национальной идее России // Социальные ценности и выбор времени. – Курган, 2011. С. 120-123.
131. *Тарасова Н.А.* Библейские аллюзии и цитаты в творчестве Ф.М. Достоевского: художественно-публицистический контекст // Филол. науки. – М., 2011. № 4. С. 14-22.
132. *Теофилов М.П.* «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. Поэтика и проблематика. – Шумен, 2022. 210 с.
133. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005.

134. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
135. *Тихомиров Б.Н.* К осмыслению глубинной перспективы романа «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К. А. Степанян. – М.: Классика плюс, 1996. С. 251-270.
136. *Толстой Л.Н.* Письма. 375. Н. Н. Страхову. 1880 г. Сентября 26? Ясная Поляна. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 876.
137. *Третьяков Н.Ф.* Проблема человека, России и русского народа в творчестве Достоевского // Очерки истории русской социальной философии XVIII– XX веков: моногр. / Омский гос. ун-т. – Омск, 1999. С. 92-120.
138. *Трофимов Е.А.* О логистичности сюжета и образов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К. А. Степанян. – М.: Классика плюс, 1996. С. 167-188.
139. *Туниманов В.А.* Достоевский в Сибири // Вопр. лит. 1988. №1. С. 229-237.
140. *Туниманов В.А.* Творчество Достоевского. 1854–1862. – Л., 1980. 296 с.
141. *Тусичишин А.П.* Идейные источники образов Ф.М. Достоевского / Московский гуманит.-экон. ин-т. – М., 2010. 85 с.
142. *Уортман Ричард С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии рус. монархии: Материалы и исслед. – М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 608 с.
143. Ф.М. Достоевский и православие: Публицист. сб. статей о тв-ве Ф.М. Достоевского / Сост. Алексеев В. А. – М.: Изд. дом «К единству!», 2003. 448 с.
144. Ф.М. Достоевский и современность: актуальные вопросы изучения творчества: [науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию Ф.М. Достоевского, Сургут. гос. пед. ин-т, 15-16 нояб. 2001 г.]: сб. науч. ст. и материалов. – Сургут: СурГПИ, 2002. 140 с.
145. Ф.М. Достоевский: proetcontra, антология. Т. 1. 2-е изд. / Сост., вступ. статья, коммент. И. И. Евлампиева. – СПб.: РХГА, 2022. 880 с.

146. *Фокин П.Е., Петрова А.В.* "Пушкинская речь" Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. №2. С. 162-195.
147. *Фридендер Г.М.* Проблемы народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // *Достоевский: Материалы и исслед.* Т. 16. Юбилейный сборник / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб.: Наука, 2001. С. 390-404.
148. *Фридендер Г.М.* Реализм Достоевского. – М.-Л.: Наука, 1964. 404 с.
149. *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика. – М.: Издательство Института философии, 2001. 222 с.
150. *Цой А.Н.* Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф.М. Достоевского. – Якутск, 1995. 112 с.
151. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. – М.: Наука, 1967. 303 с.
152. *Шестопалова Г.А.* «Все замутилось! Где же обетование...»: (Христ. идеи и символы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // *Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века*. 1997. С. 127-136.
153. *Щенников Г.К.* Достоевский и русский реализм. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 350 с.
154. *Юдахин А.А.* «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурсы. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. – М., 2023. № 6. С. 102-111. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mertvyuy-hristos-golbeyna-v-romane-f-m-dostoevskogo-idiot-hristologicheskii-i-antikatolicheskii-diskursy> (дата обращения: 23.08.2024).
155. *Юдина И.М.* Примечания к <Сибирской тетради> Ф.М. Достоевского // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т.* – Л., 1972. Т. 4. С. 310-322.

156. *Якушин Н.И.* «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского // Труды Сталинского государственного педагогического института. Т. 3 (Сер. филологическая). – Сталинск, 1960. С. 25-37.
157. *Barnhart Joe E.* Dostoevsky's Polyphonic Talent. – Lanham: University Press of America, 2005. pp. 249. (*Барнхарт Джо Э.* Полифонический дар Достоевского. – Лэнхэм: Университетское издательство Америки, 2005. 249 с.)
158. *Contino Paul J.* Dostoevsky's Incarnational Realism: Finding Christ among the Karamazovs. – Eugene: Cascade Books, 2020. pp. 334. (*Контино Пол Дж.* Воплощённый реализм Достоевского: Обретая Христа среди братьев Карамазовых. – Юджин: Издательство «Cascade Books», 2020. 334 с.)
159. *Dostoevsky and the Christian Tradition.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. pp. 281. (Достоевский и христианская традиция. – Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2001. 281 с.)
160. *Frank J.* Between religion and rationality: Essays in Rus. lit. a. culture. – Princeton; Oxford: Princeton univ. press, 2010. pp. 299. (*Франк Дж.* Между религией и рациональностью: Очерки о русской литературе и культуре. – Принстон; Оксфорд: Издательство Принстонского университета, 2010. 299 с.)
161. *Frank J.* Dostoevsky: A Writer in His Time. – Princeton, NJ: Princeton University Press. 2010. pp. 984. (*Франк Дж.* Достоевский: Писатель своего времени. – Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2010. 984 с.)
162. *Frank J.* Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871. – Princeton: Princeton University Press, 1995. pp. 523. (*Франк Дж.* Достоевский: Чудесные годы, 1865–1871. – Принстон: Princeton University Press, 1995. 523 с.)
163. *Jefferson J. A. Gatrall.* The Icon in the Picture: Reframing the Question of Dostoevsky's Modernist Iconography // The Slavic. and East European Journal. 2004. Vol. 48, № 1. P. 1-25. (*Джефферсон Дж. А. Гатралл.* Икона в картине: переосмысление вопроса о модернистской иконографии Достоевского // Славянский и восточноевропейский журнал. 2004. Т. 48, № 1. С. 1-25.)

164. *Jones M. V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience.* – London: Anthem Press, 2005. pp. 183. (*Джонс М.В. Достоевский и динамика религиозного опыта.* – Лондон: Издательство «Антем Пресс», 2005. 183 с.)
165. *Maiorova O. From the shadow of empire: defining the Russian nation through cultural mythology, 1855-1870.* – Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010. 277 с. (*Майорова О.Е. Из тени империи: определение русской нации через культурную мифологию, 1855–1870.* – Мэдисон, Висконсин: Издательство Висконсинского университета, 2010. 277 с.)
166. *Rosenshield G. Akul'ka: The incarnation of the ideal in Dostoevskij's Notes from the House of the Dead // The Slavic and East European Journal.* 1987. Vol. 31, № 1. P. 10-19. (*Розеншильд Г. Акулька: Воплощение идеала в «Записках из Мёртвого дома» Достоевского // Славянский и восточноевропейский журнал.* 1987. Т. 31. № 1. С. 10-19.)
167. *Smith Anthony D. National Identity. Ethnonationalism in comparative perspective.* – London: Penguin Books, 1991. 227 с. (*Смит Энтони Д. Национальная идентичность. Этнонационализм в сравнительной перспективе.* – Лондон: Penguin Books, 1991. 227 с.)
168. *Stein H. F. Russian Nationalism and the Divided Soul of the Westernizers and Slavophiles. // Ethos: Journal of the Society for Psychological Anthropology.* 1976. Vol. 4, № 4. P. 403-438. (*Штайн Х.Ф. «Русский национализм и раздвоенная душа западников и славянофилов» // Этос: Журнал Общества психологической антропологии.* 1976. Т. 4. № 4. С. 403–438.
169. 万海松. 作为"第三条道路"的俄国根基派刍议—以费·陀思妥耶夫斯基为中心. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018(3): 94-107. (*Ван Хайсон. Суждения о русских почвенниках как о «третьем пути», ориентированные на Ф.М. Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии.* 2018. № 3. С. 94-107.)
170. 万海松. 寓于根基主义思想中的“人民性”问题—论陀思妥耶夫斯基的“人民性”概念的本质. 学习与探索, 2016(9): 137-141. (*Ван Хайсон. Проблема*

«народности» в идеях почвенничества – о сущности представления Достоевского о «народности» // Обучение и исследование. 2016. № 9. С. 137-141.)

171. 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想的反理性主义根源. 江海学刊, 2017(4): 204-209. (Ван Хайсон. Об антирациональных корнях почвенничества Достоевского // Академический журнал Цзян Хай. 2017. № 4. С. 204-209.)

172. 万海松. 论陀思妥耶夫斯基根基主义思想萌芽期与发展期的原创性. 外国文学, 2018(1): 25-33. (Ван Хайсон. Об оригинальности идей почвенничества Достоевского в период зародыша и развития // Иностранная литература. 2018. № 1. С. 25-33.)

173. 万海松. 《死屋手记》中“不幸的人”与东正教认同感. 外国文学研究, 2018, 40(2): 31-42 页. (Ван Хайсон. «Несчастное» и идентификация Православной Церкви в «Записках из Мёртвого дома» // Иностранное литературоведение. 2018. Т. 40, № 2. С. 31-42).

174. 刘锟. 论陀思妥耶夫斯基“罪”与“罚”思想中的东正教文化内涵. 国外文学, 2009(3):120-126. (Лю Кун. Православная культура и размышления Достоевского о «преступлении» и «наказании» // Иностранная литература. 2009. № 3. С. 120-126.)

175. 季明举. “文明与人民根基的和解”——陀思妥耶夫斯基的“知识分子与人民”命题. 俄罗斯东欧中亚研究, 2019(3): 100-112. (Цзи Минцзюй. «Примирение цивилизации и народной почвы» – тема «интеллигенция и народ» у Достоевского // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2019. № 3. С. 100-112).